
ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градомъ русскимъ
ВИЛЬНА
1867

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V 1867.

КНИЖКА III.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1867.

Дозволено Цензурою. 2-го Мая 1867 года. Вильна.

I.

№ 1.

ІАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

1.

Универсалъ короля Владислава IV о возвращеніи православнымъ жителямъ г. Бѣльска и м. Клешеля церквей, отнятыхъ на унію. 1633 года.

(переводъ съ польскаго).

Владиславъ, Божіею милостью король польскій и проч. проч.... Объявляемъ всѣмъ вообще и каждому порознь, преимущественно же воеводамъ, каштелянамъ, владѣльцамъ, старостамъ, земскимъ и градскимъ властямъ и всѣмъ коронным и Великаго княжества Литовскаго гражданамъ и всему народу, что на прошломъ счастливой коронаціи нашей сеймѣ, съ согласія всѣхъ чиновъ коронныхъ и Великаго княжества Литовскаго, въ видахъ примиренія людей вѣры греческой—неунитской съ людьми вѣры унитской, съ римскимъ костеломъ соединившимися, постановлено,—пока, дастъ Богъ, не послѣдуетъ на будущемъ сеймѣ полное, окончательное примиреніе,— возвратить неунитамъ нѣкоторыя цер-

кви и монастыри, со всѣми ихъ принадлежностями, мы приказываемъ, отдать имъ, между прочимъ, церковь св. Богоявленія въ Бѣльскѣ и св. Николая въ Клещеляхъ. Для отобранія которыхъ отъ уніатовъ и передачи неунитамъ въ вѣчное ихъ владѣніе назначаемъ нашего дворянина, луцкаго земскаго писаря Семена Гулевича, повелѣвая, чтобы уніяты эти церкви со всѣми ихъ принадлежностями немедленно, въ присутствіи сказаннаго дворянина, передали во владѣніе людямъ греческой религіи неунитамъ, безъ всякаго сопротивленія, препятствій и затрудненій въ свободномъ совершеніи въ нихъ богослуженія, подъ страхомъ лишенія нашей королевской милости. Данъ въ Краковѣ, марта 14 дня 1633 года, государствованія нашего польскаго и шведскаго перваго.

Vladislaus Rex.

Документъ этотъ въ современной оффиціальной копіи хранится въ архивѣ бѣльской Богоявленской церкви, подъ №№ 1 и 81.

2.

Рѣшеніе бѣльскаго войтовскаго суда по жалобѣ православныхъ жителей г. Бѣльска на тамошнихъ уніатовъ объ отнятіи сими послѣдними у первыхъ церквей и причиненіи разныхъ обидъ и насилій. 1643 года.

(переводъ съ польскаго).

По дѣлу о. Мелетія и мѣщанъ греческой религіи дисъунитовъ-истцевъ съ одной, а отвѣтчиковъ, позванныхъ въ судъ о. протопопа и другихъ поповъ уніатовъ, съ другой стороны, о томъ, что сіи послѣдніе не смотря на декретъ коммисарскій и привиллегіи, весь-

ма сильно притѣсняютъ неунитовъ, церковь ихъ насильно захватили, земли отняли, похищеннаго креста не возвратили и разныя другія совершили беззаконія.

Собравшись сего дня въ судъ, обѣ стороны вели между собою пренія, именно, сторона жалующихся преподобный отецъ Мартыновичъ, игуменъ лепесовскій и намѣстникъ преосвященнаго его милости отца Аѳанасія Пузины, луцкаго епископа, отъ его имени и всѣхъ мѣщанъ бѣльскихъ неунитовъ, жаловался предъ нынѣшнимъ судомъ на преподобнаго отца Лукіана Ѳедоровича Богованьскаго, администратора бѣльской протопопіи, Ивана Герасимовича Березовскаго, Ивана Малишевскаго, Ѳедора Воскресенскаго и другихъ, коихъ имена и фамиліи имъ извѣстны, о томъ, что, во первыхъ, нарушая общественное спокойствіе, попирая права и свободы, противясь пунктамъ примиренія, между диссидентами, изданнымъ на счастливой елекціи его королевской милости и конституціей 1635 года подтвержденнымъ, осмѣлились, въ городѣ его королевской милости Бѣльскѣ, года и числа означеннаго въ жалобѣ, напасть на двѣ церкви: св. Богоявленія и св. Воскресенія Господня, панами коммисарами возвращенныя неунитамъ и оффиціально-переданныя въ ихъ владѣніе, насильно взявши отъ пана Сокола вооруженныхъ охотниковъ, идя какъ бы на сраженіе съ зазженными факелами, бывшихъ при сихъ церквахъ людей неунитовъ побить и поранить, и такимъ образомъ святое мѣсто окровавили и обезчестили, замки поотбивали и обѣ эти церкви насильно отъ неунитовъ отняли и жившихъ при нихъ людей прогнали, а также принадлежащее имъ имущество и имѣніе заграбили и въ свое владѣніе взяли, наконецъ и отъ третьей церкви св. Николая, принадлежавшей неунитамъ, отняли земли и до сихъ поръ въ своемъ владѣніи держали. Во вторыхъ, что вышеска-

занные запрещая неунитамъ свободное совершеніе богослуженія, ѣдущимъ и идущимъ какъ въ полѣ, такъ и въ самомъ городѣ съ св. дарами къ умирающимъ забѣгаютъ дорогу, какъ это и недавно случилось, что уніятскій попъ Малишевскій, настоятель св. Троицкой церкви, встрѣтивъ идущаго съ св. дарами и съ серебреннымъ позлащеннымъ крестомъ въ рукахъ священника св. Николаевской церкви, насильно остановилъ его на дорогѣ и, избивъ его какимъ то необыкновеннымъ, похожимъ на огромный ножъ, оружіемъ, насильно отнялъ крестъ и до сихъ поръ держитъ его у себя.

Тѣла усопшихъ, противъ естественному закону, арестуютъ, и потомъ требуютъ за оныя выкупа, также, совершать въ неунитскихъ церквахъ бракосочетаніе запрещаютъ, а если бы кто совершилъ, воловъ забираютъ. Въ третьихъ, жаловалися, что тѣже отцы уніяты, вопреки законовъ и свободы совершенія богослуженія, вынудили отъ нѣкоторыхъ мѣщанъ бѣльскихъ какую то подписку, на основаніи которой всѣхъ жителей г. Бѣльска неунитовъ насильно заставляютъ принимать унію и подъ предлогомъ религіи, причиняютъ имъ несносныя обиды и доводятъ ихъ до большихъ убытковъ. Несправедливые дѣлаютъ протесты о дѣлахъ никогда небывалыхъ, какъ напр. объ отнятіи якобы у нихъ церкви св. Николая, которая искони принадлежала неунитамъ, и хотя навремя и была у нихъ пасильно отнята унитами, но возвращена первымъ по декрету коммисарского суда. Касательно перваго пункта, жалующіеся неуниты просятъ нынѣшній судъ, дабы возвращены были имъ двѣ, насильно отнятыя уніятами церкви св. Богоявленія и св. Воскресенія, такъ какъ права на эти церкви утверждены были для неунитовъ прежде епископомъ брестскимъ и владимирскимъ Поцѣемъ, еще до начала уніи, но благо-

словенію кѵръ Іереміи, константинопольскаго патріарха, потомъ его королевскою милостью конфирмованныя, наконецъ эти обѣ церкви присуждены были, по случаю отнятія ихъ на унію, неунитамъ пунктами елекціоннаго сейма, изданными для примиренія диссидентовъ и подтвержденными конституціею 1635 года, вслѣдствіе чего онѣ, со всѣми принадлежностями и были переданы неунитамъ, назначеннымъ сеймомъ для сего коммисарами. Въ доказательство чего жалующіеся представили въ судъ и подлинные документы и притомъ просили также о возвращеніи имъ, захваченныхъ уніятами отъ св. Николаевской церкви земель. Касательно втораго пункта жалующіеся просили, чтобы строго запрещены были всякія насилія, нападенія уніятовъ на пути, чтобы серебренный крестъ былъ возвращенъ, а отнявшій его насильно уніятъ-попъ, подвергнутъ былъ за это строгому наказанію и чтобы, наконецъ, неуниты впредь пользовались бы свободою богослуженія. Касательно третьяго пункта, просили, дабы вышесказанная подписка, беззаконно и насильно исторгнутая уніятами у нѣкоторыхъ бѣльскихъ мѣщанъ неунитовъ, на основаніи которой они, вопреки правъ, конституцій и свободы вѣры незаконно понуждаютъ всѣхъ неунитовъ къ принятію уніи,— была уничтожена, а виновники всѣхъ вышесказанныхъ, по тремъ пунктамъ, обвиненій, подвергнуты были, по всей строгости законовъ, наказанію и уплатѣ жалующимся всѣхъ проторей и убытковъ и проч....

Сторона отвѣтчиковъ, не входя ни въ какія пренія съ жалующимися, не приводя въ свое оправданіе никакихъ доказательствъ и возраженій, объявила, что такъ какъ всѣ взнесенныя жалующимися на нихъ претенсіи и обвиненія требуютъ дознанія, то проситъ судъ рѣшеніе этаго дѣла отложить до того времени, когда оно

будетъ уяснено слѣдствіемъ. Поэтому, нынѣшній судъ войтовскій, выслушавъ пренія обѣихъ сторонъ и хорошо оныя обдумавши, поелику дѣло идетъ объ отнятіи двухъ церквей со всѣми ихъ принадлежностями, имуществами и угодьями и сторона отвѣтчиковъ проситъ отстрочки рѣшенія, дѣло это отсылаетъ ко двору его королевскаго величества и срокъ явки для обѣихъ сторонъ назначаетъ шесть недѣль отъ сегодняшняго числа. Въ удостовѣреніе чего, съ приложеніемъ фамилійной печати, собственноручно подписываюсь.

Адамъ Казановскій.

Подлинникъ находится въ архивѣ бѣльской Богоявленской церкви, ветхъ, состоитъ въ описи подъ №№ 16 и 96.

8.

Жалоба православнаго инока, настоятеля бѣльской св. Николаевской церкви на уніятскаго попа св. Троицкой церкви Іоанна Малишевскаго о нападеніи на него, идущаго по улицѣ къ больному съ св. дарами, причиненіи ему побоевъ, отнятіи дарохранительницы и серебраннаго креста и пр. пр. 1644 г.

(переводъ съ польскаго).

Данъ въ мѣльницкомъ обозѣ, на канунѣ праздника св Трехъ Царей (Богоявленія) 1644 года.

(Копія).

Явились предъ урядомъ нынѣшнихъ старостинскихъ гродскихъ мѣльницкихъ книгъ преподобный отецъ Никодимъ *Ѳедоровичъ*, инокъ греческой религіи, настоятель церкви св. Николая въ г. Бѣльскѣ, съ великою скорбію и со слезами жаловался, и свою обиду и поношеніе разсказывалъ и протетестовалъ, какъ отъ се-

бя, такъ отъ имени преподобнаго о. Матвея Мартыновича, игумена лепесовскаго монастыря и бѣльскаго намѣстника, отъ преосвященнаго отца, его милости, луцкаго епископа-неунита назначеннаго, противъ бѣльскаго св. Троицкой церкви уніятскаго попа о. Іоанна Малишевскаго о томъ, что въ прошлый понедѣльникъ, забывъ страхъ Божій и уваженіе къ своему духовному сану, а привыкши издавна угнетать и преслѣдовать людей духовныхъ и свѣтскихъ древней греческой религіи, нарушая общественный миръ, въ особенности утвержденный между греческою религіею кенституціонными постановленіями и, наконецъ, вопреки правъ и законовъ рѣчи посполитой,— тѣла умершихъ арестуетъ, за браки православныхъ въ церквахъ неунитскихъ воловъ грабитъ, на священниковъ на дорогѣ нападаетъ, какъ это случилось и недавно, что у священника, идущаго къ больному, серебренный крестъ отнялъ и неизвѣстно куда дѣвалъ, и разныя другія тяжкія и несносныя обиды, насилія и беззаконія, съ необузданною яростью, неунитамъ причиняетъ. Такъ, между прочимъ, когда сказанный жалующійся, напутствовавъ св. дарами одного больного, возвращался домой, тогда онъ, собравъ какихъ то безпутныхъ людей, заступилъ ему дорогу на улицѣ и самыми студными и подлыми словами ругалъ, билъ, хваталъ за бороду, волоса рвалъ, по землѣ таскалъ, ризу, епатрахиль и монашескую рясу съ него содралъ, серебрянную чашу съ серебрянной лжицей и шелковыми воздухами насильно отнялъ, оставшіеся отъ больного частицы св. даровъ выбросилъ изъ чаши на землю и всѣ эти вещи, отнятыя разбоемъ, взялъ и унесъ съ собою. Противъ всего этаго, сказаный отецъ Никодимъ Өедоревичъ, па Троицкаго попа Іоанна протестовалъ, предоставивъ себѣ право вѣдаться съ нимъ законнымъ порядкомъ за тако-

вый, неслыханный въ христіянствѣ, его поступокъ отцу преосвященному его милости, отцу владыкѣ луцкому, неуниту, или его намѣстнику въ г. Бѣльскѣ. Почему и просилъ жалобу эту его вписать въ старостинскія гродскія мѣльницкія книги, куда она и вписана и выдана ему сія копія съ приложеніемъ печати.

Correxit Radlewski. М. П. Ex actis Capitenealibus Costro Mieln. Rillewicz.

Хранится въ архивѣ Богоявленской бѣльской церкви, подъ №№ 21, 100.

4.

Копія рѣшенія коммисарскаго суда по дѣлу объ отнятіи въ г. Бѣльскѣ православныхъ церквей уніятами и причиненіи сими послѣдними православному духовенству и міранамъ разныхъ обидъ и насилій. 1668 г.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Составленъ (Actum) въ бѣльской королевской канцеляріи 1668 года, послѣ Фоминного воскресенія.

Въ присутствіи обознаго капитанскаго брянскаго уряда, мѣщанинъ бѣльскій Власій Аришевичъ представилъ ко вписанію въ градскія книги декретъ королевскихъ коммисаровъ, съ просьбой выдачи ему копіи сего декрета, скрѣпленной собственноручною ихъ подписью, съ приложеніемъ ихъ печатей, слѣдующаго содержанія. Данъ (Actum) въ городѣ Бѣльскѣ 1636 года. Мы коммиса-

ры его королевскаго величества, съѣхавшіеся сюда въ г. Бѣльскъ для примиренія несогласныхъ (dissidentes) въ греческой религіи, объявивъ чрезъ вознаго короннаго пана Шимона Вѣжбицкаго открытіе нашего коммисарскаго суда, приступили къ выслушанію обвиненій и оправданій обоихъ сторонъ. И во первыхъ, неуниты слезно жаловались на тяжкія притѣсненія и обиды, какія они претерпѣвали за вѣру, какъ отъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ людей, такъ что не только сами много *терпѣли на здоровьи и чести*, но, что еще прискорбнѣе, и въ вѣрѣ такъ были притѣсняемы, что не только лишились всѣхъ находящихся здѣсь церквей, но не могли свободно совершать богослуженія и таинства вѣры, дѣтей крестить, погребать умершихъ, что никому никакимъ закономъ не запрещено; уніяты же ссылались на какой то контрактъ, полюбовнымъ будто бы способомъ заключенный съ неунитами и *заактикованный* (вписанный въ градскія книги) въ *гродѣ* брянскомъ, а потомъ въ петрковскомъ трибуналѣ, однакожъ мы, удостовѣрившись, что этотъ контрактъ не подтвержденъ высшими властями и сеймами, а только служилъ поводомъ постоянныхъ споровъ и раздоровъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, между унитами и неунитами, согласно конституціи 1635 года, которая всякія подобныя, мнимо законныя, происки, служащіе только къ воспламененію давнихъ несогласій, запрещаетъ и уничтожаетъ, и мы уничтожаемъ и обѣимъ сторонамъ приказываемъ сообразоваться съ конституціей о примиреніи диссидентовъ и требуемъ, чтобы впредь мѣщане его королевской милости ни отъ кого не были противозаконно позываемы въ суды и трибуналы. За тѣмъ приступаемъ къ дѣйствительному продолженію нашей коммисіи. И во первыхъ, представляемъ вниманію унитовъ и неунитовъ, что, кромѣ нѣсколькихъ унитовъ,

лично намъ представленныхъ, болѣе ихъ мы не видѣли. Неунитовъ же большую толпу людей и длинный реэстръ домовъ и всѣхъ нежелающихъ быть въ уніи намъ указанъ и поданъ, поэтому мы, сосчитавши вѣрно и сравнивши число въ уніи и не въ уніи находящихся людей, поелику священники Воскресенской и св. Николаевской церкви съ своими прихожанами объявили что въ уніи быть не желаютъ и подъ послушаніемъ унитскаго владыки, развѣ по незнанію, никогда не были, узнавши притомъ что и церковь св. Богоявленія была нѣкогда утверждена за неунитами Ипатіемъ Поцѣемъ, кіевскимъ митрополитомъ и владимірскимъ епископомъ, и отдана бѣльскому братству кvръ Іереміею константинопольскимъ патріархомъ, на что намъ предъявлена и конфирмація его королевского величества вмѣстѣ съ универсаломъ, даннымъ пану Гулевичу, писарю земскому луцкому на передачу этой церкви неунитамъ, то мы, принявъ во вниманіе, что всѣ, безъ исключенія, прихожане церквей Воскресенской и св. Никольской желаютъ остаться при своихъ священникахъ неунитахъ и отступить отъ своей вѣры не соглашаются, а болѣе всего, имѣя въ виду вышесказанную королевскую конфирмацію привиллегіи, данной неунитамъ на церковь св. Богоявленія еще покойнымъ владыкою Поцѣемъ и передачу этой церкви кvръ Іереміею патріархомъ константинопольскимъ бѣльскому братству и наконецъ, принимая во вниманіе и универсалъ и спеціальный регистръ для отдачи этой церкви неунитамъ, данный его королевскимъ величествомъ на коронаціонномъ сеймѣ, на имя сказаннаго выше пана Гулевича,— всѣ эти три церкви, т. е. Воскресенскую, Богоявленскую и Николаевскую, со всѣми ихъ принадлежностями, землями и имуществомъ; присуждаемъ неунитамъ, во владѣніи теперешняго и потомъ будущаго луцкаго владыки сос-

тоящимъ. Для унитовъ же, которыхъ столь малое здѣсь число находимъ, достаточно было бы и одной церкви; но, въ надеждѣ на приращеніе ихъ, двѣ церкви, т. е. Пречистенскую и Троицкую, со всѣми давними ихъ принадлежностями, землями и имуществомъ, присуждаемъ и въ дѣйствительное владѣніе обоимъ сторонамъ передаемъ, съ тѣмъ однакожъ поясненіемъ, что людямъ въ неуніи состоящимъ, хотя бы они и были приписаны къ уніятскимъ приходамъ, даемъ право, на основаніи пунктовъ, изданныхъ на елекціонномъ сеймѣ для примиренія между унитами и неунитами, ходить въ неунитскія церкви и тамъ свободно совершать свое богослуженіе, что относится къ обѣимъ сторонамъ. Кромѣ того, гражданамъ города Бѣльска неунитамъ, согласно вышесказаннымъ пунктамъ, даемъ свободный доступъ къ городскимъ должностямъ. А дабы обѣ стороны наше это рѣшеніе твердо и безъ всякихъ уклоненій исполнили, то на всякаго нарушителя общественнаго спокойствія налагаемъ штрафъ, т. е. уплату 30,000 гривенъ польскихъ, а для общаго согласія и взаимнаго обѣихъ сторонъ уваженія не только между греческою религіей, но и духовенствомъ римско-католической церкви, всякое обѣимъ сторонамъ другъ къ другу, въ особенности къ р.-католическимъ ксендзамъ приказываемъ оказывать почтеніе и честь — (honorem). Этотъ декретъ на подлинномъ скрѣпленъ собственноручными подписями господъ коммисаровъ такимъ образомъ: *Зборовскій*, староста городельскій, *Янъ Станишевскій*, ключникъ луцкій, секретарь его королевскаго величества, Григорій *Четвертынскій*, *Андрей Загоровскій*, дворянинъ и коммисаръ его королевскаго величества, собственною рукою. Печатей фамильныхъ, ихъ милостей господъ коммисаровъ, четыре. Который декретъ, представленный въ подлинникѣ, здѣсь вписанъ

есть, и выдана съ него сія копія изъ обозныхъ капитанскихъ брянскихъ актовыхъ книгъ.

М. П. | Correxit Zochowsky.

Копія эта, въ современномъ подлинномъ спискѣ. хранится въ архивѣ бѣльской Богоявленской церкви, подъ №№ 18, 97..

5.

Вводъ во владѣніе иноковъ борисовскихъ церковью и монастыремъ св. Воскресенія, находящемся на предместьи г. Борисова, по уступкѣ каштеляна сандомірскаго Казановскаго.

Лета отъ нароженя Сына божого тисеча шест сотъ сорокъ втораго мца Генваря двадцать осмого дня.

На рокахъ судовых земскихъ о трех кролех Святе рымскимъ припалых и порядкомъ права посполитаго судовне в орши отправованых. Переднами миколаем боратынским Судьею Якубом вислоухом подсудком яном гекторомъ подберезким Писаром врадниками судовыми земъскими Повету оршанскаго. Ставши очевисто у суду енералъ дворны его королевское мсти Повсту оршанского, Стефан Ратомскій Квитъ свой инътромисыйный Прызналъ и ку записаню до книг земскихъ оршанскихъ подалъ втые слова писаный, я Стефанъ Ратомскій енерал дворны его королевское мсти повету оршанскаго Сознаваю тым моимъ инътромисыйным квитом ижъ вроку тепер идучемъ тисеча шест сот сорок втором мца генвара четырнадцатого дня. маючи я пры

собе стороною трехъ шляхтичовъ Пана филона Богдановича, Пана Самуеля будънаго и Пана томаша чешейка, скоторыми был есми на справе ниже мененой вместе его королевское млсти борысовскомъ напредместю вконьцу называемое улицы савичне спрысаду оршанъского пры гостинцу отъ реки Схи будованомъ, там же втом монастыру борысовском вбозе велебный его млсть отец теодозы Комаренскій, Игуменъ того монастыра воскресенскаго невуніи але в благочестии будучый, з многим згромаженемъ мещан борысовскихъ, отдали до мене енерала листъ творыстый, от ясне вельможнаго Пана его милости Пана адама на казинове и чашникахъ казиновского белскаго, Солецкого старосты. Вкоторомъ рачылъ его млсть писать домене, ябымъ а енерал зъѣхавъши доместа борисовскаго, туюжъ звыш менованую церковъ Светого воскресеня змонастыром напредместью борысовскомъ прыгостинцу оршанском, а пры границы кгрунтов пна филона бобровицкаго збудованым, водлуг привилею его королекское млсти, и водлугъ цесы и его млсти пна сендомирскаго, мещаномъ места борысовъскаго и преложоному духовному втом монастыру мешъкаючему, не вунии, але вблагочестии подпослушенством Патрыархи Констанътинополскаго будучому даное, до посесьи подал, и увезалъ, где Приотданью того лису его млсти Пана старосты борысовскаго, Прывилей найяснейшаго Короля его млсти владыслава чвартаго Пана щасливе тепер компануючаго, паданя осми плацов на побудоваие тое церки воскресенское не вунии будучое звольным ужыванем вшелякихъ обрадковъ и цыремонии Старожытнаго набоженства греческаго, такъ же и тую цесью его млсти Пана сендомирскаго написме спечатью и сподписом руки его млсти, мне енералу и той стороне шляхте, примне будучой указавшы, жодали мене тыи мещане борысовские, и его млсть отецъ теодозый

Комаревскій игумен того монастыра воскресенскаго, Абымъ я ведлугъ тое цесыи запрывилеемъ его Королевъское млсти, втую церковъ воскресеньскую вилицы, и втотъ монастыр воскресенский притой церкви будованый, оныхъ интромитовал, А такъ я енералъ зъ его млстью отцомъ теодозымъ Комареневким, игуменом воскресеньским, неунияцкимъ, але благочестивый и стороною шляхтою прымне будучою, измногим згроможенем мещан борысовских затаковымъ листомъ до мене от его млсти пна старосты борысовскаго Писанным. также за цесыею его млсти видечы прывилей его кор. млсти слушный, объшедшы около тотъ монастыр воскресенький дылеванем огорожаный, и огледавшы тые впрывилею помененые Шляцы, и въ все будынок церковный монастырский напредместю борысовскомъ прыгостинцу спрыезду оршанскаго одреки Съхи пры границы и грунтовъ Пана филона бобровницкого землянина повету оршанскаго оную церковъ заложеня светого воскресеня христова, зе вшеляким охендовством аператами церковъными зе звонами, зе вшеляким будованемъ втом монастыру будучим вмоц вдерженье и въ спокойное вечыстое уживанье его млсти отцу теодозыю Комаренскому теперешнему игумену того монастыра воскресенскаго яко наместнику отъ велебнаго вбозе его млсти отца сылвестра косова владыки мстиславскаго, оршанскаго и могилевскаго благочестиваго не вунии будучаго до того монастыра зосланому, и потом наступуючым по их сукцесором, владыком, игуменом, подпослушенствомъ Патриарховъ Константиполских благочестивыхъ а невунии будучыхъ, зовсим навсе водлугъ тое цесыи и прывилею его королевское млсти, до посесыи и спокойнаго ужываня ихъ млсти подал и завел есми и за таковым моим енералскимъ интромитованемъ отец игуменъ теперешний воскресенскій и борысовскій и сукце-

сорове его мласти наступуючые въ благочестии а невуніи будучым тое церкви и монастыря воскрееенскаго за цесеею Iасне Велможного Пана его мласти пана Сендомирскаго старосты борысовъскаго, и затымъ прывилеемъ его королевское мласти Поссесорами зоставшы, и въ потомные часы Спокойне державчыми быти маютъ, вкоторой справе іа енерал дал есми его мласти отцу теодозему комаренскому Игумену воскресенскому борысовскому и сукъцесорамъ его милости сесь мой инътремисыйный квитъ подъ печатю и сподписом руки моее, также подпечатьми Стороны шляхты прымне будучое и сподписомъ рук ихъ которые писать умели, Писанъ вмонастыру воскрееенскимъ на предместю борисовъским в концу улицы Савичое рока мца и дня вышъ писанаго, у того интромисыйнаго квиту печатей прытисненныхъ чотыры А подписъ руки енералское и стороны шляхты подписано есть тыми словы Stephan Rotomski Ieneraɫ dworny Iego Korolewskiey msci Apria, Iако сторона филонъ богдановичъ рукою, Iако strona Czeszeiko Tomasz wɫasna Renka Который тотъ интромисыйный квитъ запризнаньемъ выш речоного енерала докнигъ земъскихъ есть уписанъ, А по уписаню и выписъ ихъ млстямъ выданъ.

Вит. Губ. Вѣд.

II.

СУПРАСЛЬСКІЙ

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(*Продолженіе*) (1)

2.

Состояніе супрасльскаго монастыря отъ принятія монастыремъ уніи до возсоединенія съ православною церковью.

Хотя братія супрасльскаго монастыря, принявшая унію, издавая въ свѣтъ катихизисъ пинскаго протоіерея Петра Аркудія, надѣялась улучшить состояніе церкви въ соединеніи съ римскою церковію, но надежда ея болѣе чѣмъ не оправдалась. Знаменитый монастырь потерялъ прежнее свое значеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде онъ, часто именуясь лаврою, пользовался полною самостоятельностію, а по принятіи уніи, имъ старались владѣть то фундаторы монастыря, то орденъ базильянскій, то разные прелаты, избиравшіеся въ супрасльскіе архимандриты. Монашествующіе, въ борьбѣ съ разными посягателями на овладѣніе монастырскими имѣніями, оскудѣвали числомъ и добродѣтелями подвижничества. Прежде фундаторы не стѣсняли духовной власти митрополитовъ и вліянія ихъ на дѣла монастыря, а напротивъ помогали имъ во всемъ, такъ что безъ воли и благословенія митрополита никакое важное дѣло не совершалось въ монастырѣ. А по принятіи уніи, попечители монастыря часто не подчинялись ихъ власти и даже старались стѣснять ее.— „Для того, чтобы пожаловаться тебѣ на своихъ унитовъ, говоритъ

(1) Смотри 2 книжку «Вѣстника.»

митрополитъ Петръ Могила въ своемъ „Лиѳосѣ," (1) достаточно тебѣ, братъ, посмотрѣть на нихъ и видѣть, что они дѣлаютъ съ монастырями и церквами, надѣленными фундушами. Развѣ не велікія были фундуши знаменитаго въ Литвѣ супрасльскаго монастыря? Однако прежде, при православныхъ фундаторахъ, жилю такъ сто, а наименьше восемьдесять монашествующихъ братій, кромѣ клирошанъ; а теперь, подъ управленіемъ унитовъ, до того дошло, что едва нѣсколько ихъ тамъ находится. А особенно важно то, что тамъ прежде имѣніями монастырскими управлялъ самъ архимандритъ, по принятіи же уніи управлялъ и управляетъ ими свѣтскій господинъ и чрезъ слугу своего выдаетъ монашествующимъ содержаніе, какое ему угодно, и доходы съ нѣсколькихъ десятковъ селъ употребляетъ на свои пожитки, а трусливые униты не обращаютъ и это вниманія. Спроси въ томъ же монастырѣ, гдѣ дѣвались его древнія иконы, обложенныя серебропозолоченными досками, и ты узнаешь, что это серебро обращено на частныя потребности— владѣльцевъ монастыря, а въ церкви, вмѣсто серебряныхъ, поставлены полотняныя—итальянскія иконы. Хорошо съ Господомъ Богомъ торгуютъ, давая ему за позолоченное серебро-полотно!" (2).

Едва только умеръ попечитель монастыря, при которомъ монастырь перешелъ въ унію, какъ его братъ Христофоръ Іеронимъ Ходкевичъ въ 1627-мъ г., нагло и обманомъ овладѣлъ монастырскими имѣніями. Пріѣхавши въ монастырь 20 января и созвавши всю братію въ трапезу, онъ далъ архимандриту Герасиму Величковскому листъ, на которомъ были прежде уже написаны имъ правила и условія для жизни монаховъ того монастыря.

„Послѣ кончины," говорится въ этомъ листѣ, „послѣдовавшей въ прошломъ 1626 году, великоименитаго господина Александра Ходкевича. . . воеводы трокскаго, старосты борисовскаго, брата моего, и по правамъ и обычаямъ, утвержденнымъ въ нашей Ходкевичевской фамиліи, ктитора супрасльскаго монастыря, ктиторство, или надзоръ, а также власть надъ этимъ монастыремъ перешли ко мнѣ по праву, мнѣ прирожденному. Когда я, въ нынѣшнемъ 1627 году, получилъ власть надъ этимъ монастыремъ и посѣтилъ его, тогда увидѣлъ, что чернецы этого монастыря не поступаютъ согласно съ правилами св. Василія Великаго, на основаніи которыхъ у-

(1) Изданномъ подъ псевдонимомъ Евсевія Пимина.
(2) См. «Lithos.» 1644 г. Kiiow, стр. 365.

троенъ этотъ монастырь (?), и ни въ чемъ вообще не слѣдуютъ тимъ правиламъ, заботясь о мірскихъ, а не о духовныхъ предметахъ. Въ слѣдствіе этого, я рѣшился возстановить порядокъ, павшій по небреженію настоятелей,... и, проникнутый ревностію о славѣ Божіей, я тотчасъ это исполнилъ. Такъ какъ я видѣлъ между чернецами этого монастыря немало такихъ, которые не только не знали устава, но даже и не слыхали о немъ, и съ которыми нужно было скоро и рѣшительно поступать, чтобы предохранить ихъ отъ совершеннаго паденія, то я счелъ нужнымъ въ такомъ важномъ дѣлѣ дать имъ нѣсколько времени на размышленіе, именно до 5-го сентября сего 1627 г. Прежде всего я поставилъ имъ въ обязанность, чтобы назначенный нами чтецъ ежедневно въ трапезѣ во время обѣда читалъ уставъ, котораго они не знаютъ, и повторялъ бы его нѣкоторое время съ упомянутаго дня до моего посѣщенія. Чтобы это было имъ заранѣе извѣстно, дабы во время моего посѣщенія не отговаривались незнаніемъ, — я далъ имъ на этомъ моемъ письмѣ точныя наставленія, относящіяся къ монастырю и нужныя для него, чтобы они знали подъ какимъ надзоромъ должны жить, т. е. для того, чтобы не пришлось насильно мѣшаться въ дѣла, подлежащія церковному начальству. Достопочтенный отецъ митрополитъ, —если найдетъ нужнымъ, по дѣламъ духовнымъ, для порядка церковнаго богослуженія, посѣтить монастырь, — долженъ дѣлать это съ моего вѣдома, какъ фундатора, впрочемъ такъ, чтобы ни самъ отецъ митрополитъ, ни кто другой отъ него уполномоченный, не касался дѣлъ свѣтскихъ и угодій, завѣщанныхъ монастырю супрасльскому, потому что это, по правамъ нашимъ, принадлежитъ мнѣ и моему потомству. Гдѣ дѣвались тѣ вещи, которыя, по ревизіи отца митрополита, отъ всѣхъ монаховъ имѣли быть снесены въ общую кладовую? Если это не было сдѣлано, то теперь каждый непремѣнно долженъ это исполнить; потому что это должно было исполнить еще одинадцать лѣтъ тому назадъ. Если кто-нибудь изъ монаховъ не захотѣлъ перемѣнить своихъ давнихъ худыхъ привычекъ и уклонился отъ исполненія устава и своихъ обязанностей, то такому не должно потакать и таковой долженъ быть наказанъ митрополитомъ или его полномочнымъ. Все же это пусть дѣлается съ вѣдома моего и потомства моего, исключая маловажныхъ проступковъ, которые самъ архимандритъ съ братіею имѣетъ право разсудить согласно съ уставомъ. О. архимандритъ обязанъ держать при церкви въ монастырѣ не болѣе 6-ти іеромонаховъ благочести-

вой жизни и ревностныхъ къ славѣ Божіей. Изъ нихъ должны быть избраны одинъ намѣстникъ и другой для помощи и совѣта отцу архимандриту, а также одинъ изъ іеромонаховъ долженъ быть казначеемъ, который пусть изберется изъ наиболѣе способныхъ къ этому дѣлу. Кромѣ того, о. архимандритъ долженъ имѣть двухъ діаконовъ, людей благочестивыхъ и испытанныхъ въ правилахъ монастырскихъ. За ними нужно наблюдать, чтобы не были праздными, даромъ хлѣба монастырскаго не ѣли, а чтобы занимались чтеніемъ св. писанія. По кончинѣ каждаго іеромонаха, по распоряженію отца митрополита, и за моимъ и потомства моего вѣдомомъ, они могутъ поступать на священство, какъ питомцы монастыря этого. На мѣсто же поступившаго долженъ быть избранъ другой; изъ способнѣйшихъ же одинъ можетъ быть казначеемъ, а другой—ризничимъ. Дьяковъ для пѣнія нѣтъ нужды имѣть, потому что могутъ пѣть въ церкви приготовляющіеся къ монашеству. Монахъ или чернецъ не долженъ своевольно и безъ нужды,—какъ это они прежде дѣлали,—отлучаться изъ монастыря, а только съ вѣдома и позволенія архимандрита, а въ его отсутствіе—съ вѣдома намѣстника, какъ его помощника. Принимать монаховъ въ монастырь изъ корысти о. архимандритъ не долженъ—безъ моей рекомендаціи (объявленія) или вѣдома. Не должно помѣщать въ монастырѣ какихъ либо гостей обыкновенныхъ, также монашескихъ подданныхъ, а особенно людей не духовныхъ, а о. архимандритъ, посовѣтовавшись съ своимъ намѣстникомъ, долженъ для таковыхъ и для лошадей ихъ избрать годное мѣсто недалеко отъ монастыря. Однако для людей знатныхъ, которые бы пріѣхали на богомолье, не запрещается отводить квартиры въ монастырскихъ зданіяхъ. Списки правъ и привиллегій, принадлежащихъ монастырю, должны быть собраны въ одинъ сундукъ и тамъ храниться подъ моимъ замкомъ и печатью. А если бы чего не доставало (изъ документовъ), а находилось въ другомъ мѣстѣ, то я владѣтельный фундаторъ, вмѣстѣ съ отцомъ архимандритомъ, должны это отыскать, а отыскавши, все по порядку записать въ реестръ, одинъ экземпляръ котораго долженъ храниться при мнѣ, а другой при отцѣ архимандритѣ, за печатьми и собственноручными подписями. Опись серебра, золота, украшеній и другихъ вещей должна быть исправно сдѣлана и находиться при мнѣ и при отцѣ архимандритѣ, а если что прибудетъ къ церковному имуществу, то всякій разъ должно приписываться къ описи его. Лежащая при монастырѣ иму-

супрасльская должна, по прежнему, оставаться при отцѣ архимандритѣ и въ ней работы должны отправляться обыкновеннымъ порядкомъ. Мельницы, сукновальни и крупчатки также должны оставаться при монастырѣ во власти о. архимандрита. Съ доходовъ мызы и мельницъ, всякій архимандритъ долженъ надѣлять клирошанъ и монастырскую прислугу, платя каждому изъ нихъ столько, сколько слѣдуетъ по уговору; тѣхъ, безъ которыхъ вообще можно обойтись, не нужно держать, чтобы не было ни грѣха, ни ущерба. Со всѣхъ доходовъ о. архимандритъ, съ старшею братіею, долженъ будетъ ежегодно дать отчетъ тому, кого я пришлю. Остатокъ отъ расходовъ отдавать нужно въ казнохранилище. Отецъ архимандритъ за всѣ прошлые годы, съ того времени, какъ поступилъ, обо всѣхъ разныхъ доходахъ, которые поступали въ его руки, долженъ доставить исправный отчетъ, потому что церковное добро должно быть употребляемо на нужды церковныя, а не на что-нибудь другое. Если самъ архимандритъ обиженъ, или кто изъ монаховъ обиженъ чѣмъ нибудь какъ отъ архимандрита, такъ и отъ намѣстника, пусть доносятъ мнѣ. Я же, съ своей стороны, постараюсь разсудить ихъ самымъ справедливымъ образомъ. Что касается до двухъ мызъ, принадлежащихъ супрасльскому монастырю и находящихся при этихъ мызахъ полѣскихъ земель, то все, что прежде съ нихъ отпускалось, и теперь управляющій мой долженъ давать. Эти угодья, согласно съ правами и давними обычаями, будутъ во власти моей и моихъ управителей, которыхъ я буду постановлять изъ людей способныхъ, и самъ буду надсматривать, по обязанности моей, чтобы въ этихъ угодьяхъ всякое хозяйство шло исправно и пріумножалось. А управляющіе мои и моихъ потомковъ должны будутъ обо всѣхъ доходахъ, получаемыхъ съ мызы и подданныхъ, за каждый годъ управленія своего давать отчетъ предо мною или лицомъ отъ меня назначеннымъ. Всякіе доходы съ податей, житницъ, скотныхъ дворовъ и мызы, по распоряженію моему и о. архимандрита, будутъ даваемы монастырю, а что останется, то, обративъ въ деньги, вмѣстѣ съ деньгами податными, я съ о. архимандритомъ положимъ въ сундукъ, находящійся въ монастырѣ, въ церкви, и запираемый двумя ключами — моимъ или управителя моего и архимандричьимъ. Эти доходы будутъ обращаемы на починку церкви и на разныя монастырскія нужды и строенія. Съ тѣхъ же доходовъ будетъ приготовляема одежда и полотна для монаховъ и священниковъ, при чемъ архимандритъ долженъ наблюдать, чтобы монахъ носилъ одеж-

ду, согласно съ своимъ призваніемъ и уставомъ, не подражая свѣтскимъ обычаямъ, а только прикрывая тѣло, какъ подобаетъ убогому монаху. Когда нужно брать деньги на выше упомянутыя нужды, то о. архимандритъ обязанъ вынимать ихъ вмѣстѣ съ моимъ управителемъ и столько лишь, сколько требуетъ нужда. Одинъ безъ другаго не имѣютъ права брать, и оба должны будутъ дать въ этихъ деньгахъ отчетъ, какъ выше сказано. Въ тотъ же сундукъ о. архимандритъ пусть кладетъ и деньги, жертвуемыя или данныя за молебенъ; туда же должно класть деньги, кѣмъ-нибудь по завѣщанію, записанныя на церковь, или кѣмъ-нибудь отказанныя. Дай Богъ, чтобы со временемъ, дѣятельнымъ надзоромъ и хорошимъ и разсудительнымъ употребленіемъ денегъ, собралась какая-нибудь церковная сумма, для большаго пріумноженія славы Божіей. Я прошу объ этомъ Господа Бога отъ искренняго сердца. Управляющій мой, по моему распоряженію, долженъ имѣть правила, касающіяся жизни монаховъ и управленія мызами, и по нимъ жить и поступать. Мой управляющій обязанъ защищать подданныхъ отъ жолнерскихъ наѣздовъ и другихъ обидъ, случающихся отъ сосѣдей, наблюдать за справедливостію и удовлетворять требующихъ ее, имѣть постоянный надзоръ за границами имѣній и наконецъ охранять здѣшній лѣсъ отъ порубки. Обо всемъ вышесказанномъ я всегда хочу знать, какъ наслѣдственный ктиторъ. Вслѣдствіе чего, этотъ рескриптъ мой, съ которымъ согласились отецъ архимандритъ и всѣ монахи, я далъ отцу архимандриту и монахамъ за печатью и собственноручною подписью. Другой же такой рескриптъ, за подписью отца архимандрита супрасльскаго, я взялъ къ себѣ. (Дано въ Супраслѣ 20 генваря 1627 г.)." По прочтеніи этого листа, Ходкевичь приказалъ архимандриту подписаться въ принятіи всего, что въ немъ написано. Архимандритъ сначала медлилъ въ исполненіи этого, потому, какъ онъ говорилъ, что не совѣтовался съ братіею. Но потомъ, уступая настоянію и угрозамъ Ходкевича, подписался, съ условіемъ, впрочемъ, если и другіе подпишутся. По порядку слѣдовало подписаться Самуилу Сѣнчиллѣ, бывшему архимандриту виленскаго Свято-Троицкаго монастыря. Но Сѣнчилло не подписался, сказавши, что онъ откладываетъ это дѣло на дальнѣйшее время. За это Ходкевичь грозилъ ему изгнаніемъ изъ монастыря. Другіе отцы изъ страха подписались. За тѣмъ Ходкевичь велѣлъ приложить къ подписанному листу монастырскую печать и подписанный листъ взялъ къ себѣ, а монастырю оставилъ копію, имъ подписанную, при-

казавъ, монахамъ жить по этимъ правиламъ впредь до 5 сентября, или до того времени, когда онъ пріѣдетъ.

Скоро послѣ составленія вышеозначеннаго документа, составленнаго Ходкевичемъ, митрополитъ Веліаминъ-Рутскій вызвалъ къ себѣ на судъ супрасльскаго архимандрита Герасима и нѣкоторыхъ братій. На судъ представлена была архимандритомъ копія правилъ, данныхъ Ходкевичемъ. Судъ рѣшилъ, что этотъ листъ противенъ правиламъ святыхъ отецъ, именно, 4-е правило халкидонскаго собора говоритъ такъ: „не подобаетъ монастыромъ подъ властію людей мірскихъ быти и безъ благословенія епископля не строити ихъ. Мнихомъ повиноватися епископу своему. Аще же кто преступитъ повелѣнное правиломъ, да будетъ безъ общенія. Подобаетъ епископомъ подобное промышленіе монастыромъ творити.“ Тогоже собора правило 24-е: „монастыри, яко божественная мѣста и Богу поручени суще, да пребываютъ не притворени, необидимы и мірская жилища николи же да не будутъ въ нихъ, да сохраняютъ же имѣнія и стяжанія, села и винаграда и вся прочая неотъемлема, неотходна отъ нихъ. Аще ли кто преступитъ повелѣніе сіе, отъ правилъ запрещенію да будутъ повинни.“ Правило перваго и втораго (первовтораго или двукратнаго, бывшаго въ 861-мъ году) собора въ Константинѣ градѣ: „да будетъ монастырь и вся въ немъ внутренняя и внѣшняя и да будутъ подъ властію епископу и безъ воли епископли не подобаетъ ни самому создавшему игуменити (игуменствовать, на игумена поставлять).“ Собора Никейскаго втораго, вселенскаго VII-го правило 12-е: „церковнаго имѣнія или сосуда, или завѣсы, или отъ иныхъ вещей что, или отъ житъ или отъ инаго что не подобаетъ продати, ни отдати епископу или игумену. Елика же суть недвижимая, рекше, села или нивы, или винограды, въ нихъ же нѣсть прибытка, но пакость церкви наводитъ, ни того непродати властетелемъ мѣста того, но причетникомъ, или землю дѣлающимъ, рекше, селянамъ, иже орютъ землю. Преступаяй же повелѣнная, аще убо епископъ есть, да извергнется, аще же игуменъ, да изженется изъ монастыря, яко злѣ расточающіи, ихже не собраша.“ Приведши эти правила, судъ призналъ, что „у всѣхъ этихъ правилъ одинъ смыслъ, именно, что лица свѣтскія не имѣютъ никакой власти надъ лицами духовными, ни надъ монастырями и ихъ имѣніями внутренними и внѣшними, движимыми и недвижимыми, и даже исключаются создатели (то есть, ктиторы по-гречески, создатели по-славянски, а фундаторы по-ла-

тинѣ). А что они должны быть подъ властію епископа, и что лица свѣтскія не могутъ управлять лицами духовными, ихъ жизнію и имѣніями, это подтверждаетъ здравый смыслъ. Ибо какъ отъ Бога установлено двоякое состояніе, такъ есть двоякія права и двоякая власть. И это соблюдается во всѣхъ христіанскихъ царствахъ, а также въ Коронѣ Польской и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и нѣтъ ни одного такого закона, чтобы какой-нибудь господинъ, выстроившій монастырь и надѣлившій его имѣніями, самъ же и управлялъ этимъ монастыремъ и держалъ въ своихъ рукахъ имѣнія, данныя этому монастырю." Это сказано судомъ вообще противъ письменнаго постановленія Христофора Ходкевича. За тѣмъ опровергнуты заключающіяся въ этомъ листѣ частныя его статьи. „Такъ, говоритъ судъ, Ходкевичъ пишетъ, что по нерадѣнію начальниковъ, перестали соблюдаться монашескія правила въ монастырѣ, а между тѣмъ, въ томъ же листѣ ниже пишетъ, что преосвященный Вельяминъ - Рутскій, назадъ тому одинадцать лѣтъ посѣщавшій монастырь, произвелъ въ немъ перемѣны, только лишь безполезныя. Между тѣмъ извѣстно, что эти перемѣны принесли пользу. Это знаютъ казнохранители монастыря, что была прибыль и въ серебрѣ и въ церковныхъ одеждахъ. Это долженъ подтвердить и самъ архимандритъ. А если перемѣны, произведенныя митрополитомъ въ этомъ монастырѣ, не произвели надлежащей пользы, то это потому, что управленіе монастырскими имѣніями не исполняло надлежащимъ образомъ данныхъ ему правилъ. Далѣе, въ этомъ письмѣ господинъ Ходкевичъ пишетъ, что онъ хочетъ возстановить забытыя правила св. Василія Великаго. А между тѣмъ ниже написалъ противъ правилъ св. Василія Великаго, именно: 1) принимать въ монашество за вѣдомомъ и съ согласія Ходкевича и его потомства; 2) монаховъ въ этотъ монастырь не принимать безъ вѣдома его или супрасльскаго управляющаго, его слуги; 3) митрополитъ не долженъ посѣщать этотъ монастырь иначе, какъ извѣстивъ объ этомъ Ходкевича; 4) на степень священства монашествующихъ не иначе посвящать, какъ за вѣдомомъ Ходкевича; 5) отецъ архимандритъ долженъ представить отчетъ за всѣ прошлые годы, хотя на полѣ листа написано, что Ходкевичъ увольняетъ отъ этого о. архимандрита, но самыя слова не были вымараны въ листѣ; 6) кто имѣетъ какую-либо обиду отъ о. архимандрита, тотъ пусть жалуется ему—Ходкевичу, а онъ будетъ чинить судъ—расправу (какъ это правило несовмѣстимо съ властью митрополита, очевидно); 7)

фольварки монастырскіе должны быть во власти Ходкевича или урядника, отъ него постановленнаго, а духовные не должны къ нимъ касаться; 8) а что будетъ оставаться изъ отпускаемыхъ монастырю доходовъ, означенныхъ особо на листѣ о. архимандриту, все это отдавать въ монастырское казнохранилище. Также, если кто пожертвуетъ монахамъ что-либо на одежду или на молебенъ, это класть въ казнохранилище. Ключъ отъ казнохранилища одинъ долженъ быть у Ходкевича, или у его урядника, а другой у отца архимандрита. 9) Какъ урядникъ, такъ и архимандритъ должны давать отчетъ во всемъ Ходкевичу, или тому, кого онъ назначитъ. Все это противно правиламъ святаго Василія Великаго. А поелику архимандритъ супрасльскій вмѣстѣ съ братіею подписали листъ Ходкевича, противный правиламъ св. Василія и свят. отецъ, то, по этимъ же правиламъ, онъ не можетъ быть настоятелемъ монастыря. Впрочемъ, такъ какъ архимандритъ приводилъ доказательства, что подписалъ уже готовый листъ и притомъ изъ страха и по принужденію, а не по доброй волѣ, потому что ему и братіи не дано было времени на размышленіе, и обѣщалъ впредь быть послушнымъ митрополиту, то на этомъ судебномъ изслѣдованіи послѣдовало такое рѣшеніе митрополита: „Мы Архіепископъ, сидя на судѣ и имѣя предъ очами своими страшнаго судію—Христа, удостовѣряемся въ томъ, что отецъ архимандритъ и братія супрасльскаго монастыря не должны были давать на себя тотъ листъ его милости господину Ходкевичу, ни отъ него принимать правило монашеской жизни, и особенно потому, что въ этомъ листѣ только на словахъ утверждаютъ власть духовную, а на самомъ дѣлѣ ее уничтожаютъ. По духовному суду, о. архимандритъ и братія монастыря виновны въ томъ, что подписались подъ этимъ письмомъ и, по правиламъ, подлежали бы наказанію, если бы это сдѣлали не по принужденію, а добровольно. Потому, сдѣлавши имъ теперь словесный выговоръ и запретивши нашимъ благословеніемъ, чтобы они впредь не рѣшались этого дѣлать, помня ученіе небеснаго учителя, что „никтоже можетъ двѣма господама работати,“ теперь прощаемъ имъ эту вину и освобождаемъ отъ наказанія, и нашею архіерейскою властію уничтожаемъ обязательство, которое они на себя приняли подписями своихъ рукъ, и симъ декретомъ нашимъ признаемъ, что этотъ листъ противенъ божественному праву, правиламъ святыхъ богоносныхъ отцовъ и обычаямъ всего христіанства; обязываемъ отца архимандрита, чтобы онъ самъ исполнилъ

этотъ декретъ и привелъ къ этому другихъ, находящихся подъ нашею властію. Чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ для всѣхъ, онъ долженъ, собравши всю братію въ трапезу, прочитать."

Митрополитъ немедленно представилъ въ томъ же 1627 году, въ новогрудскій судъ жалобу на несправедливое притязаніе Ходкевича. Судъ рѣшилъ это дѣло въ пользу монастыря и отослалъ его въ королевскій трибуналъ. Отсюда оно дошло до короля, который рѣшилъ отдать имѣнія монастырю. Ходкевичъ, съ своей тоже стороны, подалъ жалобу королю, излагая всѣ причины, почему онъ такъ поступилъ съ монастыремъ. Между тѣмъ, 26-го сентября 1630 года, Ходкевичъ увѣдомилъ монастырь, что онъ ѣдетъ туда, и потому, какъ только въ монастырѣ услышатъ звукъ трубы, тотчасъ должны звонить во всѣ колокола, а бывшій архимандритъ Самуилъ Сѣнчило (или Сѣчило), съ другими монахами, одѣвшись въ ризы, должны встрѣтить его на монастырскомъ дворѣ. По пріѣздѣ въ монастырь, Ходкевичъ взялъ себѣ 10-ть келлій, объявивъ монахамъ, что онъ будетъ жить въ монастырѣ и управлять ими. Узнавши, что митрополитъ намѣренъ пріѣхать въ монастырь, Ходкевичъ велѣлъ вездѣ покопать рвы, чтобы воспрепятствовать этому пріѣзду. Сѣнчило, 27 сентября, изъ любопытства, вышелъ за ворота монастыря посмотрѣть на копавшіеся рвы. Тогда Ходкевичъ, въ отмщеніе за неподписаніе прежде данныхъ монастырю правилъ, велѣлъ не пустить его обратно въ монастырь. Не смотря на просьбы Самуила Сѣнчилы, его не пустили и не выдали даже его собственныхъ вещей, такъ что онъ принужденъ былъ отправиться прямо въ Вильну къ митрополиту. Митрополитъ опять подалъ жалобу королю на Ходкевича. Сигизмундъ III немедленно потребовалъ Ходкевича въ Варшаву къ отвѣту. Наконецъ рѣшено съѣхаться митрополиту, архимандриту супрасльскому и Ходкевичу въ Варшаву и въ присутствіи папскаго нунція рѣшить дѣло по общему согласію. Съѣздъ этотъ послѣдовалъ въ мартѣ 1632 г. Сперва приведены были въ 3 пунктахъ слѣдующія постановленія перваго фундатора Александра Ивановича Ходкевича:

1-е Упомянутый основатель, въ замѣнъ Хорощи, отдаетъ Шевиновъ и села, находящіяся на Полѣсьи—въ воеводствѣ новогрудскомъ, въ совершенную власть и вѣчное пользованіе супрасльскому монастырю.

2-е Тотъ же основатель, не отчуждая отъ монастыря ничего себѣ, потомкамъ и инымъ наслѣдникамъ своимъ, отказываетъ эти имѣнія

на вѣчное время супрасльскому монастырю, во власть и распоряженіе архимандрита и монастыря, слѣдующими словами: „мнѣ Александру и женѣ и дѣтямъ моимъ и потомкамъ, во всѣ вышеозначенныя пожертвованія наши церкви Божіей не должно ни въ чемъ и ни во что входить и не должно дѣлать какихъ-нибудь обидъ, какъ въ этихъ пожертвованіяхъ, такъ и самимъ имъ."

3-е Основатель присовокупилъ и то, чтобы монастырь супрасльскій не выходилъ изъ попечительства Ходкевичей, слѣдующими словами: „они же изъ покровительства нашего, дѣтей и потомковъ нашихъ не должны освобождаться и нашихъ пожертвованій не должны ни замѣнивать, ни продавать. А когда дастъ Господь Богъ, что дѣтямъ нашимъ придетъ время дѣлиться имѣніями, тогда дѣти и потомки наши монастыремъ этимъ и нашими пожертвованіями не должны дѣлиться, ни въ раздѣлъ входить, и никогда не могутъ вмѣшиваться въ это. Напротивъ того, мы, и дѣти, и потомки наши должны считать своимъ долгомъ церковь Божію и выше описанныя пожертвованія наши охранять отъ всякихъ обидъ, стоять за нихъ и защищать своими силами и трудами, чтобы не были уменьшены и обижены. Притомъ, если придется имъ имѣть дѣло съ судомъ, то мы должны давать ему отпоръ и заступаться. Отецъ архимандритъ съ братіею за готовымъ наблюдать, дабы церковь Божія была цѣла и невредима."

На оснаваніи упомянутыхъ статей фундатора, состоялся слѣдующій договоръ.

„1632 года, мѣсяца марта 3 дня, въ Варшавѣ, при благороднѣйшемъ и въ Богѣ достойнѣйшемъ его милости отцѣ Гоноратѣ, вице-посланникѣ, архіепископѣ ларисскомъ свѣтѣйшаго господина нашего Урбана 8-го нунціѣ польскомъ и великаго княжества литовскаго, постановленъ уговоръ, который состоялся между въ Богѣ достойнѣйшимъ его милостію отцомъ Веліаминомъ—Рутскимъ, архіепископомъ митрополитомъ кіевскимъ и его милостію благороднымъ господиномъ Криштофомъ (Христофоромъ) Ходкевичемъ, конюшимъ великаго княж. литовскаго, старостою гродненскимъ и, по преемству отъ предковъ и наслѣдниковъ, попечителемъ и заступникомъ супрасльской обители, а также между его милостію достойнымъ въ Бозѣ отцомъ Герасимомъ Великонтіемъ, архимандритомъ супрасльскимъ (отъ этой обители посланъ былъ монахъ о. Стефанъ Кохановичъ). Договоръ состоитъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ и обязанностяхъ:

1. Архимандритъ супрасльскаго монастыря, согласно съ постановленіемъ фундатора, какъ имѣлъ, такъ и имѣетъ быть самъ единственнымъ начальникомъ и управителемъ въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ.

2. Въ Возѣ достойнѣйшій его милость отецъ митрополитъ будетъ имѣть власть надъ архимандритомъ и братіею этого монастыря, согласно съ фундаторскимъ постановленіемъ и по правамъ исключительнымъ этого монастыря. Тѣхъ братій, которые приняли тамъ монашество, не будетъ перемѣщать безъ особенной церковной нужды, а также не долженъ и вводить туда другихъ безъ основательной причины.

3. Онъ будетъ посѣщать монастырь съ вѣдома попечителя и наслѣдниковъ его, но съ доходовъ не будетъ ничего брать, исключая того, что будетъ отпускаемо изъ пищи на время его пребыванія и не будетъ тамъ долго медлить.

4. По кончинѣ архимандрита, монахи будутъ избирать изъ своей среды достойнаго занять эту должность и избраннаго будутъ представлять попечителю и наслѣдникамъ его. Попечитель представитъ его для посвященія и утвержденія его милости отцу архіепископу митрополиту.

5. Архимандритъ властію своею и съ вѣдома попечителя пусть поставитъ эконома, который бы ежегодно сдавалъ отчеты архимандриту, въ присутствіи попечителя, или лица отъ него присланнаго. Это должно повторяться и при наслѣдникахъ. Всѣ вышеозначенные пункты, со всѣми ихъ постановленіями и статьями, должны храниться неотмѣнно и крѣпко, не должны нарушаться, а соблюдаться съ обѣихъ сторонъ. Чтобы они, подъ какимъ—нибудь предлогомъ или видомъ исключительнаго права, прямо, или ложно не считались сомнительными, для этого, отъ себя и наслѣдниковъ своихъ, мы утвердили и скрѣпили ихъ въ присутствіи апостольскаго посла. Эти же пункты приняты и утверждены апостольскимъ нунціемъ. Всѣ стороны и ихъ наслѣдники должны сохранять наше рѣшеніе точно и свято подъ опасеніемъ штрафа въ 1000 червонныхъ злотыхъ, которые имѣютъ быть употребляемы на свѣчи этого мѣста, по рѣшенію апостольскаго нунція. За всѣ вышеупомянутыя вины, стороны, непослушныя этому рѣшенію въ отношеніи къ другой сторонѣ, желающей его сохранить, должны отвѣчать: сторона духовная предъ апостольскимъ нунціемъ, а сторона попечителя и его наслѣдниковъ—предъ законнымъ судомъ, къ чему всѣ стороны этѣ

стомъ добровольно и охотно соглашаются и обязываются. Для достовѣрности всего означеннаго, въ присутствіи апостольскаго нунція, всѣ присутствовавшіе собственноручно актъ сей подписали и печатьми припечатали."

Чтобы Ходкевичъ не могъ жаловаться на монаховъ за несоблюденіе ими правилъ жизни св. Василія Великаго и въ безпорядочномъ управленіи монастыремъ, митрополитъ, посѣтивъ въ 1635 году монастырь, велѣлъ руководствоваться правилами общими для базильянскихъ монастырей. Кромѣ того, онъ далъ монастырю особыя правила внѣшняго и церковнаго управленія. Но соблюденіе этихъ правилъ не обезопасило монастырь отъ насилій Криштофа Ходкевича. По смерти архимандрита Герасима Великонтія, Ходкевичъ избралъ архимандритомъ супрасльскаго монастыря Алексѣя Дубовича (1). Не смотря, однакожъ, на такое избраніе, на общее постановленіе въ Варшавѣ и на то, что всѣ документы на имѣнія отданы были тогда же митрополиту Іосифу, Ходкевичъ не далъ монастырю имѣній— Хоростово и Пужицы—до 1647 г., и деньги съ другихъ имѣній обращалъ на свой дворъ и свои нужды. Супрасльскій архимандритъ, Алексѣй Дубовичъ, жаловался на это самоправство въ разные суды и разнымъ вельможамъ, но ничто не помогало. Христофоръ Ходкевичъ на требованіе суда отвѣчалъ, что онъ потому не отдаетъ имѣній, что архимандритъ разоряетъ ихъ и что будто бы монастырскія деньги употребляетъ только на себя; а архимандриту онъ угрожалъ не только лишеніемъ сана, но и самой жизни, если онъ будетъ жаловаться на него (2).—Дубовичъ просилъ защиты у польскаго короля и великаго князя литовскаго Яна Казиміра. Казиміръ писалъ Христофору Ходкевичу и женѣ его Софіи: „докладывалъ намъ почтенный Алексѣй Дубовичъ, архимандритъ супрасльскій, что вы дѣлаете большія обиды супрасльскому монастырю, потому что, будучи попечителемъ этого монастыря, мѣшаетесь въ имѣнія, принадлежащія ему, взыскиваете подати съ фольварковъ и съ тамошнихъ подданныхъ сами и чрезъ своего урядника, о чемъ подробнѣе архимандритъ объясняетъ въ своихъ жалобахъ по судамъ. А теперь опять, невинно преслѣдуя его угрозами, разными способами покушаетесь на его здоровье (жизнь) са-

(1) Прежде бывшаго архимандритомъ въ Свято-Троицкомъ виленскомъ монастырѣ. (Obrona monastyra Wilenskiego 1702 rok.).

(2) Fasc. I. N. въ архивѣ монастырск.

ми и чрезъ другихъ лицъ, и нарочно это дѣлаете, чтобы, отогнавъ его отъ того мѣста и отъ власти архимандричей, вамъ можно было въ это время дѣлать еще большія обиды монастырю и конвенту (общинѣ). А потому, считая себя не безопаснымъ касательно своего здоровья и желая при томъ пользоваться своимъ супрасльскимъ архимандритствомъ, на которое былъ посвященъ, почтенный отецъ архимандритъ подалъ намъ просьбу, чтобы, принявши его подъ свою защиту, мы обезопасили его отъ нападеній вашихъ и обезпечили его жизнь. Потому, мы, король, снисходя къ такому усердному его прошенію, беремъ его подъ свое королевское покровительство. А чтобы вы сами лично, чрезъ своихъ слугъ и подчиненныхъ особъ, безъ права и безъ причины не удалили его съ этого мѣста и не дѣлали помѣхи въ его управленіи имѣніями, принадлежащими этому монастырю, и чтобы этого береглись,—мы налагаемъ на васъ, для поручительства, десять тысячъ литовскихъ копъ, половина которыхъ будетъ принадлежать нашему казначейству, а другая—просителю, желая чрезъ это, чтобы вы, не причиняя никакой несправедливости, относились въ судебныя мѣста, если бы возникли какія-либо притязанія къ нему." Ходкевичъ принужденъ былъ помириться съ архимандритомъ, чтобы не подвергнуться взысканію. 1647 г., 20 генваря, онъ писалъ, возному Матѳею Погоржельскому: „хочу, чтобы вы, по полученіи этого листа, тотчасъ съѣхали въ Хоростово къ его милости о. Дубовичу, архимандриту супрасльскаго монастыря, и отдали двѣ деревни Хоростово и Пужицы въ управленіе архимандрита, такъ какъ онѣ вѣчно принадлежатъ супрасльскому монастырю." Этимъ и кончился споръ монастыря съ его фундаторомъ (1).

Домогательство Ходкевича овладѣть монастырскими имѣніями и давать направленіе внутренней жизни монастыря, навело на мысль многихъ изъ лицъ высшаго духовенства и монашествующихъ монастыря избирать въ настоятели монастыря, не только лицъ изъ среди своей братіи, но также изъ другихъ монастырей и лицъ высшаго духовенства — епископовъ и митрополитовъ. Такое избраніе позволялось и 4-ю статьею варшавскаго договора 1632 г., „если того требовала церковная нужда." Съ другой стороны, супрасльскій монастырь, по завѣщанію первыхъ его основателей, подлежалъ вѣденію только митрополита, настоятеля и Ходкеви-

(1) Изъ монастырск. архива.

ей, и, при раздѣленіи митрополитомъ Іосифомъ Веліаминомъ—Рутскимъ всѣхъ уніатскихъ монастырей на провинціи, подъ самостоятельнымъ управленіемъ прото-архимандрита, супрасльскій монастырь, хотя принадлежалъ къ литовской провинціи, но не подлежалъ власти прото-архимандрита базильянскаго ордена (1), несмотря на домогательства этого ордена. На митрополитахъ лежала обязанность охранять самостоятельность супрасльскаго монастыря. При томъ въ уніи обращаемо было особенное вниманіе на монашество и базильянскіе монастыри. Монастыри давали тогда многихъ просвѣщенныхъ архипастырей церкви. Въ 1635 году король Владиславъ опредѣлилъ, чтобы епископство получали одни только достойные монахи (Summariusz papierów, 1785 года). Въ монастыряхъ съ большею силою охраняемы были обряды восточной церкви, а такъ какъ простой народъ всегда имѣлъ особенное уваженіе къ монашеству, то поддержанія уніатскаго монашества требовали съ одной стороны необходимость нравственно—религіознаго вліянія на простой народъ, а съ другой усиліе уніатской пропаганды — отклонить простой народъ отъ привязанности къ православному монашеству, и какъ бы противопоставить сему послѣднему уніатское монашество. Необходимо было сдѣлать монастыри разсадниками просвѣщенія и религіозной пропаганды (2). А такъ какъ супрасльскій монастырь былъ слишкомъ богатъ для того, чтобы приносить пользу всей уніатской церкви и базильянскому ордену, то митрополиты соглашались и даже желали быть настоятелями этого монастыря. Первымъ такимъ настоятелемъ, по избранію 1656 года братіи и виленскаго каштеляна Яна Казиміра Ходкевича, былъ полоцкій архіепископъ Гавріилъ Коленда, администраторъ уніатской митрополіи (3). Будучи еще архіепископомъ, онъ, въ 1661 году, учредилъ въ Супраслѣ базильянскую конгрегацію (собраніе представителей ордена) подъ своимъ предсѣда-

(1) Monasterium Suprasliensis regitur independenter a Protoarchimandrita congregationis Ruthenae Basilianorum (nota de monast. Suprasl. 1773 an., нах. въ монастырск. арх.).

2) Postscriptum do noty listów Anonyma do Małachowsk. Rok 1789 r. Kart. 49—64 et cet. Въ этой брошюрѣ, находящейся въ библіотекѣ литов. семинаріи, опровергаются мнѣнія неизвѣстнаго автора, заявлявшаго проэктъ на уніатскія епископскія каѳедры избирать не изъ базильянскихъ монашествующихъ, а изъ бѣлаго духовенства.

(3) Бобровск. Гродн. губ. 1857 г.

тельствомъ, на которой сдѣланы были нѣкоторыя постановленія, неблагопріятныя для уставовъ ордена. Можно думать, что митрополитъ домогался получить прото-архимандритство, которое, со смерти митрополита Антонія Селявы (съ 1655 до 1661 года) никому не было даваемо, и сдѣлать монастырь резиденціею базильянскаго ордена и подчинить ему другіе монастыри. Провинціалъ или викарій базильянскаго ордена Венедиктъ Терлецкій, въ томъ же году составилъ капитулу (судебное собраніе) въ Вильнѣ, на которой, съ своими совѣтниками и настоятелями нѣкоторыхъ монастырей, занесъ жалобу и протестъ противъ супрасльской конгрегаціи и ея уставовъ. Тоже сдѣлала и бывшая въ томъ же году конгрегація въ Жировицахъ, на которой предсѣдательствовалъ Яковъ Суша, епископъ Холмскій, тамъ же и въ тоже время избранный въ прото-архимандрита. Отсюда произошелъ раздоръ между орденомъ и митрополитомъ. Поэтому, въ 1665 году, была собрана вторая конгрегація въ супрасльскомъ монастырѣ, по предложенію и подъ предсѣдательствомъ папскаго въ Польшѣ и Литвѣ нунція, Игнатія Пиньятелло, епископа ларисскаго, на которой присутствовавшій архіепископъ Коленда, помирился съ епископомъ Сушею и другими представителями ордена. Когда Коленда въ 1666 году, сдѣлался митрополитомъ, то епископъ Суша, на брестской конгрегаціи самъ уступилъ ему прото-архимандритство (1). Принятіе митрополитомъ прото-архимандритства и его настоятельство въ супрасльскомъ монастырѣ возвысило этотъ монастырь болѣе прежняго. По его ходатайству предъ королемъ Михаиломъ Вишневецкимъ, монастырю дано право рубки дерева и отпущены пастбища въ пущѣ, называемой кузнецкою, крынскою, сокольскою, лежащею между рѣками Соколкою и Супраслью; также право на рыбную ловлю въ сокольскихъ рѣкахъ,— на пользованіе тамошними сѣнокосами (2) и новыми урочищами: Дубовики, Крыжовоте, Жерествяне, Осчиско, Конне до Сукович (3). Богатство монастырскихъ имѣній, раскинутыхъ въ разныхъ мѣстахъ, въ смежности съ имѣніями другихъ лицъ, возбуждало зависть и недоброжелательство въ сосѣднихъ помѣщикахъ и ихъ крестьянахъ. Обиды, наносимыя ими монастырю вынуждали приносить

(1) Przydatek do Chronologii Stebelskiego. Wilno 1783 r. kart. 178, 278, 280; Христ. Чт. январь 1864 года, стр. 52—62.
(2) Księga dokumentów klasztoru. Rok. 1560 et cet. 78.
(3) Изъ монаст. архива. Fasc. 19 N. 39.

а нихъ жалобы въ судъ. Такъ, 30 апрѣля 1665 года, митрополитъ Коленда подалъ жалобу въ гродненскій судъ на Станислава Свинярскаго, старосту заблудовскаго двора князя Богуслава Радзивилла, что онъ причинилъ и причиняетъ немало грабительствъ и убытковъ супрасльскому монастырю, и даже велитъ рубить монастырскую пущу, смежную съ заблудовскимъ имѣніемъ князя Радзивилла, а 22-го апрѣля 1665, когда два кучера митрополита, по его приказанію, ѣхали изъ фольварка Топильца въ Супрасль съ луговыми лошадьми, Свинярскій съ яростью, и, можетъ быть, по приказанію своихъ господъ, съ разными своими знакомыми, остановилъ кучеровъ на вольной дорогѣ, крѣпко избилъ ихъ и заграбилъ пару лошадей со всею упряжью. Митрополитъ въ это время, по особенно важнымъ дѣламъ, долженъ былъ немедленно ѣхать на трибуналъ, состоявшій въ Вильнѣ, тогоже года; но, по случаю такого насилія, остался въ монастырѣ. Это же засвидѣтельствовалъ возный гродненскаго уѣзда, Флоріанъ Цирановичъ, который, по просьбѣ митрополита, ѣздилъ въ Топилецъ для изслѣдованія этого дѣла. 1666 года, 11 ноября, намѣстникъ митрополита, іеромонахъ Антоній Кишчицъ, подалъ въ гродненскій судъ жалобу на сельскихъ дворянъ и бояръ князя Богуслава Радзивилла, Михаила Стасюкевича и Матѳея Комнилика, какъ главныхъ виновниковъ нападеній на монастырскихъ людей. Получивъ приказаніе отъ Радзивилла всѣми способами обижать и даже бить супрасльскихъ подданныхъ, они часто это дѣлали, а 6-го ноября 1666 года напали въ селѣ Криницѣ на ассесора Клевиновскаго, ѣхавшаго въ монастырь изъ мѣстечка Заблудова съ деньгами и разными вещами, купленными для монастыря, и сильно избили его и забрали много вещей и денегъ, говоря, что они имѣютъ приказаніе отъ Радзивилловъ бить и обижать всѣхъ подданныхъ супрасльскихъ (1).

По смерти митрополита Коленды, на супрасльское архимандритство избранъ былъ изъ среды братіи Іосафатъ Михневичъ. Во время его управленія (1676—1687), особенно, когда онъ, по причинѣ старости и болѣзни, не могъ, какъ слѣдуетъ, смотрѣть за монастыремъ, произошло много безпорядковъ во внутренней и внѣшней жизни монастыря. Трапезная пища была скудна, и братія

(1) Księga dokumentów klasztoru od R-u 1560 et cet. стр. 81, 82.

приготовляла себѣ мясную по келліямъ; она также нуждалась въ одеждѣ; монастырскія имѣнія управлялись худо, и за 11-ть лѣтъ архимандритъ никому не давалъ отчета ни въ приходѣ, ни въ расходѣ монастырскихъ суммъ; имѣніе Мазуры отдано было въ аренду какому-то Кукчину, который, отправляя изъ упомянутаго имѣнія, по рѣкѣ Нарвѣ, разныя произведенія сельскаго хозяйства, для продажи, въ Данцигъ, получалъ прибыли тысячи злотыхъ, а монастырю платилъ мало. Іеромонаховъ въ монастырѣ было недостаточно для отправленія богослуженія. Оттого, приходилось одному служить нѣсколько седмицъ сряду. Провинившимся были назначаемы публичныя наказанія; не было никакой прислуги для монашествующихъ. Мірскіе ремесленники, живя въ самомъ монастырѣ, безпокоили братію и въ келліяхъ, и въ трапезѣ. Богослуженіе отправлялось небрежно: всенощной и великаго славословія не пѣли, а мѣсячныя Минеи, или Трифологіонъ, были въ полномъ забвеніи; панихидъ за фундаторовъ, какъ требовалъ уставъ, не отправляли, а если и отправляли изрѣдка, то безъ свѣчъ и безъ кутьи. Для больныхъ монашествующихъ не было никакихъ врачебныхъ пособій; а умершихъ монаховъ не погребали въ митіяхъ. Было въ монастырѣ много и другихъ безпорядковъ. А потому, митрополитъ Кипріанъ Жоховскій, посовѣтовавшись съ попечителемъ монастыря Григоріемъ Карломъ Ходкевичемъ, обозным великаго княжества литовскагo, при своемъ посѣщеніи монастыря 1687 года, издалъ нѣкоторыя правила для возстановленія порядка и лучшаго управленія, а для помощи архимандриту въ управленіи, назначилъ намѣстника и совѣтниковъ (1). По смерти архимандрита Михневича (въ 1689 году), митрополитъ Жоховскій, домогаясь супрасльскаго архимандритства, требовалъ, чтобы монахи избрали на эту должность его, или по крайней мѣрѣ его свояка, іеромонаха Дорощевскаго. Братія ослушалась и единодушно избрала на архимандритство суперіора (игумена) жировицкаго монастыря и протоконсультора (первосовѣтника) ордена, Симеона Кипріановича. Митрополитъ счелъ неправильнымъ такое избраніе, не утверждалъ его и не посвящалъ избраннаго въ архимандрита. Братія подала на митрополита жалобу и протестъ папскому нунцію въ Варшавѣ. Вслѣдствіе чего нунцій увѣщивалъ Жоховскаго не стѣснять братіи въ свободѣ избранія архимандрита. Въ 1691

(1) Изъ монаст. архива: «акты мон. съ 1781 и по 1799 годъ.»

году митрополитъ съ своей стороны, въ жалобѣ папѣ Иннокентію XII, обвинялъ монаховъ супрасльскихъ въ худой жизни. Узнавъ объ этомъ монахи, 31-го августа 1692 года, подали на митрополита жалобу въ королевскій трибуналъ. Тогда Жоховскій произнесъ отлученіе отъ церкви непокорныхъ монаховъ. Однако римская нунціатура подтвердила избраніе Кипріановича, митрополитское отлученіе на монаховъ сняла и запретила Жоховскому вмѣшиваться въ это дѣло, а послѣ его смерти, выше упомянутый папа издалъ (9-го октября 1664 года) буллу, утверждающую Симеона Кипріановича въ званіи супрасльскаго архимандрита. Митрополитъ Жоховскій умеръ и погребенъ въ супрасльскомъ монастырѣ въ 1693 году (1).

По смерти митрополита Льва Кишки (сконч. 1728 года), братія монастыря 15-го генваря 1729 года избрали на супрасльское архимандритство Корнелія Столповицкаго-Лебенецкаго, бывшаго провинціаломъ, а потомъ епископомъ владимірскимъ и брестскимъ. Онъ скончался 22-го генваря 1730 года (въ ятвисскомъ римско-католическомъ монастырѣ, Гродненской губ.). Того же года 24-го генваря, настоятелемъ монастыря избранъ изъ среды братіи Иннокентій Харькевичъ. Но и онъ чрезъ три года скончался. Тогда, 20-го генваря 1733 года, избранъ архимандритомъ Георгій Булгакъ, епископъ пинскій и туровскій.

Вліяніе на монастырь митрополитовъ и епископовъ, бывшихъ его архимандритами, не могло нравиться попечителямъ монастыря — Ходкевичамъ; потому что уменьшало ихъ вліяніе, да имъ жаль было и монастырской казны, употребляемой митрополитами по своей волѣ. Попечитель монастыря, брестскій воевода Адамъ Ходкевичъ, заявилъ монахамъ Супрасля, что для нихъ не выгодно избирать своими настоятелями кого либо, кромѣ своей братіи; при томъ, по завѣщанію Александра Ходкевича, митрополита Іосифа Солтана, по благославенію константинопольскаго патріарха и по варшавскому договору 1632 года, должно избирать архимандритовъ изъ среды братіи супрасльскаго монастыря, а не изъ готовыхъ уже архимандритовъ другихъ монастырей, особенно епископовъ и митрополитовъ. Ибо извѣстно, говорилъ онъ,

(1) Изъ мон. арх., извлеченія изъ докумен. 1500—1744 года, N. 15-й, стр. 15 и 16,— Еще: Fasc. 16, N. 9-й, Fasc. 19, N. 39. Христ. Чт. генварь 1864 годъ, стр. 64.

что митрополиты, употребляя доходы монастыря на себя, а не на нужды обще—церковныя, довели монастырь до такого упадка, что разрушаются самыя крыши монастыря. Такіе доводы Ходкевича были натянуты, потому что митрополиты заботились о пользѣ монастыря также, какъ и всей церкви, строили и поправляли монастырскія зданія, защищали выгоды монастыря въ судахъ и обогащали его пріобрѣтеніемъ новыхъ имѣній. Не смотря на то, намѣстникъ монастыря, іеромонахъ Іосафатъ Жилка, съ братіею обители, 8-го генваря 1740 года, заключили съ Ходкевичемъ условіе о возстановленіи прежняго монастырскаго закона, касательно избранія архимандритовъ изъ среды братіи и, безъ вѣдома митрополита и пинскаго епископа Георгія Булгака, который былъ архимандритомъ супрасльскаго монастыря, подали просьбу папѣ объ этомъ. Кромѣ того, Ходкевичъ просилъ брата своего Гейника, іезуитскаго прокуратора—въ Варшавѣ и ректора Стрыенскаго, извѣстныхъ тогда *мѣновщиковъ* (т. е. готовыхъ за деньги все здѣлать), употребить всѣ усилія для полученія желаемой папской буллы. И дѣйствительно, папа Венедиктъ XII-й, 1-го февраля 1741 года, издалъ буллу слѣдующаго содержанія: 1) По договору 1632 года, на супрасльское архимандритство было позволено избирать лицъ изъ провинціи (базильянской) (?), исключая архіепископовъ. 2) Избирали на архимандритство епископовъ, но они большими расходами разоряли монастырь. 3) А потому фундаторъ, по этимъ причинамъ, заключилъ съ супрасльскими монахами новое условіе—избирать архимандритовъ только изъ среды братіи монастыря. 4) Такъ какъ папа почелъ это дѣло честнымъ и основательнымъ, то и утвердилъ это условіе. 5) Папа отвергъ только судъ патронатскій, котораго домогался Ходкевичъ. Съ этого времени, монахи, кромѣ другихъ обѣтовъ, давали обѣщаніе не исходить изъ монастыря до смерти и защищать его права (1). Впрочемъ, пинскій епископъ и коадьюторъ митрополіи Георгій Булгакъ и самъ также былъ въ Римѣ и, вѣроятно, тамъ исходатайствовалъ себѣ право остаться супрасльскимъ архимандритомъ на нѣкоторое время. Въ знакъ благословенія, онъ привезъ изъ Рима и подарилъ монастырю нѣкоторыя мощи святыхъ (2).

(1) Изъ монастырск. Арх. Summaryusz dokumentów Suprasl. 1785 г.—Wypis z xiąg Ziemskich powiatu Grodziensk. 1794 г.

(2 Печатныя свидѣтельства Рима на эти мощи находятся въ монастырѣ. Мощи подарены намѣстнику монастыря Николаю Рад-

Монастырь, не имѣя возможности привести въ дѣйствіе папскую буллу, посылалъ въ 1753 году въ Римъ монаха Ясона Смогоржевскаго — исходатайствовать у папы дозволеніе избрать изъ среды братіи намѣстника и казначея монастыря (1). Въ 1751 году, Булгакъ, какъ архимандритъ Супрасля, посѣщалъ свой монастырь и постановилъ, чтобы пиво, подаваемое братіи, не было крѣпкое и давалось бы только въ трапезѣ, а не по келліямъ. Несомнѣнно, что еще при его жизни, согласно папской буллѣ, братія избрали изъ среды себя новаго архимандрита — Антонина Млодовскаго, хотя нельзя точно опредѣлить времени этого избранія. Антонинъ Млодовскій въ 1761-мъ году поминается уже не только какъ настоятель Супрасля, но и какъ туровскій епископъ, коадъюторъ пинскій, а потомъ епископъ брестскій. А Георгій Булгакъ, остававшійся, вѣроятно, епископомъ пинскимъ, скончался въ 1769-мъ году, въ бытенскомъ монастырѣ, гдѣ и погребенъ въ приготовленномъ имъ самимъ гробѣ (2).

Такъ какъ настоятели супрасльскаго монастыря были теперь не митрополиты, то прото-архимандриты смѣлѣе стали домогаться подчинить его своей власти, и въ доказательство своихъ надъ нимъ правъ указывали на то, что монастырь посылалъ своихъ представителей на базильянскія капитулы. Но супрасльскій монастырь доказалъ, что, если онъ и посылалъ одинъ разъ отца Іоанима Пѣшка на капитулу бяльскую, то не по той причинѣ, будто Супрасль долженъ былъ посылать своихъ пословъ,— потому что онъ на основаніи фундаторскихъ постановленій изъятъ изъ подчиненія прото-архимандриту,—но, по опредѣленію, отъ 5-го сентября 1706 года, администратора митрополіи Георгія Винницкаго, данному вслѣдствіе представленія монастыря, чтобы прото-архимандритъ ордена, ѣхавшій въ римскую нунціатуру, взялъ на себя ходатайство по нѣкоторымъ дѣламъ Супрасля,—и только. Чтобъ устранить домогательство капитулы, Ясонъ Смогоржевскій, 22-го ноября 1755 года, подалъ папѣ монастырскій меморіалъ, въ которомъ просилъ утвердить право сохраненія монастыремъ всѣхъ древ-

---

кевичу 1750 года, за собственнымъ подписомъ архимандрита супрасльскаго,—пинскаго епископа Георгія Булгака.

(1) Письмо Смогоржевскаго къ Радкевичу изъ Рима 1753 и 1758 годовъ. Summariusz Supraslskich papierów od 1626 do 1785 r.

(2) Przydatek do Chronologii Stebelskiego.—Wilno 1782 r. Pag. 272—273.

нихъ обычаевъ и запретить вмѣшательство прото-архимандрита въ избраніяхъ настоятеля Супрасля. Утвержденіе монастырскихъ правъ и привиллегій послѣдовало въ Римѣ 10-го декабря 1794 года папою Піемъ VI-мъ, по новой просьбѣ архимандрита Ѳеодосія Вислоцкаго отъ 1-го декабря 1794 года (изъ мон. архива). Антонинъ Млодовскій, живя на Волыни и управляя тамошнею владимірскою епархіею, не могъ посѣщать супрасльскаго монастыря. Однако просилъ Ясона Смогоржевскаго, архіепископа полоцкаго, назначеннаго визитаторомъ въ Супрасль, чтобъ онъ договорился съ монахами выдавать ему ежегодно извѣстное количество денегъ и часть монастырскихъ пожитковъ. Смогоржевскій, 15-го генваря 1769 года, постановилъ въ монастырѣ слѣдующій актъ: „такъ какъ достопочтенный отецъ Антонинъ Млодовскій, епископъ брестскій, по опредѣленію папы, управляетъ епископствомъ владимірскимъ, которое находится въ крайнемъ угнетеніи, и пастырскою заботливостью и своею личною особою долженъ его охранять отъ дальнѣйшаго разрушенія и начавшагося преслѣдованія, то онъ не въ состояніи ѣздить въ здѣшнее свое супрасльское архимандритство. Однако, желая получать отъ него слѣдующее пособіе для своего пропитанія, задумалъ довольствоваться отъ него очень умѣреннымъ доходомъ, и пока будетъ занятъ вышепоказаннымъ управленіемъ, онъ охотно соглашается довольствоваться такою частію супрасльскихъ доходовъ, какую, по высказанной на бумагѣ намъ (т. е. визитатору) его волѣ, а также, по соглашенію съ монастыремъ, мы назначимъ своею визитаторскою властію. То есть, достопочтенный отецъ Ѳаддей Зарусскій, достойный намѣстникъ супрасльскаго архимандритства, долженъ отсылать ему подъ росписку ежегодно одну часть денегъ—2,500 злотыхъ польскихъ въ мѣсяцѣ мартѣ, а другую такуюжъ часть въ мѣсяцѣ октябрѣ,— всего на сумму 5,000 злотыхъ, начиная отъ настоящаго опредѣленія, а также съ хоростовскаго фольварка, въ приличное время, отсылать надлежащую половину меду, шкуръ и звѣринаго мяса. Кромѣ указанной выдачи, все, что выдавалось для выгодъ и потребностей архимандрита изъ всякаго рода произведеній монастырскихъ, онъ долженъ откладывать, обращать въ деньги и вносить ихъ въ монастырскую кассу на экстренныя нужды и пользу одного только монастыря, безъ права, врочемъ, касательно этихъ сборовъ, развѣ только по увѣдомленіи, совѣту и обыкновеннымъ на письмѣ дозволеніемъ почтеннаго консультора. (совѣтника). Настоящее уло-

женіе визитаторскою (т. е. ревизорскою) нашею властію установленъ, провозглашаемъ и даемъ для точнаго соблюденія на время только управленія Млодовскаго владимірскимъ епископствомъ, и утверждаемъ его приложеніемъ нашей печати и вмѣстѣ собственноручною подписью."

Изъ документовъ монастырскихъ видно, что, по требованію Антонина Млодовскаго, съ 1762 по 1778 годъ, выдано и выслано было ему изъ монастыря деньгами, скотомъ и разными прочими вещами всего на сумму 108,413 злотыхъ. Монахи жаловались на Млодовскаго фундатору Ходкевичу, который заявилъ противъ него въ судѣ слѣдующій обвинительный документъ: „предъ актами градскими повѣта Лидскаго торжественно заявлено отъ имени достопочтеннаго господина Ивана-Николаевича графа на Турку, Петриковѣ и Чарнобылѣ Ходкевича, старосты жмудскаго, противъ достойнаго въ Бозѣ отца Антонина Млодовскаго, епископа брестскаго, супрасльскаго архимандрита, слѣдующее: обжалованный превелебный въ Бозѣ отецъ Млодовскій, епископъ Бреста Литовскаго, получивъ супрасльское архимандритство и законное утвержденіе на это достоинство, нарушаетъ фундушевыя права, установленныя для монастыря первыми его фундаторами и предшественниками приносящаго настоящую жалобу, и удаляясь изъ супрасльской резиденціи, не исполняетъ данныхъ имъ обѣщаній; кромѣ того, забралъ документы фундушевые и другіе, нужные для монастыря, также повывозилъ серебрянные стаканы и другія вещи, завѣщанныя фундаторами для воспоминанія древности; имѣніе Хоростово, лежащее на полѣсьи, взявъ въ свое вѣденіе, всѣ доходы съ него употребляетъ въ свою пользу; приказываетъ ежегодно привозить въ свою резиденцію, для своего удовольствія, сборы съ монастырскихъ имѣній; назначаетъ къ фольварковымъ монастырскимъ имѣніямъ своихъ коммисаровъ и распорядителей, какъ для большаго извлеченія доходовъ съ имѣній, такъ и для управленія ими; нисколько не забатится о починкѣ церкви, приходящей въ значительное опустошеніе. А потому, опасаясь, чтобы церковь и монастырскія имѣнія не пришли въ упадокъ и опустошеніе, Ходкевичъ далъ записать это объявленіе въ книгахъ городскихъ лидскихъ. Оно принято и записано и Ходкевичу выдана копія, утвержденная городскою лидскою печатію."

Худое управленіе монастыремъ имѣло вредное вліяніе на его состояніе. Такъ, въ прежнія времена монастырскія имѣнія при-

носили дохода въ монастырскую казну 200,000 польскихъ злотыхъ, а около 1773 года онѣ приносили дохода только 20,000 злотыхъ, исключая, впрочемъ, того, что можно было бы выручить отъ продажи потребляемаго хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ. Такъ какъ монастырскія имѣнія прилегали къ рѣкѣ Нарвѣ, впадающей въ рѣку Вислу, то остатокъ хлѣбныхъ и другихъ произведеній отправлялся для продажи по водѣ въ Гданскъ. Отъ этой продажи выручалось въ годъ 12 или 13 тысячь злотыхъ польскихъ, и только, такъ что весь доходъ управленія монастыря не превышаетъ 25,000 злотыхъ. Монаховъ въ супрасльскомъ и въ двухъ зависящихъ отъ него монастыряхъ, въ 1773 году, считалось около 30. Въ монастырѣ прежде были ученые монахи, а въ 1773 году указывали только на двухъ молодыхъ монаховъ, получившихъ образованіе. Одинъ изъ нихъ, Амвросій Шумиловскій, по распоряженію Антонина Млодовскаго, епископа владимірскаго и брестскаго, коадъютора митрополіи и архимандрита супрасльскаго монастыря, былъ посланъ въ польскую базиліанскую провинцію, и въ тамошнихъ школахъ шесть лѣтъ обучался богословскимъ и философскимъ наукамъ. Другой монахъ, Левицкій, былъ посылаемъ въ г. Гродну, для образованія въ тамошнихъ іезуитскихъ школахъ. Остальные же монашествующіе были грубы и необразованны. Невозможно было найдти въ средѣ братіи достойныхъ лицъ для занятія должностей намѣстника и начальника новиціатовъ, т. е. послушниковъ. Супрасльскіе монахи едва умѣли говорить по русски и пѣть на клиросѣ, и не отличались особенною нравственностію, какъ увѣряетъ очевидецъ, проживавшій въ монастырѣ около 4-хъ мѣсяцовъ и доносившій объ этомъ папскому нунцію въ Варшавѣ. Такъ какъ настоятели—епископы не жили въ монастырѣ, а Ходкевичи, потерявшіе право патронатскаго суда, не вмѣшивались во внутреннее управленіе монастыря, а если и вмѣшивались, то безуспѣшно; потому и управленіе было плохое какъ въ Супраслѣ, такъ и въ двухъ подчиненныхъ ему монастыряхъ. Необходимо было брать достойныхъ лицъ изъ базиліанской провинціи, подлежащей власти прото-архимандрита, хотя бы даже изъ провинціи польской. Это средство къ поддержанію значенія монастыря не отнимало, однако, у него самостоятельности, потому что митрополиты и епископы, бывшіе архимандритами Супрасля, въ необходимыхъ случаяхъ, и прежде обращались къ прото-архимандриту или къ провинціалу съ просьбою о присылкѣ

монашествующихъ для занятія должностей въ супрасльскомъ монастырѣ. Неизвѣстное лице, доносившее папскому нунцію, 1773 года, по его требованію, о монастырѣ, изобразивъ неудовлетворительное состояніе Супрасля, предлагало еще проэктъ, чтобы варшавскій монастырь посылалъ отъ себя монаховъ для образованія въ польскую базильянскую провинцію, дабы потомъ ихъ можно было посылать для занятія должностей въ Супрасль и Кузницу. Въ этомъ проэктѣ особенно поставлялось на видъ нунцію, чтобъ онъ исходатайствовалъ у папы буллу о совершенномъ изъятіи монастыря изъ власти митрополита и епископа, потому что коадъюторъ митрополіи — епископъ Антонинъ Млодовскій, имѣя богатѣйшія діэцезіи (минскую и владимірскую), не заботился о благѣ Супрасля. Такъ какъ вообще базильяне старались не опустить случаевъ — уменьшить вліяніе митрополитовъ на монастыри, то визитаторъ Супрасля доносилъ нунцію, что при посѣщеніи митрополитомъ монастыря, особенно бываетъ много расходовъ. Такъ, когда митрополитъ прожилъ однажды въ Супраслѣ недѣлю, то, будто, на однихъ его лошадей было израсходовано болѣе тысячи польскихъ злотыхъ, не говоря о другихъ расходахъ. Такъ описано состояніе монастыря папскому нунцію. Такого же понятія была и братія монастыря, которая также домогалась совершенной независимости отъ митрополита въ выборѣ архимандрита и въ управленіи монастыремъ (1). Свое домогательство братія основы-

(1) Не потому ли супрасльскіе монахи усиливались освободиться отъ власти митрополита, чтобы не имѣть въ нихъ своихъ обличителей? Вотъ что пишетъ, между прочимъ, нунцію визитаторъ Кесарій Киннеръ 12-го декабря 1768 года: »Rząd w Supralu hultayski, pijacki, niedbały: o flaszce, o kawie i o lulce (подразумѣвается заботится). То есть: правленіе въ Супраслѣ распущенное, пьяное, нерадивое, заботится только о бутылкѣ, о кофе, о трубкѣ. Другой говоритъ: »Quod Spiritualia spectat, pulcherrimum sane, de vicariis (т. е. о намѣстникахъ) tribuitur testimonium. Quod hi in id potissimum incumbant, ut tranquillam, felicem et hilarem vivant vitam. Videre scilicet non raro est apud illos, jam domi commorentes, jam ad praedia migrantes, opiparas comessationes, compotationesque magnificas hospitum, praecipue de muliebri sexu... musicesque lusus, irreverendos cantus... Jam vero qualis eorum omnium monachorum cultus Divini incuria sit, in Ecclesia, quam exacrandae temulentissimorum oratorum concionantium blasphaemiae scandalaque; in choro, quam praecipitatae festinationes, omissiones... in Refectorio, quam inhonestae clamitationes, jurgia,

вала съ одной стороны на монастырскихъ документахъ, касающихся супрасльскаго архимандритства, а съ другой—на несправедливостяхъ и обидахъ, причиняемыхъ, будто бы, митрополитами монастырю при выборѣ архимандрита. Между тѣмъ, защитники митрополичьей власти обвиняли братію и попечителей монастыря въ интригѣ и непокорности своему архипастырю и опровергали ихъ требованія. Монастырь не хочетъ подлежать власти митрополита при выборѣ архимандрита, и при этомъ указываетъ на свои права!... Но спрашивается: имѣютъ ли эти права такую силу, чтобы превышали власть митрополита?—Нѣтъ. Извѣстно, что митрополитъ Іосифъ Солтанъ, на прошеніи Александра Ходкевича, касательно управленія супрасльской лавры, опредѣлилъ троякую власть митрополита въ дѣлахъ супрасльскаго монастыря: во первыхъ судебную—„судить игумена;" потомъ власть посѣщать монастырь и руководить монаховъ „чтобы жили чинно и законно,—намъ, митрополитамъ, стеречь, руководить и виноватаго наказывать." Наконецъ, власть избирательную: „коли игуменъ преставится, тогда того монастыря старцы, по нашему архіепископскому благословенію, маютъ межи себе брата, годнаго и достойнаго на степень игуменства, выбрати (1)." Монастырь оспариваетъ избирательную

portiones abjectiones murmurationesque. Missa sunt, quod a rudibus, incultis, atque soli abdomini servientibus hominibus, meliora sperari in omni commoditate nequeunt.» Nota de monaster. Suprasliensi 1773 anno).—То есть: «что касается духовнаго, то мы приведемъ дѣйствительно прекрасное свидѣтельство о намѣстникахъ. Они наиболѣе заботятся, какъ бы провести спокойную, счастливую и веселую жизнь. Ибо, дома ли они находятся, или отправятся въ имѣнія, нерѣдко можно видѣть у нихъ великолѣпныя пиршества и пышныя угощенія гостей, преимущественно женскаго пола, музыкальныя игры, непристойныя пѣсни. А какъ нерадиво Богопочтеніе всѣхъ этихъ монаховъ! Какія, въ церкви, безстыдныя богохульства и скандалы пьянѣйшихъ ораторовъ проповѣдниковъ! Какая въ хорѣ поспѣшность, опущенія! Какія, въ трапезѣ, непочтительные вопли, ссоры, ропотъ и недовольство пищею! Не говоримъ о томъ, что отъ людей грубыхъ, необразованныхъ и служащихъ одному чреву, нельзя ожидать лучшаго во всѣхъ полезныхъ потребностяхъ монастыря.»

(1) Это опредѣленіе въ полномъ составѣ—слѣдующее:

7022 года отъ сотворенія міра (1516), февраля 5-го. «А если коли кому будетъ которое либо до самого игумена, такого дня і вещи смотрыти намъ митрополитамъ, судить игумена, съ тыи тежъ въ монастырскомъ пребываніи, абы игуменъ съ братіею жил

власть митрополита; но правила восточной церкви ясно защищаютъ это право. Такъ, изъ нихъ видно, что патріархи поручали воимъ экзархамъ надзоръ надъ монастырскими выборами. Этотъ надзоръ впослѣдствіи перешелъ во власть митрополитовъ. По той власти, онъ подтверждаетъ сдѣланный выборъ, напередъ испытавъ, законно ли оный послѣдовалъ. Кто же можетъ рѣшать споры, несогласія и безпорядки, какіе случаются при избраніи, если митрополитъ не будетъ принимать въ немъ наблюденія? Кому же избиратели отдадутъ свои голоса, когда они всѣ равны между собою? И можетъ ли митрополитъ, безъ своего контроля, слѣпо вѣрить, что выборъ, сдѣланный безъ его вѣдома, сдѣланъ свободно, безъ стачки, и безъ подкупа? Монахи указываютъ на то, что выборы въ монастырѣ архимандритовъ бывали безъ предсѣдателя митрополитскаго. Но эти выборы не оправдываютъ ихъ притязаній, потому что были незаконны и дѣлались по безпечности, самоволію, невѣжеству, или по какому-либо неустройству въ краѣ, или церковной іерархіи. Исключеніе изъ правилъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не можетъ быть правиломъ. Неизмѣнныя каноническія правила, при избраніи, такія: „монахи должны всѣ вмѣстѣ собраться и просить у Бога благодатной помощи; за тѣмъ, совѣщаться о томъ, кто достойнѣе избранія и выполнить присягу, что изберутъ достойнѣйшаго. Потомъ избирать въ одномъ мѣстѣ, посредствомъ тайныхъ голосовъ (vota). Эти голоса должно подавать такъ называемымъ изслѣдователямъ и подавать должны всѣ монахи, даже больные. Наконецъ, предсѣдатель, вѣрно сочитавши голоса, долженъ объявить, кто избранъ большинствомъ голосовъ.» Эти правила при избраніи должны строго соблюдаться, и никакой монастырь не можетъ быть отъ нихъ свободенъ. Какъ же можно, послѣ того, что супрасльскій монастырь, пользуясь свободою избранія архимандрита, можетъ

чинно и законно, по устави принятому тое честное обители, и по утвержненіи святійшаго Вселенскаго Патріарха Константынаграда, новаго Риму Киръ Іоахима, и по нашего смиренія благословенію, того намъ метрополитомъ назирати и стерещи и направляти и виноватого казнити духовнымъ караніемъ. А коли въ томъ монастыри игуменъ преставится, тогда, того монастера старцы, по нашему архіепископскому бкагословенію маютъ меже себе брата годнаво и достойнаго на степень игуменства выбрати и ко метрополити прислати.»

избирать его незаконным образом? И можно ли допустить, что бы, въ случаѣ незаконно сдѣланнаго имъ выбора, онъ былъ свободенъ отъ всякаго контроля, которымъ могъ бы осудить и отвергнуть это избраніе? Всѣ усилія Супрасля основаны на договорахъ: варшавскомъ 1632 года и супрасльскомъ 1640 года, утвержденномъ въ Римѣ. Но этими договорами не уничтожается власть митрополита и не исключается при выборахъ президентъ, посылаемый отъ него. Каноническія правила и совѣсть требуютъ, чтобы митрополитъ вникнулъ, правильно ли сдѣланъ выборъ, или нѣтъ. Иначе онъ не можетъ и не долженъ утверждать это избраніе и посвящать въ архимандриты, если не увѣренъ въ достоинствѣ избраннаго и въ законности его избранія.

Фактическимъ доказательствомъ того, какіе происходили безпорядки въ Супраслѣ отъ усилія монаховъ не зависѣть отъ митрополитовъ при избраніи настоятеля, служитъ незаконный выборъ въ архимандрита Ѳеодосія Вислоцкаго.

По смерти епископа Антонина Млодовскаго, монахи 1778 г. 20-го іюня, по полудни, собрались въ монастырскую ризницу и выбрали на архимандритство изъ числа братій іеромонаха Ѳеодосія Вислоцкаго. Это избраніе не было предварено никакимъ объявленіемъ,— не было при выборѣ президента, изслѣдователей, совѣщанія и присяги; не приглашали къ выбору варшавскихъ монаховъ; только объявили, что этотъ выборъ сдѣланъ на основаніи условій 1632 года, запрещающихъ выборъ изъ провинціи, при чемъ подписалось 12 іеромонаховъ и 12 монаховъ. Вотъ самый актъ, составленный въ слѣдствіе этого, избранія: „мы нижеподписавшіеся, составляющіе собраніе супрасльскаго архимандритства, объявляемъ всѣмъ, кому нужно, что мы 20-го іюня 1778 года получили извѣстіе о смерти архимандрита нашего Млодовскаго. Имѣя предъ глазами осиротѣніе монастыря и насъ, мы приступили къ избранію новаго архимандрита по силѣ права, даннаго основателями, а особенно по условію, заключенному въ Варшавѣ 1632 года, въ присутствіи Гонората вицепосланника апостольскаго, состоявшемуся между Іосифомъ Веліаминомъ-Рутскимъ, архіепископомъ кіевскимъ и митрополитомъ всея Руси съ одной стороны, и попечителемъ монастыря Христофоромъ Ходкевичемъ — съ другой, а также—Герасимомъ Великонтіемъ, супрасльскимъ архимандритомъ и всѣмъ супраслскимъ собраніемъ — съ третьей стороны. Это право опредѣляетъ, чтобы монахи, по смерти архимандрита,

ыбирали новаго, изъ среды себя, и избраннаго представляли фундатору, фундаторъ же митрополиту для посвященія, въ силу усло-ія (конкорданціи), заключеннаго въ 1740 году, въ присутствіи амѣстника монастыря Іоасафата Жилки со всѣмъ супрасльскимъ юбраніемъ, а также въ присутствіи Адама Ходкевича. Того же ня (т. е. 20-го іюня), собравшись въ ризницу и призвавъ на омощь Пресвятаго Духа, мы приступили къ избранію кандида-овъ чрезъ секретные голоса и подобнымъ же образомъ къ избра-ію архимандрита, который былъ бы угоденъ Богу и намъ. Мы збрали Өеодосія Вислоцкаго, монаха и профессора супрасльскаго, отораго надлежащимъ образомъ представили фундатору и митро-олиту. Возраженіямъ, противнымъ нашему избранію, противопо-гавляемъ то объясненіе, что, исключая Өеодосія Вислоцкаго, мы икого другаго не желаемъ имѣть архимандритомъ. Если же айдется противный нашему избранію, то такого отлучаемъ изъ воего общества и не хотимъ знать его. Увѣреніе это, подтвер-ивши собственноручно, вносимъ въ акты. 20-го іюня 1778 года ъ Супраслѣ."

Когда сдѣлано было представленіе объ этомъ избраніи къ ундатору и митрополиту Льву Шептицкому, митрополитъ, чрезъ -ть дней послѣ этого избранія, т. е. 29-го іюня, написалъ къ опечителю монастыря Яну-Николаю-Ксаверію графу Ходкевичу, гаростѣ жмудскому и лейтенанту россійскихъ войскъ, чтобы онъ е выдавалъ неправильно избранному Вислоцкому, такъ называе-ой „презенты," или права представлять его къ архимандритству, обѣщалъ, пославши въ монастырь визитаторомъ епископа, кото-ый повѣрилъ бы законность избранія,—споспѣшествовать къ воз-еденію въ архимандрита полезнаго человѣка. При томъ, попе-итель выдалъ уже прежде „презенту" сперва Рылѣ, епископу олмскому, а потомъ, когда послѣдній отказался отъ ней,—бѣль-у, архидіакону Стефану Левинскому, митрополичьему секретарю въ Варшавѣ, бывшему впослѣдствіи митрополитскимъ викаріемъ (суф-раганомъ). Попечитель, дѣйствительно, не выдалъ презенты Ви-лоцкому и нѣсколько разъ писалъ въ супрасльскій монастырь, тобы братія не противилась попечительской презентѣ, выданной . Левинскому. Что же должна была дѣлать братія, когда по-печитель послѣдовательно выдалъ презенты двумъ, а она выбрала третьяго кандидата на архимандритство? Она рѣшилась отка-заться отъ прежняго своего избранія о. Вислоцкаго и приступила

къ избранію о. Левинскаго. Но римская нунціатура, своимъ постановленіемъ 12-го декабря 1778 года, не утвердила избранія мірскаго-архидіакона Левинскаго въ архимандрита. Напротивъ, она опредѣлила, что 1) архимандритство принадлежитъ однимъ достойнымъ монахамъ. 2) А такъ какъ монахи приступили къ избранію архимандрита безъ вѣдома митрополита, который, потому отвергъ его и старался объ избраніи о. Левинскаго, то 3) монахамъ дозволяется избрать себѣ настоятеля, согласно договору 1632 года и новому условію 1741 года, утвержденному папою Венедиктомъ XIV-мъ. Монастырь не приступалъ къ новому выбору, а митрополиту хотѣлось наградить о. Левинскаго за его заслуги церкви, и потому опредѣленіемъ отъ 3-го апрѣля 1779 года, онъ постановилъ выдавать ему третью часть изъ всѣхъ доходовъ Супрасля. Но получать доходы и сдѣлаться архимандритомъ иначе не льзя было, какъ постригшись въ монахи, а Левинскій, не смотря на убѣжденія монаховъ, не хотѣлъ этого сдѣлать. По донесенію изъ Варшавы, отъ 13-го марта 1780 года и король хотѣлъ, чтобы Левинскій, пользовался 3-ю частію монастырскихъ доходовъ, не принимая монашества, такъ какъ онъ нуженъ для королевскихъ палатъ. Что было дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? Монахи убѣдили, наконецъ, Левинскаго согласиться до конца жизни получать отъ монастыря 3,000 польскихъ *тынфовъ* съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ данной ему презенты на архимандритство. Но Левинскій не отдавалъ презенты до тѣхъ поръ, пока не было получено изъ Рима утвержденіе обѣщанной ему изъ монастыря пенсіи. Въ продолженіи этого времени управляли монастыремъ іеромонахи Василій Ерихъ и Лебединскій, присланный изъ Варшавы нунціатурою. 19-го апрѣля 1780 года монахи избрали въ управляющіе монастыремъ сперва Вислоцкаго, а потомъ, когда митрополитъ его не утвердилъ, Никодима Сосновскаго, и просили новаго митрополита (по смерти Шептицкаго) Ясона Смогоржевскаго подтвердить этотъ выборъ. А жмудскій староста Ходкевичъ, письмомъ отъ 30-го іюня того же года, увѣрялъ братію Супрасля, что онъ очень радъ сдѣлкѣ Вислоцкаго съ Левинскимъ, и что онъ не выдастъ никому презенты. 6-го сентября того же года общество монашествующихъ выслало въ Варшаву двухъ іеромонаховъ, Бонифатія и Мелетія, для совѣщанія съ архидіакономъ Левинскимъ, состоявшимъ при митрополитѣ секретаремъ, и подали ему слѣду-

ющее представленіе: „супрасльское собраніе, надѣясь на заступничество почтеннаго отца архидіакона благодѣтеля, въ теперешнемъ опасномъ положеніи высказываетъ слѣдующія мысли для благополучнаго исхода дѣла. Все собраніе единогласно желаетъ видѣть на степени архимандритства, почтеннаго отца Вислоцкаго и, чтобы это дѣло получило ходъ какъ можно скорѣе, торжественно испрашиваетъ у почтеннаго благодѣтеля отца архидіакона двухъ писемъ отъ своего имени и отъ имени двора къ почтенному фундатору монастыря о выдачѣ „презенты." Иначе, если общество монастыря долгое время будетъ волноваться подъ одною только временною администраціею, кромѣ всегдашней тревоги и нестроеній, нужно ожидать окончательнаго опустошенія монастырскихъ имѣній и уже начавшагося упадка монашескаго благочинія. Что дѣлать, спрашиваемъ, чтобъ успѣшно достигнуть возведенія въ архимандритство о. Вислоцкаго? Собраніе повторяетъ просьбу дать милостивое рѣшеніе и отвѣтъ на вышесказанныя мысли и торжественно обѣщать, что съ вашей стороны монастырь не будетъ бояться никакой отсточки отъ времени до времени удовлетворенія правъ монастыря. Получивши на письмѣ благопріятный отвѣтъ, въ полной надеждѣ на благоуспѣшность, мы больше будемъ обязаны молиться за особу почтеннаго нашего благодѣтеля. „На это представленіе, архидіаконъ Левинскій 10-го сентября далъ такое рѣшеніе: „Слава Богу за постоянное единомысліе свѣтлѣйшаго супрасльскаго собранія, касательно достопочтенной особы отца Вислоцкаго и непремѣнное желаніе видѣть его на степени архимандрита! Это много меня утѣшаетъ. Зная свои обязанности къ Супраслю, я готовъ споспѣшествовать, чтобъ это дѣло какъ можно скорѣе было приведено къ концу. Съ большою охотою я и теперь бы послужилъ этому дѣлу такъ, какъ желаетъ монастырь, если бы отъ того не удерживала меня мысль воздержаться съ этою услугою до прибытія сюда (въ Варшаву) митрополита. Богъ видитъ, что это для пользы монастыря. Чтобъ дополнить послѣднее опредѣленіе священной конгрегаціи для распространенія вѣры, для этого нужно монастырю подтвердить избраніе особы о. Вислоцкаго. Тогда положительное или отрицательное рѣшеніе митрополита укажетъ, какъ нужно дѣйствовать. Увѣряю совѣстію и честію, что супрасльскія права не встрѣтятъ съ моей стороны никакого пререканія. Напротивъ, для доказательства моей признательности къ Супраслю, я постараюсь защищать ихъ

и привести къ желанному удовлетворенію, а между тѣмъ вѣряю себя святымъ молитвамъ братства.“ 16-го сентября посланные возвратились въ Супрасль и монашествующіе монастыря тотчасъ начали заботиться о подтвержденіи избранія (ратификаціи) Вислоцкаго. 23-го числа въ самомъ дѣлѣ приступили къ дополненію подтвердительнаго избранія въ такомъ видѣ, какъ предписываютъ каноны. Въ 10-ть часовъ утра, по данному знаку въ звонокъ, монашеское общество собралось въ трапезу. Тамъ, послѣ предувѣдомленія о предлежащемъ дѣлѣ и послѣ призванія Св. Духа, всѣ единогласно избрали секретаремъ для изслѣдованія голосовъ Амвросія Шумиловскаго, кузницкаго игумена и вмѣстѣ секретаря супрасльскаго монастыря. Онъ выполнилъ присягу на вѣрность секретарства въ слѣдующихъ словахъ: „Я Амвросій Шумиловскій, іеромонахъ закона св. Василія Великаго, котораго собраніе избрало секретаремъ, присягаю Господу Богу, единому во Св. Троицѣ, въ томъ, что, вѣрно списавши голоса, безъ малѣйшаго обмана или утайки, подамъ ихъ для всеобщаго объявленія. Такъ мнѣ Боже помоги!“ По исполненіи этой присяги секретаремъ, отцы и братія приступили къ подачѣ голосовъ. Эти секретные голоса о. секретарь собралъ въ чашу и, списавши, объявилъ ихъ вмѣстѣ съ Василіемъ Ерихомъ, предсѣдателемъ собранія. Въ пользу Вислоцкаго оказалось 25 голосовъ. Когда избраніе окончилось, составленъ былъ на латинскомъ языкѣ слѣдующій актъ. „Дѣлалось въ супрасльскомъ монастырѣ и архимандритствѣ, 23-го сентября 1780 года. Мы ниже подписавшіеся отцы и братія супрасльскаго архимандритства, которое остается не занятымъ, по кончинѣ достойнаго господина Антонина Млодовскаго, епископа владимірскаго и супрасльскаго архимандрита, на основаніи завѣщанія фундатора и законнаго договора, утвержденнаго 3-го марта 1632 года и по другимъ законамъ, и по новому опредѣленію священной конгрегаціи для распространенія вѣры, послѣдовавшему въ Римѣ 29-го мая 1789 г., въ которомъ слово въ слово такъ говорится: „да будетъ вольно супрасльскимъ монахамъ приступить къ избранію новаго архимандрита, по собственнымъ установленіямъ этого монастыря, утвержденнымъ апостольскою властію,“— собравшись по зову звона на мѣсто собранія, мы не избрали новаго архимандрита, но, сохраняя то, что должно сохранить по суду, мы приступили къ тому же избранію, и тогоже достопочтеннаго отца Өеодосія Вислоцкаго, котораго еще прежде, 20-го іюня

1778 года, избрали на архимандритство, и теперь снова избираемъ секретными голосами и единодушнымъ заявленіемъ, и прежде законно сдѣланное нами избраніе, возобновляемъ и утверждаемъ, и не желаемъ имѣть другаго новаго архимандрита, вопреки нашимъ законамъ, желаніямъ и голосамъ. Для вѣрности всего вышеозначеннаго, мы утвердили это избраніе нашею монастырскою печатію и собственноручными подписями.“ Предсѣдатель, іеромонахъ Василій Ерохъ и проч.; всѣхъ подписей 23. Митрополитъ не утвердилъ и этого избранія, потому что оно сдѣлано было безъ его вѣдома, въ отсутствіи многихъ, безъ надлежащей духовной торжественности и вопреки предписанію римской нунціатуры — избрать новаго архимандрита, а не повторить прежнее избраніе. Монахи просили фундаторшу Людовику Ходкевичеву, жену умершаго Ходкевича, старосты жмудскаго, ходатайствовать объ нихъ предъ митрополитомъ. 26-го генваря 1782 года, она писала митрополиту, что никто не долженъ мѣшаться въ избраніе супрасльскаго архимандрита, что она выдала презенту на архимандритство о. Вислоцкому, что митрополиты уже отказались отъ этого архимандритства, и потому митрополитъ не захочетъ съ нею судиться. 3-го марта того же года монахи и сами подали митрополиту прошеніе слѣдующаго содержанія: „Знаменитѣйшій, высочайшій господинъ, господинъ архипастырь и единственный покровитель! По удовлетвореніи почтеннаго о. Левинскаго, домогавшагося супрасльскаго настоятельства, мы доселѣ не знаемъ о судьбѣ сего же не занятаго архимандритства, и всякій разъ скорбимъ, видя себя сиротствующими уже болѣе 4-хъ лѣтъ, съ опасностію нарушенія нашихъ правъ. Мы твердо, однако, увѣрены въ высокомъ покровительствѣ и милостяхъ найяснѣшаго и найвысшаго отца, которыя вы всегда оказывали и оказываете этому мѣсту и которыя на вѣки возвеличатъ имя ваше, за особенное снисхожденіе къ Супраслю, и вѣчно будутъ побуждать насъ и нашихъ преемниковъ благодарить вашу архипастырскую особу. Осмѣливаемся единодушными голосами упрашивать знаменитѣйшаго и высочайшаго благодѣтеля милостиво услышать наши просьбы, съ которыми прибѣгаемъ къ отцовской добротѣ вашего сердца и помочь намъ окончить дѣло о незанятомъ архимандритствѣ въ лицѣ почтеннаго отца Ѳеодосія Вислоцкаго, котораго мы избрали. Пусть уже утѣшимся дѣйствительнымъ покровительствомъ отъ васъ, нашего благодѣтеля, котораго благодѣянія мы ежедневно превозносимъ. Пусть

мы увидимъ совершенное успокоеніе насъ при жизни архипастыря, за доброе здоровье и дорогую жизнь котораго, мы ежедневно возносимъ молитвы къ Богу. Эта-то наша просьба, которую мы повергаемъ покорно къ стопамъ вашимъ чрезъ почтеннаго отца Өеодосія Вислоцкаго, администратора, а также чрезъ почтеннаго отца Николая Борисдавскаго, нашего казначея и профессора богословія. Поручая всѣхъ насъ вашему господскому покровительству и архипастырскому благословенію, остаемся въ живѣйшихъ чувствахъ обязанностей нашихъ, знаменитѣйшаго, высочайшаго и препочтеннѣйшаго господина, господина архипастыря и единственнаго покровителя глубочайшіе...." Подписалось 23 монашествующихъ. Супрасльскіе монахи, въ декабрѣ тогоже года, по требованію Ходкевичевой, снова избрали Вислоцкаго на архимандритство и просили попечительницу выдать ему „презенту" и защищать ее. 12-го генваря 1783 года попечительница дѣйствительно выдала „презенту" Вислоцкому и писала объ этомъ митрополиту, прося о посвященіи въ архимандрита Вислоцкаго. Но нунціатура, по настоянію митрополита, отказала въ подтвержденіи этого избранія, на томъ основаніи, — что при избраніи не было президента отъ митрополита: ибо монахи должны были просить митрополита или самому быть президентомъ, или послать кого-либо вмѣсто себя. Этотъ отказъ очень оскорбилъ попечительницу. Она подала жалобу на митрополита въ гродненскій судъ и прекратила всякую переписку объ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, митрополитъ рѣшился удовлетворить настоятельной просьбѣ супрасльской братіи: 12-го апрѣля 1785 года, онъ выдалъ епископу Левинскому, своему суффрагану и послу, право предсѣдательства въ Супраслѣ при избраніи архимандрита. Епископъ Левинскій, по этому праву, долженъ былъ отправиться въ Супрасль и тамъ надлежащимъ образомъ увѣриться въ законности выбора и въ достоинствѣ избраннаго. 13-го апрѣля тогоже года митрополитъ увѣдомилъ о томъ же и попечительницу. 10-го іюля того же года, Левинскій, прибывъ въ Супрасль, посредствомъ присяжныхъ свидѣтелей, увѣрился, что первый выборъ Вислоцкаго, бывшій въ 1778 году, 20-го іюня и послѣднее подтвержденіе монастыремъ этого выбора, не имѣли надлежащей законности, потому что во время избранія не были созваны всѣ избиратели, имѣющіе право голоса, и не всѣ были согласны какъ на прежній выборъ, такъ и на его подтвержденіе; не было присяги на выборъ достойнѣйшаго; выборъ сдѣланъ

безъ президента и вопреки предписанію римской нунціатуры и конгрегаціи для распространенія вѣры (de propaganda fide). Митрополичій повѣренный (делегатъ) епископъ Левинскій, своимъ опредѣленіемъ (декретомъ), приказалъ сдѣлать новый выборъ. Супрасльскій монастырь ясно увидѣлъ ничтожность прежняго своего выбора и его подтвержденія, а потому приступилъ къ новому выбору. Выборъ послѣдовалъ 22-го іюня 1785 года. На немъ избранъ большинствомъ голосовъ тотъ же Өеодосій Вислоцкій. И такъ, будучи избранъ законно на архимандритство, Вислоцкій былъ посланъ къ попечительницѣ монастыря за презентою. Въ полной надеждѣ, что онъ получитъ попечительское согласіе на его архимандритство, Вислоцкій просилъ митрополичьяго повѣреннаго произвести законное изслѣдованіе о его жизни, привычкахъ и примѣтахъ. Когда это было сдѣлано, посвященіе его въ санъ архимандрита отложено до того времени, когда получено будетъ попечительское согласіе (презента). Узнавши объ этомъ, митрополитъ 29-го ноября сообщилъ попечительницѣ письменно, что Вислоцкій ожидаетъ ея „презенты,“ и, если она замедлитъ выдать ее, то, на основаніи каноническихъ правилъ, будетъ приступлено къ его посвященію; потому что этими правилами повелѣвается посвящать безъ попечительскаго свидѣтельства, если оно не будетъ выдано въ теченіе четырехъ-мѣсячнаго срока. Такъ какъ попечительница не дала митрополиту никакого отвѣта, то онъ 22-го декабря снова повторилъ ей это требованіе. Но, когда и послѣ этого не получилъ отвѣта, митрополитъ 12-го февраля 1786 года предписалъ Левинскому сдѣлать къ нему представленіе о посвященіи Вислоцкаго въ архимандрита. 6-го марта онъ дѣйствительно сдѣлалъ это представленіе и отослалъ Вислоцкаго къ митрополиту для посвященія въ санъ архимандрита. Такъ о. Вислоцкій, послѣ многихъ смущеній и неустройствъ, получилъ, наконецъ, супрасльское архимандритство (1).

(Продолженіе будетъ.)

---

(1) Изъ мон. арх.: Informacya Suprasl. elekcyi X. Wisłockiego R. 1786. Summar. papier. Suprasl. 1785 г. и другіе акты на латинскомъ и польскомъ языкахъ, въ правленіе о. Вислоцкаго, съ 1781 по 1799 годъ.

АНДРУСОВСКІЙ ДОГОВОРЪ И ПЕТРЪ ДОРОШЕНКО.

Глава I.

Андрусовскій договоръ. Взглядъ на внутреннее состояніе Малороссій. Характеристика Бруховецкаго и Дорошенка.

Присоединеніе Малороссіи къ Московскому, обще-русскому государству, въ 1654 году, было поводомъ къ долголѣтней борьбѣ между Польшей и Россіею. Въ первое время, перевѣсъ былъ на сторонѣ послѣдней и, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, поляки должны были заключить, въ 1656 г. виленскій договоръ, по которому не только уступили Россіи Бѣлоруссію и Малороссію, но и признали царя Алексѣя Михайловича наслѣдникомъ польскаго престола, обязались искоренить унію и предоставить свободу и равноправность съ „католиками (*)“ лицамъ православной вѣры.

Необходимость и опасность со стороны Швеціи заставила поляковъ подписать условія столь тяжелыя для фанатической Польши. Потому, лишь только избавилась Польша отъ шведовъ, какъ рѣшительно отвергла статьи виленскаго договора и война закипѣла снова. На этотъ разъ поляки одержали верхъ. Русскія войска должны были очистить Бѣлоруссію и западную Малороссію, гдѣ значительная партія держалась польской стороны, и царь склонился на предложенія поляковъ о мирѣ.

Договоръ былъ заключенъ въ Андрусовѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Прекратить военныя дѣйствія на тринадцать съ половиною лѣтъ, между тѣмъ условиться о вѣчномъ мирѣ.

2) Смоленскому и Сѣверскому княжествамъ оставаться за Россіею.

3) Полоцкъ и Витебскъ возвратить Польшѣ.

(*) Хотя мы и оставили въ этой статьѣ за папистами названіе *католиковъ*, но, по заявленнымъ нѣсколько разъ причинамъ, мы, по прежнему, убѣждены въ его неправильности и противорѣчіи папизма съ характеромъ истиннаго *католичества*. Пользуемся настоящимъ случаемъ просить нашихъ сотрудниковъ, какъ изъ уваженія къ истинѣ, такъ и для избавленія редакціи Вѣстника отъ излишнихъ исправленій qui pro quo, неупотреблять въ статьяхъ, присылаемыхъ въ эту редакцію, словъ: католикъ, католическій и проч., вмѣсто папистъ, папскій, римскій, латинскій и проч. (Ред.)

4) Днѣпръ будетъ границею двухъ государствъ. Запорожье остается подъ ихъ общимъ покровительствомъ.

5) Кіевъ возвратить Польшѣ чрезъ два года.

Правда, русскія войска потерпѣли нѣсколько пораженій, но Россія не была еще въ такомъ положеніи, чтобы соглашаться на столь значительныя уступки, какъ отдача полякамъ всей западной Малороссіи, тѣмъ болѣе, что московскому двору были хорошо извѣстны: бѣдственное внутреннее состояніе Польши, совершенное истощеніе ея казны и постоянные бунты и безпорядки, производимые жолнерами за не уплату жалованья. Уступка Польшѣ западной Малороссіи можетъ быть только объяснена событіями, совершавшимися въ Малороссіи, и тогдашнимъ ея положеніемъ (*). Чтобъ объяснить его, намъ надо зайдти нѣсколько назадъ и взглянуть, изъ какихъ элементовъ слагалось малороссійское общество второй половины 17-го вѣка, и какого рода былъ гражданскій строй его.

До Хмѣльницкаго, элементъ козачества (de jure) былъ развитъ весьма слабо въ Малороссіи. Козацкихъ полковъ было всего шесть: чигиринскій, черкасскій, корсунскій, переяславскій и бѣлоцерковскій, число реестровыхъ козаковъ не превышало десяти тысячъ. Всѣ они были (какъ видно изъ самаго названія полковъ) поселены по берегамъ Днѣпра, съ обязанностію охранять страну отъ татарскихъ набѣговъ. Но кромѣ этихъ козаковъ было множество, такъ называемыхъ, *выписчиковъ*, которые считали себя казацкаго происхожденія и были готовы при всякомъ случаѣ вредить полякамъ за то, что они обратили ихъ въ холопство. Выписчики составляли ядро всѣхъ козацкихъ возстаній, бывшихъ до Хмѣльницкаго. Все остальное народо-населеніе южной Россіи раздѣлялось на дворянство, духовенство, мѣщанство и *посполъство*, то есть крестьянство, поселенное на земляхъ коронныхъ и помѣщицкихъ.

На югъ отъ нынѣшнихъ Кіевской и Полтавской губерній лежали никому не принадлежащія степи и тутъ образовалось воинственное козацкое братство, извѣстное подъ именемъ Запорожья. Въ составъ его вошли всякіе выходцы и оно постоянно пополнялось новыми бѣглецами изъ Малороссіи. Случалось, что въ Запорожье бѣжали магнаты и шляхтичи, осужденные республикою; примѣромъ тому служитъ извѣстный Самуилъ Зборовскій; но больше всего Запорожье пополнялось украинскими посполитыми, покинув-

(*) Такъ какъ первая глава этой статьи представляетъ только общій взглядъ на положеніе Малороссіи въ началѣ 2-й половины 17-го вѣка и приводимые въ ней факты общеизвѣстны, то я не счелъ нужнымъ упоминать, откуда они заимствованы. Въ концѣ-же 1-й главы, заключающемъ въ себѣ характеристику Бруховецкаго и Дорошенка и ихъ біографіи, а слѣдовательно и факты болѣе мелкіе, я дѣлалъ вездѣ замѣтки, изъ какихъ источниковъ они почерпнуты. Авт.

шими родину, вслѣдствіе угнетеній, бѣдности, семейнаго разлада или страха наказанія. Другихъ влекла на Запорожье жажда битвъ, опасностей, привольной независимой жизни, а иногда и менѣе благородныя побужденія: корысть, лѣность, тунеядство. Доступъ на Запорожье для всякаго былъ легокъ: запорожское правило говорило: „*приди, ратище встроми, янчарку повісь, тай лежи собі, хочь три мѣсяці, пій и іжъ готове* (*).“ Только безотчетная храбрость и презрѣніе къ жизни требовались безусловно отъ пришельца; даже въ имени его никто не нуждался; придя въ Сѣчь, всякій могъ назваться какъ угодно.

Естественно, что при такихъ условіяхъ и при безбрачіи запорожцевъ, у нихъ долженъ былъ развиться полный демократизмъ, а слѣдовательно и антипатія ко всѣмъ сословнымъ различіямъ. Эта антипатія мало по малу превратилась въ ненависть къ дворянству, когда оно ополячилось, приняло унію или латинство, и стало принуждать къ нимъ своихъ подданныхъ. Но, кромѣ этого общаго чувства, у нѣкоторыхъ недѣлимыхъ оно было еще сильнѣе вслѣдствіе тѣхъ личныхъ обидъ, которыя принудили ихъ покинуть родину,—и новые пришельцы, своими, часто преувеличенными, разсказами, усиливали вражду къ полякамъ. Не признавая принципа панства, запорожцы не признавали польской администраціи и только одного короля считали своимъ номинальнымъ повелителемъ. Когда же поляки начали вмѣшиваться въ дѣла коша и препятствовать запорожцамъ грабить татаръ, то запорожцы, для которыхъ война и грабежъ были обычнымъ занятіемъ и, въ тоже время, средствомъ къ существованію, начали дѣлать набѣги на Польшу, при чемъ грабили имѣнія коронныя и магнатскія, не только не обижая посполъства, но и помогая ему въ нуждѣ и объявляя себя его защитниками и покровителями. Толпы выписчиковъ и посполитыхъ приставали къ запорожцамъ, и поляки должны были вооруженною силою подавлять возстанія.

Такой характеръ носятъ на себѣ всѣ козацкія войны до Хмѣльницкаго, и хотя ни одна изъ нихъ не была вполнѣ удачна и народъ еще болѣе страдалъ послѣ возстанія отъ усмирившихъ его пановъ, но чувство расположенія, доходившее до какого-то обожанія къ запорожцамъ, оттого не уменьшалось въ народѣ, а увеличивалось. Украинскому простолюдину запорожецъ представлялся идеаломъ доблести, а запорожское вѣчевое устройство образцомъ благоустройства и порядка. Хмѣльницкій, предпринимая возстаніе, тоже прежде всего обратился къ запорожцамъ, какъ поступали и несчастные его предмѣстники: *Сулима*, *Павлюкъ* и *Остряница*; но успѣхъ Хмѣльницкаго объясняется тѣмъ, что, будучи самъ писаремъ городовыхъ реестровыхъ козаковъ, онъ снискалъ ихъ довѣріе, вслѣдствіе чего всѣ городовые казаки, въ рѣ-

(*) Запис. о южной Руси Т. I, стр. 181.

нительный моментъ, передъ самою желтоводскою битвою, перешли на его сторону и тѣмъ положили начало успѣху возстанія. Все посполъство приняло сторону ново-избраннаго гетмана, который обѣщалъ избавить ихъ отъ пановъ и дать давно желанное козацкое общинное устройство. Съ необыкновеннымъ успѣхомъ Хмѣльницкій началъ дѣло: менѣе чѣмъ въ два года страна была очищена отъ польскихъ властей, и основаніе козацкой автономіи положено зборовскимъ договоромъ; но ожиданія народа сбылись не вполнѣ: устройство, данное Хмѣльницкимъ, многимъ отличалось отъ запорожскаго равенства; тому причиною былъ разладъ въ украинскомъ обществѣ. Освободившемуся отъ поляковъ, Хмѣльницкому предстояла еще труднѣйшая задача: дать южной Россіи внутреннее устройство и миръ.

Представлялись къ тому непреоборимыя препятствія; важнѣйшее изъ нихъ было то, что люди, единодушно свергнувшіе польскую власть, руководствовались при этомъ различными цѣлями и были, по самому своему положенію, естественными между собою врагами. Изъ запорожскаго атамана, превратясь въ представителя, или, лучще сказать, въ повелителя цѣлой страны, Хмѣльницкій долженъ былъ войдти въ сношенія съ сосѣдними государствами; послы его безпрестанно ѣздили въ Варшаву, въ Москву, въ Стамбулъ, въ Молдавію, въ Венгрію, въ Крымъ. Полу-дикіе запорожцы, способные грабить и драться съ поляками и татарами, не могли совладѣть съ дипломатіей, требовавшей значительнаго умственнаго развитія. Волею-неволею—Хмѣльницкій долженъ былъ обратиться за совѣтомъ къ тѣмъ южно-русскимъ дворянамъ, которые, оставаясь вѣрными православію, при самомъ началѣ возстанія, приняли его сторону. А такихъ было не мало, потому что фанатизмъ поляковъ, называвшихъ православныхъ схизмитиками и лишавшій ихъ многихъ гражданскихъ правъ (если не de jure, то de facto), оттолкнулъ эту часть народонаселенія отъ польскихъ интересовъ. Такимъ образомъ, составилась весьма значительная, по нравствнному вліянію, партія изъ православнаго южно-русскаго дворянства. Въ главѣ ея находились: правая рука Хмѣльницкаго, войсковый писарь Иванъ Выговскій, посолъ Хмѣльницкаго въ Варшавѣ Прокопъ Верещака и, превосходившій своихъ соотчичей современниковъ способностями и образованіемъ, молодой Юрій Немиричъ. Партія эта отнюдь не желала дать южной Россіи полное демократическое устройство. Воспитанная въ шляхетскомъ духѣ, она принимала за образецъ порядокъ вещей, бывшій въ Польшѣ, но изъ чувства патріотизма и народной гордости, тяготилась польскою автономіею, введенною послѣ люблинскаго постановленія 1569 года, и желала, чтобы Малороссія, управляясь самобытно мѣстною аристократіею, была въ федеративномъ союзѣ съ Рѣчью посполитою, на правахъ равныхъ, превосходящихъ права Литвы, при чемъ государственною религіею должно было быть православное исповѣданіе. Только въ этомъ послѣд-

немъ и совпадало стремленіе этой партіи съ желаніемъ поспольства, расходясь въ остальномъ діаметрально.

Высшее духовенство также вполнѣ раздѣляло убѣжденія партіи Выговскаго, какъ по своему панскому происхожденію, такъ и по тѣмъ выгодамъ, которыя пріобрѣло бы оно, если бы цѣль Выговскаго осуществилась. Хмѣльницкій поддался вліянію аристократической партіи, и послѣ неудачи подъ Берестечкомъ, долженъ былъ заключить въ 1651 году, въ Бѣлой Церкви, миръ съ поляками, по которому помѣщики снова вступили въ свои права и число городовыхъ козаковъ было уменьшено до 30 тысячъ. Слѣдовательно, всѣ козаковавшіе поселяне, уже разъ записанные въ казацкіе реестры, должны были обратиться въ выписчиковъ, т. е. въ панскихъ *подданныхъ*. Къ чему-жъ, спросишъ тутъ по неволѣ, повели побѣды желтоводская, корсунская, пилявская и зборовская? Изъ за чего бился народъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ?

Начался глухой ропотъ и мѣлкія возстанія на пановъ; популярность Хмѣльницкаго слабѣла; чернь становилась противъ него; надо было найдти въ чемъ нибудь поддержку, гетманъ нашелъ ее въ городовыхъ или реестровыхъ казакахъ. Имъ даны были поляками огромныя права; мало чѣмъ не равнялись они шляхтѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и превосходили ее, такъ, напр.: съ рейстровыхъ козаковъ не бралось ни какихъ поборовъ и земли их были избавлены отъ постоевъ; въ рѣшеніи своихъ дѣлъ реестровымъ казакамъ было предоставлено право самоуправленія, и шляхетская юрисдикція не могла имѣть на нихъ никакого вліянія. Тридцать тысячь семействъ получали полное право свободныхъ гражданъ, а сражавшіеся рядомъ съ ними поселяне, не вошедшіе въ реестры, опять попадали подъ панское иго. Естественно, что городовые казаки готовы были стоять за столь выгодное для нихъ положеніе, чѣмъ и положено было основаніе вѣковой враждѣ *лейстровиковъ* и *поспольства*.

Запорожцы, которымъ принадлежала иниціатива возстанія, тоже не только не пріобрѣли ни какихъ выгодъ, но и были отодвинуты на второй планъ: представителями казачества въ южной Руси стали уже не они, а *лейстровики*, гордые своими побѣдами и правами, разбогатѣвшіе во время войны и своимъ образомъ жизни и чванствомъ напоминавшіе, столь ненавистную для сѣчевыхъ братчиковъ, польскую шляхту.

Бѣлоцерковскій договоръ не могъ успокоить Малороссіи. Надѣясь на Хмѣльницкаго и аристократическую партію, ставшую въ главѣ управленія, польскіе паны поѣхали въ свои имѣнья и думали зажить по прежнему, но это уже было не своевременно. Поселяне, только— что бившіеся съ ними, на отрѣзъ отказали имъ въ повиновеніи и началась новая война. Хмѣльницкій не могъ противиться общему движенію, но онъ видѣлъ, что на этотъ разъ война изъ за свободы и собственности можетъ кончиться только окончательнымъ паденіемъ одной изъ сторонъ и, не надѣясь на

одн южно-русскія силы, парализованныя сильнымъ антагонизмомъ, рѣшилися искать чьей либо протекціи. Аристократическая партія, отчасти тянула къ Польшѣ, но посполъство не хотѣло и слышать о полякахъ. Образовалась и турецкая партія изъ молодыхъ лейстровиковъ; разсчетъ этой партіи былъ тотъ, что турецкая власть будетъ только номинальною и южная Русь будетъ пользоваться независимостью, какъ Валахія и Молдавія, а въ главѣ правленія, конечно, станетъ реестровое козачество. Но религіозное чувство массы было противъ признанія невѣрнаго своею главою. Оставался третій сосѣдъ: Московское государство, къ нему тяготѣла Малороссія, какъ къ странѣ единоплеменной и единовѣрной, а поспольство радо было покориться царю самодержавному, *„единому яко солнце сіяющему.“* Шляхетское самоволіе оскорбляло его самолюбіе и сдѣлалось ненавистнымъ.

Демократизмъ и самодержавіе, при всей кажущейся разницѣ, въ сущности весьма между собою близки. Чернь ненавидитъ только многоначаліе и охотно подчиняется одному лицу. Для нея мало разницы въ томъ выбрано ли оно, или получило власть по наслѣдству. Казакамъ же было вообще безразлично кому ни подчиниться; они желали только санкціи своихъ правъ и, конечно, въ этомъ отношеніи болѣе могли надѣяться на царя, чѣмъ на шляхту, которая, при малѣйшемъ успѣхѣ, не задумывалась нарушать и отнимать данныя казачеству права. Запорожье тоже предпочитало московскую протекцію польской. Хмѣльницкій не однократно созывалъ рады и совѣтовался: помириться ли съ поляками или подчиниться царю. Наконецъ было принято послѣднее рѣшеніе и, 8 января 1654 года, произошло такъ на долго прерванное обстоятельствами соединеніе южной Руси съ сѣверной (*).

Переяславскимъ договоромъ Хмѣльницкій пріобрѣлъ возможность дать Малороссіи внутреннее спокойствіе. Реестровые казаки были довольны тѣмъ, что все управленіе попало въ ихъ руки и что московское правительство гарантировало права ихъ. Кромѣ того, реестровые казаки и старшины ихъ захватили земли, принадлежавшія дворянамъ и стали владѣть ими безпошлинно. Самые завзятые изъ выписчиковъ тоже успокоились, потому что явилась возможность сдѣлать ихъ *лейстровиками*, такъ какъ число реестровыхъ козаковъ, ограниченное, по бѣлоцерковскому до-

(*) Условія заключенныя Хмѣльницкимъ съ Московскимъ Государствомъ въ Переяславѣ состояли въ слѣдующемъ:

1) Казаки судятся по своимъ правамъ, безъ вмѣшательства московскихъ чиновъ.

2) Войска казацкаго должно быть пятьдесятъ тысячъ.

3) Всѣ права, данныя польскими королями, остаются въ прежней силѣ.

4) По смерти гетмана, войско избираетъ новаго и только извѣщаетъ царя.

5) Чужеземныхъ пословъ гетманъ принимаетъ самъ и только извѣщаетъ московское правительство.

6) Подати съ Малороссіи будутъ собирать въ казну малороссіяне, а не московскіе чиновники.

говору, до 30 тысячъ, было удвоено. Поспольство же радовалось тому, что избавилось отъ панства и угнетеній за вѣру; но не сравненно выгоднѣйшее положеніе реестровыхъ казаковъ, владѣвшихъ лучшими землями безпошлинно, тогда какъ поспольство платило подати,— возбуждало его зависть. Вражда между поспольствомъ и лейстровиками усиливалась еще тѣмъ, что управленіе попало въ руки старшинъ реестровыхъ казаковъ. Вся страна была раздѣлена на округа, называемые полками; каждый полковникъ былъ губернаторомъ округа и начальникомъ поселенныхъ въ нихъ казаковъ, въ его же рукахъ были судъ и расправа надъ поспольствомъ.

Пока былъ живъ Хмѣльницкій и дѣла поляковъ, стѣсненныхъ Ракочіемъ и шведами, шли весьма дурно, Малороссія оставалась спокойною; но какъ только умеръ Хмѣльницкій и Польша избавилась отъ внѣшнихъ войнъ, всѣ враждебные элементы пришли въ столкновеніе и началась продолжительная гражданская неурядица. Послѣ смерти Хмѣльницкаго, гетманскою булавою овладѣлъ войсковый писарь Иванъ Выговскій, воинскій шляхтичъ православнаго исповѣданія, и тотъ часъ же началъ тайныя сношенія съ поляками. Сторону его приняли многіе дворяне и нѣкоторые казацкіе старшины. Въ главѣ противной демократической партіи, оставшейся вѣрною царю, выступилъ противъ Выговскаго полтавскій полковникъ Пушкарь и запорожцы. Выговскій побѣдилъ ихъ и заключилъ съ поляками гадячскій договоръ, по которому Малороссія оставалась республикою, въ федеративномъ союзѣ съ Польшею, а шляхетству польскому снова возвращались земли, отнятыя у него Хмѣльницкимъ (*). Выговскій жертвовалъ выгодами оказачившихся поселянъ интересамъ своей партіи. Не всѣ старшины приняли сторону гетмана; нѣкоторые изъ честолюбія и желанія получить булаву, другіе, понимавшіе интересы низшихъ классовъ, изъ желанія добра народу. Не смотря на рядъ успѣховъ, Выговскій не былъ въ силахъ подавить общее возстаніе поспольства и большинства реестровыхъ, и послѣ двухъ пораженій

(*) Статьи договора были слѣдующія:

1) Унію уничтожить, государственною религіею въ южной Россіи будетъ православное исповѣданіе.

2) Митрополитъ кіевскій и четыре православныхъ епископа имѣютъ право засѣдать въ сенатѣ польскомъ. Гетманъ казацкій будетъ въ тоже время и кіевскимъ воеводою.

3) Старинныя православныя церкви и монастыри будутъ отданы казакамъ и при нихъ будутъ основаны академіи, архивы и типографіи.

4) Всѣмъ, воевавшимъ противъ Польши, дается полная амнистія.

5) Подати будетъ собирать гетманъ; онъ же и управляетъ обобочною Малороссіей, безъ всякаго вмѣшательства поляковъ, и имѣетъ право ежегодно представлять королю сто казаковъ, для нобилитаціи, т. е. дарованія имъ дворянскаго достоинства.

6) Польскія войска, при вступленіи въ Малороссію, должны находиться подъ начальствомъ казацкаго гетмана и могутъ становиться на квартиры только въ королевскихъ и духовныхъ имѣніяхъ.

ъдъ Свидовцемъ и Хмѣльникомъ (*), лишился булавы, а вскоро- ли и жизни. Главою партіи польско-шляхетской сдѣлался на его мѣстѣ, сначала полу-идіотъ Юрій Хмѣльницкій, потомъ Павелъ Тетеря, человѣкъ отлично образованный, хорошій дипломатъ, но лишенный всякой энергіи и рѣшительно неспособный управлять страною въ смутное время. Эта партія имѣла перевѣсъ на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ, при помощи поляковъ, держала въ повиновеніи народъ.

Въ главѣ московско-демократической партіи стояли полковники Якимъ Самко и Василій Золотаренко, оба хорошіе военачальника, оба шурины Хмѣльницкаго (**) и честолюбивые искатели булавы. У реестровыхъ казаковъ они пользовались большою популярностью, но поспольство, не любившее всѣхъ *значныхъ*, не любило и ихъ. Запорожье тоже держалось московской стороны; тамъ безпрестанно смѣнялись кошевые, но направленіе пока не измѣнялось: таже вѣрность царю, защита поспольства противъ всѣхъ высшихъ сословій и вражда къ шляхетско-польской партіи и городовымъ казакамъ.

Пользуясь смутами, запорожцы наводнили восточную Малороссію и, помогая народу противъ поляковъ и ихъ приверженцевъ, въ тоже время, вооружали поспольство противъ реестровыхъ казаковъ, говорили о всеобщей равноправности и требовали выбора новаго гетмана на мѣсто Тетери, передавшагося полякамъ, при чемъ настаивали, чтобы въ выборѣ гетмана учавствовали не только реестровые казаки, но и все народонаселеніе. Запорожцы успѣли достигнуть своей цѣли, и въ гетманы былъ избранъ въ Нѣжинѣ предводитель ихъ Иванъ Бруховецкій (въ 1663 году). Между тѣмь, Тетера, державшійся только польскою помощью, съ

7) Казаки имѣютъ право чеканить свою монету.

8) Войти въ сношенія, чтобъ устроить свободную навигацію до Чернаго моря.

9) Казаки только тогда учавствуютъ въ войнѣ съ Москвою, если ея войска войдутъ въ казацкіе предѣлы.

10) Всѣмъ, кто былъ во время войны на сторонѣ казацкой или шведской, возвращаются прежнія права и честь, и всѣ постановленія о нихъ, находящіяся въ книгахъ, будутъ замазаны и уничтожены.

11) Гетману казацкому не искать чужой протекціи.

12) Съ Крымомъ сохранять дружбу, царя московскаго не оскорблять ни чѣмъ, если не будетъ обидъ съ его стороны.

13) Взяты во время войны города и имущества возвратить прежнимъ владѣльцамъ.

14) Учредить въ Малороссіи придворныя должности, подобно существующимъ въ Литвѣ и Коронѣ.

15) Чигиринъ остается по прежнему при гетманской булавѣ.

(*) Въ первомъ былъ убитъ Юрій Немиричъ. Второе сраженіе было проиграно Выговскимъ, въ слѣдствіе перехода Петра Дорошенка, со всѣми казацкими полками на сторону царя.

(**) У Богдана Хмѣльницкаго было три жены: 1-я Анна Самковна, сестра Якима Самка; 2-я вдова Чаплинскаго; 3-я вдова Анна Филиппиха, сестра Василія Золотаренка.

удаленіемъ польскихъ войскъ, лишился всякаго значенія и, заграбивъ войсковыя сокровища и клейноды, ушелъ въ Польшу. Реестровые казаки на мѣсто его выбрали въ Чигиринѣ въ гетманы Петра Дорошенка (въ 1666 г.); такимъ образомъ Малороссія стала управляться двумя гетманами, естественно другъ другу враждебными. Границу ихъ владѣнія провести трудно, хотя вообще на правомъ берегу Днѣпра властвовалъ Дорошенко, а на лѣвомъ Бруховецкій; но Каневъ признавалъ власть Бруховецкаго, а нѣкоторыя мѣста на лѣвомъ берегу— Дорошенка.

Въ такомъ положеніи находимъ дѣла въ Малороссіи, когда былъ заключенъ андрусовскій договоръ; взглянемъ теперь на характеръ и прежнюю дѣятельность двухъ ея правителей.

Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые могутъ получить власть только во время внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ, анархіи и соперничества партій. Своимъ характеромъ Бруховецкій напоминалъ Марія. Подобно римскому консулу, кровожадный, преданный пьянству, всегда готовый на предательство, хладнокровно храбрый во время опасности и малодушно нерѣшительный передъ ея наступленіемъ, одаренный блестящими военными талантами, способный къ возбужденію черни и къ мелкой интригѣ, но лишенный политическаго такта, последовательности въ поступкахъ и умѣнья пользоваться своими успѣхами,— онъ превосходилъ Марія корыстолюбіемъ и совершеннымъ отсутствіемъ гражданской чести и убѣжденій.

Молодость свою Бруховецкій провелъ въ домѣ Хмѣльницкого (*), гдѣ исполнялъ должность въ родѣ камердинера, но во все время Богданова гетманства ему не удалось выдвинуться и занять какое нибудь мѣсто въ казацкомъ войскѣ. По смерти Хмѣльницкаго, Бруховецкій остался при сынѣ его Юріѣ, въ тойже должности, а на политическое поприще выступилъ въ то время, когда молодой его господинъ былъ выбранъ въ гетманы на мѣсто Выговскаго. Съ этимъ извѣстіемъ Юрій Хмѣльницкій послалъ Бруховецкаго на Запорожье въ 1659 году. Къ гетману, который, по примѣру своего предшественника, перешелъ на сторону Польши, Бруховецкій уже не возвращался и, оставаясь на Запорожьи, успѣлъ пріобрѣсть расположеніе низоваго товарищества. Въ Малороссіи въ это время кипѣла междуусобная война и партія московско-демократическая оставалась безъ главы, такъ какъ царь не утвердилъ гетманомъ полковника переяславскаго Самка, который уже два года исполнялъ должность наказнаго гетмана. Причиною этого отказа былъ нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, тоже добивавшійся булавы, который въ доносахъ царю обвинялъ Самка въ измѣнническихъ намѣреніяхъ и склонности къ полякамъ.

(*) Лѣт. Величка Т. 1, стр. 15.

Между тѣмъ Юрій Хмѣльницкій (1662 г.), сдавъ свою власть герѣ, постригся въ монахи. Запорожцы, присягнувшіе Юрію ѣльницкому при его выборѣ, но покинувшіе его послѣ измѣны ъ Чудновымъ, еще не торопились выбирать новаго гетмана, ъ бы ожидая не перейдетъ ли Хмѣльницкій снова на сторону ря. Когда булаву получилъ Тетеря, то запорожцы, которымъ ь былъ ненавистенъ, какъ малодушный трусъ, умѣвшій только юрить рѣчи, писать универсалы, заключать и нарушать догоны, а не поддерживать ихъ силою оружія,— рѣшительно откази ему въ признаніи гетманомъ, и часть ихъ, вольными голои, огласила гетманомъ Бруховецкаго (1). Не теряя времени, уховецкой, съ нѣсколькими сотнями запорожцевъ, прибылъ въ сточную Малороссію и явился къ князю Ромодановскому, возатившемуся изъ похода на Юрія Хмѣльницкаго (2). Брухоцкій пробылъ нѣсколько времени съ княземъ, успѣлъ располоть его къ себѣ и увѣрить въ преданности царю запорожцевъ и лорусскаго народа. У Ромодановскаго Бруховецкій познакомилъ съ епископомъ Меѳодіемъ, тогдашнимъ блюстителемъ митропочьяго престола, привлекъ его къ себѣ подарками и, по удаленіи модановскаго въ Бѣлгородъ, переѣхалъ съ своими запорожцами Гадячъ къ Меѳодію. Изъ Гадяча Бруховецкій цѣлую зиму 662—65 г.) ѣздилъ въ Бѣлгородъ къ Ромодановскому и добился го, что воевода сталъ ходатайствовать за Бруховецкаго у ца (3). Въ тоже время запорожцы начали для вида ласкать Зотаренка; нѣсколько времени льстили ему, увѣряя, будто держатся его партіи и тѣмъ убѣдили еще рѣшительнѣе дѣйствовать ютивъ Самка, а между тѣмъ послали въ Москву письмо, въ которомъ говорили, что хотя Самко и избранъ своею партіею, но родъ не желаетъ этого, зная, что онъ измѣнникъ (4); при омъ они вообще обвиняли реестровыхъ казаковъ въ непостоянвѣ и желаніи снова соединиться съ Польшею и просили московое правительство собрать „чорную раду,“ т. е. такое собраніе, ь которомъ бы учавствовали не одни казаки, а все посполъство; ю простой народъ преданъ царю и, конечно, изберетъ такого тмана, который будетъ сохранять повиновеніе московской власи; агенты же Бруховецкаго, разсѣянные по Малороссіи, волновали ародъ, увѣряя, что если Бруховецкій будетъ гетманомъ, то не удетъ уже различія казаковъ и посполитыхъ, а всѣ сдѣлаются азаками.

Такимъ образомъ чернь, и безъ того враждебно смотрѣвшая

(1) Лѣт. Самовидца стр. 37.
(2) Лѣтоп. Величка. Т. II, стр. 30.
(3) Царю такъ рекомендовалъ Ромадановскій Бруховецкаго: „хоть не ученъ, а уменъ и ужасть какъ воровать исправенъ.“
(4) Въ доказательство измѣны Самка приводили то обстоятельство, что, задѣвъ послѣ битвы подъ Хмѣльникомъ, подлиннымъ гадячскимъ договоромъ, Самко держитъ его у себя, а не отсылаетъ къ царю. (Лѣт. Величка Т. II, стр. 38).

на лейстровиковъ и на ихъ представителя Самка, теперь вооружилась еще болѣе противъ него за то, что, какъ догадывались, онъ думалъ, подчинивъ себѣ Малороссію, соединиться съ Молдавіей, на основаніи гадячскаго договора, дававшаго Малороссіи ненавистное народу аристократическое устройство. Успѣхъ Самка грозилъ народу властью лейстровиковъ (1), или, что еще хуже, пановъ; власть же Бруховецкаго обѣщала установленіе вольности и равенства правъ. Запорожцамъ Бруховецкій обѣщалъ раздать въ Малороссіи уряды и поставить ихъ въ главѣ управленія. По всему можно было видѣть, что перевѣсъ будетъ на сторонѣ Бруховецкаго, хотя Золотаренко и помирился съ Самкомъ и лейстровики, раздѣленные на двѣ партіи, соединились.

Весною 1663 года, прибылъ въ Малороссію посланный царемъ князь Великочагинъ, для присутствованія на радѣ. Бруховецкій успѣлъ склонить его на свою сторону, и 17 іюня, подъ Нѣжиномъ собралась рада. Едва князь Великочагинъ началъ читать царскій титулъ, которымъ начинался указъ, толпы приверженцевъ Самка огласили его гетманомъ, въ тоже время запорожцы и чернь провозгласили Бруховецкаго и кинулись на соперниковъ. Произошла драка, разнятая московскими войсками. Видя это и замѣчая, что Великочагинъ держится стороны Бруховецкаго, лейстровики перешли на его сторону и Бруховецкій оглашенъ гетманомъ.

Слѣдствіемъ этого выбора были: разграбленіе чернью имущества старшинъ и казнь полковниковъ: Самка, Золотаренка, Силича, Шуровскаго и Шамрицкаго (2), обвиненныхъ не извѣстно въ какихъ преступленіяхъ. Мѣста ихъ получили запорожцы, такъ напр., полтавскимъ полковникомъ сталъ Витязенко, кіевскимъ Василій Дворецкій, переяславскимъ Дашко, черниговскимъ, хотя и служившій въ реестровыхъ казакахъ, при Хмѣльницкомъ, но вышедшій изъ черни, Романъ Многогрѣшный. Гвардіею Бруховецкаго начальствовалъ искренно ему преданный запорожецъ Иванъ Чугуй. Еще запорожцы не успѣли воспользоваться плодами своей побѣды, какъ король вступилъ съ польско-казацкою арміею въ восточную Малороссію и сталъ у Остра на зимнія квартиры.

Съ наступленіемъ весны король продолжалъ походъ во внутрь Малороссіи; большая часть городовъ сдавалась безъ бою и реестровые казаки, въ отмщеніе Бруховецкому, переходили на сторону короля, съ которымъ были гетманъ Тетеря и полковники Богунъ и Гуляницкій,— оба старые сподвижники Хмѣльницкаго; но народъ держался московской стороны, такъ что не давалъ полякамъ провіанта, и польская армія страшно страдала отъ недостатка продовольствія.

Тѣмъ не менѣе Бруховецкій находился въ крайне затруднительномъ положеніи. Русскіе воеводы: князья Куракинъ и Чер-

(1) Лѣт. Самов. стр. 39 и 40.

(2) 1-й Былъ полковникомъ переяславскимъ; 2-й нѣжинскимъ; 3-й черниговскимъ; 4-й наказнымъ переяславскимъ и 5-й лубенскимъ

скій, будучи боярами, не хотѣли идти на помощь къ князю Ромодановскому, который былъ только окольничимъ и стояли въ бездѣйствіи. Между тѣмъ король прошелъ всю Малороссію, почти безъ битвы, и осадилъ Глуховъ, гдѣ заперся генеральный судья Животовскій.

Съ трудомъ собравъ до 30 тысячъ войска, Бруховецкій рѣшился не дожидаться московской помощи и пошелъ на короля, у котораго было до 100 тысячъ войска поляковъ и казаковъ, не считая татаръ. Съ утра до ночи продолжалась битва подъ стѣнами Глухова (*). Два раза поляки отражали казаковъ Бруховецкаго, который видѣлъ, что только одна побѣда можетъ утвердить власть его. Въ личной храбрости у Бруховецкаго недостатка не было,— въ минуты опасности онъ являлся героемъ. Онъ повелъ въ третій разъ свое войско и, не смотря на страшную пальбу изъ польскаго лагеря, пользуясь наступившею ночью, опрокинулъ поляковъ, овладѣлъ ихъ обозомъ и заставилъ короля отступить отъ Глухова.

Глуховская побѣда была одна изъ тѣхъ знаменательныхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбу народа; ею восточная Малороссія навсегда избавилась отъ поляковъ. Недаромъ малороссійскій историкъ Величко ставитъ подвигъ Бруховецкаго выше побѣдъ Хмѣльницкаго. По слѣдамъ короля, пошелъ князь Ромодановскій и сталъ отбирать городъ за городомъ. Король удалился въ Бѣлоруссію, а Чарнецкій въ западную Малороссію. Теперь то для Бруховецкаго настало время удовлетворить свою мстительность, кровожадность и корыстолюбіе. Видя во всѣхъ „значныхъ" приверженцевъ Польши и своихъ враговъ, гордый своею побѣдою, Бруховецкій началъ жечь города, покорившіеся королю, грабить и казнить. Онъ довелъ до того свое неистовство, что сжегъ публично въ Гадячѣ живою полковницу Острую. Никто изъ реестровыхъ не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности. Прежній слуга или *наймитъ* могъ явиться къ своему господину и дѣлать съ нимъ, что угодно (**). Высшее казачье сословіе пылало местью къ Бруховецкому, который, потому, и давалъ свободу черни. Но и чернь не была уже къ нему расположена по прежнему; причиною тому были: съ одной стороны запорожцы, которые, безчинствуя въ Малороссіи, обижали не только реестровыхъ, но и посполитство; съ другой стороны московскіе войска сурово мстили за измѣну царю, такъ что даже Ромодановскій не былъ въ состояніи (***) удержать месть ихъ въ Лохвицѣ.

Насытясь кровью своихъ враговъ, Бруховецкій, въ томъ же 1664 году, прошелъ за Днѣпръ, съ намѣреніемъ овладѣть Чигириномъ, что ему однако это не удалось. По дорогѣ онъ сжегъ Черкасы, гдѣ полковникомъ былъ Петръ Дорошенко, впослѣдствіи ма-

(*) Лѣт. Величка, Т. II, стран. 83.
(**) Лѣт. Самовидца, стран.
(***) Лѣт. Величка, стр. 85, Т. II.

лороссійскій гетманъ, и сталъ на зимнія квартиры въ Каневѣ: здѣсь его осаждала многочисленная армія польско-татарская, подъ главнымъ начальствомъ знаменитаго Чарнецкаго, но Бруховецкій и тутъ доказалъ свое мужество,— отбилъ всѣ приступы и заставилъ, съ большимъ урономъ и безславіемъ, отступить непріятеля.

Весною 1665 года, онъ выступилъ въ походъ къ Бѣлой Церкви и призвалъ на помощь калмыковъ (1), но не достигъ своей цѣли, потому что козаки, ненавидѣвшіе его, взбунтовались; нѣкоторые разошлись по домамъ, другіе-же выбрали гетманомъ какого-то Рецика и бросились грабить Волынь и Полѣсье (2).

Такимъ образомъ, Бруховецкій лишился надежды на подчиненіе себѣ западной Малороссіи и убѣдился, что никакими мѣрами нельзя принудить къ повиновенію раздраженныхъ реестровыхъ козаковъ. Ежеминутно опасаясь за свою жизнь, онъ долженъ былъ искать большаго обезпеченія, чѣмъ самовольные запорожцы, считавшіе его своимъ твореніемъ, и поспольство, постоянно оскорбляемое запорожцами. Въ столь критическихъ обстоятельствахъ для Бруховецкаго оставалось одно: ѣхать въ Москву къ царю и *„ударить челомъ великому государю всѣми городами малороссійскими* (3)“, т. е. вмѣсто прежней протекціи и союзничества Московскаго государства, признать полное подданство Малороссіи царю великорусскому. Съ этою цѣлью, въ половинѣ августа 1665 года, гетманъ собралъ въ Глуховѣ полковниковъ и генеральную старшину и, передавъ управленіе страною переяславскому полковнику Дашку, бывшему запорожцу, поѣхалъ въ Москву съ преданными себѣ старшинами. Великолѣпныя встрѣчи и пріемы дѣлались по дорогѣ гетману. Всюду его встрѣчали, какъ владѣтельнаго князя; это щекотало грубое самолюбіе запорожца.

Въ Москвѣ Бруховецкаго встрѣтилъ съ почетомъ ясельничій царскій Иванъ Желябужскій и думный дьякъ Богдановъ. Гетману предложили боярское достоинство, которое гетманъ принялъ съ восторгомъ (4). Гетмана женили на царской родственницѣ (5), не женатыхъ старшинъ также переженили, угощенія продолжались до 22 октября, и въ этотъ день были подписаны *слѣдующія статьи:*

1) Малороссія поступаетъ въ совершенное подданство царя; для сохраненія въ ней должнаго порядка, въ царскую казну будутъ взыскаемы подати (кромѣ казаковъ).

2) Казаковъ судить можетъ только гетманъ и старшины; русскимъ начальникамъ въ казацкія дѣла не вмѣшиваться.

---

(1) Лѣт. Самов. стр. 46 и 47.
(2) Лѣт. Величка, стр. 89, Т. II.
(3) Истор. Мал. Россіи Т. II, стр. 79 и 82.
(4) Лѣт. Велич. стр. 96, Т. II.
(5) Эта несчастная, называемая Дарьею, была дочь боярина Ѳеодора Петр. Шереметьева, или окольничаго Димитр. Алексѣев. *Долгорукова.* (Ист. Мал. Россіи, Т. II, стран. 62).

3) Въ случаѣ смерти гетмана, клейноды отвозятся къ боярамъ въ Кіевъ и новоизбранный гетманъ долженъ ѣхать въ Москву за утвержденіемъ.

4) Въ Кіевѣ быть митрополиту изъ Москвы.

5) Царскимъ воеводамъ и ратнымъ людямъ прибыть въ Малороссію и размѣститься въ городахъ: Кіевѣ, Переяславѣ, Каневѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Новгородѣ-сѣверскомъ, Полтавѣ, Кременчугѣ, Острѣ и Мотиловкѣ. Тысяча должна быть послана на Запорожье ратныхъ московскихъ людей.

6) Лохвицѣ и Ромнамъ состоять при гетманской арматѣ.

7) Ратнымъ людямъ запрещается давать украинцамъ фальшивую монету.

8) Запрещается называть казаковъ измѣнниками.

6) Гетманъ лишается права сноситься съ чужеземными послами.

10) На право магдебурское послѣдуетъ отъ царя подтвержденіе.

Подписавъ эти статьи, Бруховецкій поѣхалъ въ обратный путь. Съ нимъ прибыли въ Малороссію московскіе начальники, съ двѣнадцатью тысячами ратныхъ людей и размѣстились по городамъ. Весною 1666 года прибыли въ Малороссію переписчики; они переписали городскихъ и сельскихъ жителей, съ означеніемъ, чѣмъ кто занимается и наложили подать на хлѣбопашцевъ и ремесленниковъ; по городамъ были поставлены цѣловальники, которые брали извѣстные проценты со всѣхъ торговъ; подлинная перепись жителей была отослана въ Москву, копія же съ нея хранилась у воеводъ (1).

Еще до отѣзда въ Москву Бруховецкаго, какъ выше было сказано, уѣхалъ въ Польшу, заграбивъ войсковыя сокровища, западный гетманъ Тетеря. Реестровые казаки западной Малороссіи не хотѣли и слышать о Бруховецкомъ и, собравшись въ Чигиринѣ, 1-го октября 1665 года, избрали наказнымъ гетманомъ Петра Дорошенка и вручили ему всѣ дѣла и бумаги гетманскія; окончательное-же введеніе въ должность гетмана отложили до рождественскихъ святокъ (2).

Посполитые, услышавъ о томъ, что Бруховецкій поѣхалъ въ Москву и опасаясь вредныхъ для себя послѣдствій этой поѣздки, собрались и огласили гетманомъ медведовскаго уроженца — Опару (3). Опара успѣлъ овладѣть нѣсколькими городами, сталъ сноситься съ запорожцами и поспольствомъ лѣваго берега Днѣпра и намѣревался, прогнавъ стоявшую подъ Чорнымъ Лѣсомъ Орду, которая пришла на помощь Польшѣ, овладѣть Бѣлою Церковью и другими замками и, очистивъ страну отъ поляковъ, утвердить въ ней господство поспольства (3). Городовые казаки и Дорошенко приняли мѣры къ укрощенію народнаго возстанія и вошли въ сноше-

(1) Лѣт. Самов. стр. 48.
(2) Лѣт. Велнчка, Т. II, стр. 89.
(3) Лѣт. Грабянки, стр. 189.

нія съ крымскимъ султаномъ (1), который пригласилъ къ себѣ Опару, какъ бы для совѣта (2). Тотъ повѣрилъ и пріѣхалъ; султанъ арестовалъ его и, въ декабрѣ 1665 года, отправилъ въ Варшаву, гдѣ его разстрѣляли (3). Оставшееся безъ начальства, посполъство должно было покориться Дорошенку и татарамъ; только Брацлавъ защищался нѣсколько времени подъ начальствомъ Дрозда, но наконецъ принужденъ былъ сдаться. Дроздъ отвезенъ въ Чигиринъ, гдѣ также разстрѣлянъ (4). Усмиривъ посполъство, Дорошенко собралъ въ Чигиринѣ раду, 7 января 1866 года, успѣлъ расположить къ себѣ старшинъ и былъ единогласно выбранъ въ гетманы (5).

Петръ Дороѳеевичъ Дорошенко происходилъ изъ богатого семейства городовыхъ козаковъ; дѣдъ его Михайло былъ гетманомъ; отецъ Дорошъ или Дороѳей— полковникомъ. Родился Петръ Дорошенко въ 1628 году (6) у Богдана Хмѣльницкаго, успѣлъ пріобрѣсть его расположеніе и, вмѣстѣ съ Тимошемъ Хмѣльницкимъ, Насачемъ и Пушкаремъ, былъ посланъ въ первый походъ въ Молдавіи, въ званіи арматнаго писаря. По смерти Богдана Хмѣльницкаго, Дорошенко, вмѣстѣ съ Выговскимъ, подписалъ гадячскій договоръ. Въ сраженіи подъ Хмѣльникомъ измѣнилъ Выговскому и, со всѣми реестровыми казаками, перешелъ на сторону Самка (въ 1659 г.). Дорошенко учавствовалъ въ избраніи Юрія Хмѣльницкаго и былъ посыланъ имъ для заключенія договора съ княземъ Трубецкимъ, въ Переяславъ (7). Въ слѣдующемъ 1660 году Дорошенко, вмѣстѣ съ Юріемъ Хмѣльницкимъ, вторично перешелъ на польскую сторону и (съ Кравченкомъ и Михайломъ Ханенкомъ) заключилъ условія соединенія съ Польшею, названныя по мѣсту заключенія ихъ чудновскими (8).

Что дѣлалъ Дорошенко до 1665 года не извѣстно, а въ этомъ году онъ является черкасскимъ полковникомъ, генеральнымъ *асауломъ* и наказнымъ гетманомъ (9). Въ томъ же году онъ, какъ мы выше видѣли, *усмирилъ возстаніе посполъства* и, въ началѣ 1656 г., былъ избранъ въ дѣйствительные гетманы.

По своему происхожденію, Дорошенко принадлежалъ къ аристократическому семейству городовыхъ казаковъ и получилъ для

---

(1) Latopisiec S. Jerlicza, T. II, стр. 106—107.

(2) У крымцевъ султаномъ назывался главно-командующій.

(3) Krótkie zebranie lat, od roku 1560—4667. (Рукопись, хранящаяся въ Императ. публ. Библіотекѣ).

(4) Latop. S. Jerlicza, T. II, стр. 107. Krótkie zebranie lat, предпослѣдняя страница. Лѣт. Грабянки, стр. 189.

(5) Лѣт. Самовидца, стр. 47.

(6) Лѣт. Велич. Т. II, стр. 94 и 95.

(7) Лѣт. Велич. Т. I, стр. 15.

(8) Чудновскія условія не были никѣмъ утверждены и не имѣли никакого значенія.

(9) Лѣт. Велич. Т. II, стр. 29.

воего времени блестящее образованіе (1). Въ самой ранней молоости, находясь при дворѣ Хмѣльницкаго, онъ узналъ политичекія отношенія страны, потому и былъ столько разъ уполномочиаемъ для заключенія договоровъ. Политическія убѣжденія Доошенка состояли въ желаніи дать автономію южной Россіи, соеинить обѣ ея части въ одно цѣлое, подъ чьей бы то ни было ротекціей, а если можно, дать ей и независимое положеніе. Поѣднее было задушевнымъ желаніемъ чигринскаго гетмана, и къ гой цѣли онъ стремился въ продолженіе своего десятилѣтняго етманства. Въ главѣ управленія Дорошенко думалъ, подобно амку и партіи реестровыхъ, поставить городовое казацкое сослое, подчинивъ ему и посполъство, избавленное отъ пановъ и казацкой юрисдикціи.

Что касается до характера Дорошенка, то онъ былъ типомъ краинца того времени, когда гражданскія войны деморализироали общество и іезуитское правило, что цѣль оправдываетъ средгва, сдѣлалось всеобщимъ. Дорошенко получилъ воспитаніе въ колѣ Хмѣльницкаго, гдѣ подвиги самоотверженія, безпредѣльой любви къ родинѣ и свободѣ смѣнялись рядомъ предательствъ, рдости и униженія, сообразно обстоятельствамъ. Въ изысканіи редствъ, въ равнодушіи къ пролитію крови, въ нарушеніи клятвъ обязательствъ, въ презрѣніи къ человѣческой личности, Дороенко равнялся Бруховецкому, но далеко превосходилъ его умомъ, редпріимчивостью, умѣньемъ извернуться въ самыхъ трудныхъ бстоятельствахъ, твердостью воли, послѣдовательностью въ поступкахъ, политическимъ тактомъ и пониманіемъ интересовъ края. ромѣ того, въ то время, какъ Бруховецкій, жертвуя интересаи страны, думалъ только объ удовлетвореніи своего узкаго эгоизма, кровожадности и корыстолюбія, Дорошенко, властолюбивый е менѣе его, отказывался отъ всѣхъ лично предлагаемыхъ ему ыгодъ, если онѣ были невыгодны для Малороссіи. Честолюбіе го не ограничивалось желаніемъ быть правителемъ страны,— онъ отѣлъ быть ея властелиномъ. Если прибавить къ этому красноѣчіе Дорошенка, образованіе его и величественную наружность, мѣвшую громадное значеніе при народномъ вѣчевомъ правленіи, о легко понять, что при борьбѣ, которая должна была возниуть между двумя соперниками, всѣ шансы успѣха были на стоонѣ Дорошенка.

При самомъ своемъ избраніи, Дорошенко обнаружилъ—какимъ ринципомъ онъ намѣренъ руководствоваться. Присягая войску, нъ нарочно пропустилъ тотъ пунктъ, гдѣ упоминалось о повиноеніи королю польскому, или царю московскому (смотря потому

(*) Дорошенко одинаково хорошо зналъ языки: латинскій, польскій и тогашній русскій, былъ свѣдущъ въ исторіи и обладалъ краснорѣчіемъ. Письма го къ Собѣскому и на Запорожье показываютъ, что онъ владѣлъ перомъ въ соершенствѣ. Польскіе письма Дорошенка помѣщены въ Ojczyste Spominki, А. рабовскаго; русскія въ Лѣт Величка.

чьей стороны держались казаки). Войско также присягнуло новоизбранному гетману, не упоминая о чьей либо протекціи (1). Присяга подобнаго рода была первымъ примѣромъ въ исторіи казачества. Этимъ поступкомъ Дорошенко показалъ явно, что намѣренъ стремиться къ независимости родины; этимъ онъ привлекъ на свою сторону только что побѣжденное имъ поспольство, которое не хотѣло и слышать о польской власти, сопряженной съ возобновленіемъ панства.

Не теряя времени, Дорошенко послалъ письма въ Крымъ и на Запорожье (2) и разослалъ универсалы въ восточную Малороссію, гдѣ, въ ожиданіи возращенія Бруховецкаго, управлялъ, въ качествѣ наказнаго гетмана, переяславскій полковникъ Дашко, бывшій запорожецъ. Крымскій ханъ, получивъ письмо Дорошенка и понявъ цѣль его, съ удовольствіемъ согласился на его просьбу о присылкѣ помощи и обѣщалъ также помогать ему, какъ помогалъ прежній ханъ Богдану Хмѣльницкому. Запорожцы-же, твердо державшіеся московской стороны, отвѣчали приглашеніемъ не принимать польской протекціи и подчиниться царю.

Въ универсалахъ, разосланныхъ на восточный берегъ Днѣпра, Дорошенко приглашалъ народъ возстать поголовно противъ Бруховецкаго и соединить разрозненную обстоятельствами Малороссію въ одно цѣлое.

Въ генварѣ 1666 года, въ то время, какъ только начали распространяться прокламаціи Дорошенка, возвратился въ Малороссію Бруховецкій. «*Возмутился душею и ужаснулся сердцемъ*» онъ (3),— пишетъ лѣтописецъ,— когда узналъ, что избрали Дорошенка. Онъ зналъ его еще въ домѣ стараго Хмѣльницкаго и понялъ, съ какимъ соперникомъ имѣетъ дѣло. На помощь реестровыхъ казаковъ Бруховецкій надѣяться не могъ; поспольство его ненавидѣло; плоха была надежда и на ратныхъ людей московскихъ: ихъ было всего 12 тысячъ, разсѣянныхъ на всей Малороссіи. Народная перепись и налоги, которыми обременилъ народъ Бруховецкій, возмутили прежде всего жителей днѣпровскаго побережья; переяславцы возстали, убили Дашка и другихъ запорожцевъ, заставили московскаго воеводу запереться въ переяславскомъ замкѣ и призвали на помощь Дорошенка. Противъ возмутившихся былъ отправленъ московскій отрядъ подъ начальствомъ Щербатова, который заставилъ ихъ отступить къ Золотоношѣ, гдѣ они и заперлись (4). Дорошенко пошелъ на помощь къ Золотоношѣ и, при помощи татаръ, овладѣлъ всею страною по Нѣжинъ и Прилуки, но былъ принужденъ отступить за Днѣпръ, куда призывали его дѣла западной Малороссій.

---

(1) Лѣт. Величка, Т. II, стр. 99.
(2) Лѣт. Величка, Т. II, стр. 97—100.
(3) Лѣт. Величка, Т. II, стр. 96.
(4) Черниговская Лѣтоп. стр. 32. Лѣт. Самов. стр. 48.

Не смотря на письмо, полученное отъ короля (1), которымъ подтверждалъ казакамъ гадячскій договоръ и обѣщалъ удоворить желанія всѣхъ, лишь бы они присягнули ему на вѣрь, Дорошенко, не выражая явно своихъ враждебныхъ намѣй, отговаривался отъ присяги подъ разными предлогами. Певоры продолжались до осени 1666 года, наконецъ поляки поли терпѣніе и региментаръ Себастіанъ Маховскій вступилъ съ ьскими войсками, на зимнія квартиры, въ брацлавскій полкъ (2). жнеры начали грабить посполитство, которое имъ сопротивля-ь, разорили Иванъ-городъ и перебили множество жителей (3). авъ о такомъ поступкѣ поляковъ, — явно нарушающихъ гадячй договоръ, по которому польскія войска, входящія въ Малорос-э, должны были поступать подъ команду казацкаго гетмана, Дошенко, вмѣстѣ съ султаномъ Нурадиномъ, пошелъ къ Кальни-. Маховскій отступилъ и окопался у села Печоръ, близъ Неервара.

Дорошенко остался въ Кальникѣ и послалъ противъ Маховаго уманскаго полковника Бѣлогруда и татаръ. Бѣлогрудъ разлъ Маховскаго у Печоръ. Оставя свой обозъ въ рукахъ казавъ, регментарь бѣжалъ къ Бару и Меджибожу (4). Казаки тары гнались по его слѣдамъ и осадили его въ Брацлавѣ. Ор окружила городъ, а Бѣлогрудъ пошелъ на приступъ, безъ труъ овладѣлъ городомъ и перебилъ множество поляковъ, не давая икому пощады. Это была справедливая месть за жестокости, коэрыя дѣлалъ Маховскій во время своихъ походовъ. Съ тремя эругьями вырвался онъ изъ Брацлава, но попалъ въ руки таръ, которые взяли его въ плѣнъ, съ остаткомъ уцѣлѣвшаго эйска. Золотоношскою и брацлавскою побѣдами, Дорошенко рославилъ свое имя и получилъ популярность на обоихъ берехъ Днѣпра, даже между посполитствомъ, въ интересахъ котоаго были даны обѣ битвы. Повсюду разослалъ онъ универсалы, приглашая къ поголовному вооруженію. Универсалы ги произвели тѣмъ болѣе впечатлѣнія, что уже носился слухъ въ ародѣ объ андрусовскомъ договорѣ.

Въ западной Малороссіи началось избіеніе жидовъ, католиковъ уніатовъ. Въ восточной Бруховецкій едва держался, при помощи ившихъ въ Малороссіи сѣчовиковъ и московскихъ ратныхъ людей. орошенко увлекъ своими успѣхами и Запорожье, оскорбленное рисылкою въ Сѣчь, согласно 5 статьи московскаго договора, 1000 осковскихъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ Косогова. Запоожцы начали дѣлать ему всякія пакости и оскорбленія. Имѣя ри себѣ только тысячу человѣкъ, Косоговъ долженъ былъ вы-

(1) Лѣт. Велич. Т. II, стр. 100.
(2) Лѣт Велич Т. II, стр. 48
(3) Лѣт. Самовидца, стр. 48.
(4) Лѣт. Величка, Т II, стр. 135 и Latop. Sezliesza, T. II, стр. 112.

ступить изъ Сѣчи. Такимъ поступкомъ запорожцевъ (1), до сихъ поръ вѣрнѣе всѣхъ украинцевъ державшихъ сторону царя, начались враждебныя отношенія между ними и московскимъ дворомъ, и партія Дорошенка на Запорожьи, доселѣ весьма слабая, усилилась.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда вся Малороссія была готова возстать по мановенію Дорошенка, былъ заключенъ андрусовскій договоръ.

(1) Лѣт. Самовидца, стр 48 и 49.

(Продолженіе впредь).

III.

НОВЫЙ МОНУМЕНТЪ НАСТОЯЩАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Законодательство русское обогатилось новымъ документомъ, имѣющимъ историческое значеніе; западная Россія получила новую поддержку въ борьбѣ съ латинопольскимъ нашествіемъ; церковь православная сдѣлалась безопаснѣе отъ посягательствъ на ея цѣлость и спокойствіе, отъ вторженія въ ея ограду „прелазящихъ отынуды“ пастырей— „татей„; настоящее царствованіе воздвигло себѣ новый монументъ— „крѣпче стали и гранита.“ Мы не имѣемъ теперь причинъ завидовать тѣмъ законодательствамъ, которыя выработаны такъ называемымъ представительствомъ западныхъ народовъ, и которыми такъ шумно и порою такъ напрасно восторгаются ихъ производители. Пресловутое большинство не всегда есть безусловная гарантія истины,— вѣрное средство къ защитѣ законодательства отъ недоразумѣній, пробѣловъ и промаховъ. Въ большой массѣ людей также можно предполагать много здравыхъ убѣжденій, честныхъ намѣреній, какъ и заблужденій, пристрастій, личностей, увлеченій,— и едва ли не больше послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Какъ часто на трибунахъ представительства одерживала побѣду не истина, а сила, талантъ и ловкость знаменитыхъ декламаторовъ, интрига, страсти, стачка партій, упорство! Какъ часто твердая рука людей, держащихъ кормило правленія, спасала отъ крушенія и націи, и ея представителей, тогда какъ большинство, начиная отъ Пилата до Робеспьера, неразъ пятнало исторію страницами кроваваго содержанія и образцоваго безразсудства! Какъ часто разумъ и опытность главы семейства спасали отъ ошибокъ и несчастій заблуждавшихся его домочадцевъ! Но у главы націи настолько же больше шансовъ безошибочности убѣжденій, мѣропріятій,

насколько его разумъ и воля, его особичное положеніе и независимость выше всѣхъ пристрастій, личныхъ интересовъ, матеріальныхъ выгодъ,— насколько у него больше компетентныхъ судей и благонамѣренныхъ исполнителей, чѣмъ у главы семейства. А мы православные должны еще, кромѣ того, помнить, что „Богомъ царіе царствуютъ“, что ихъ умъ и воля, въ важныхъ случаяхъ и моментахъ народной жизни, направляются, вдохновляются, просвѣщаются, руководятся Царемъ царствующихъ, не оставляющимъ безъ Своей помощи и всякаго съ вѣрою просящаго ее, а тѣмъ болѣе своихъ избранниковъ, попеченію которыхъ ввѣрены Имъ судьбы мильоновъ разумныхъ существъ.

Мы даже не намѣрены извиняться предъ нашими читателями въ допущеніи того мнимаго отступленія отъ темы настоящаго размышленія, въ какое вовлекла насъ предыдущая прелюдія. Эта прелюдія была самымъ естественнымъ произведеніемъ нашего сознанія при одной мысли о томъ, вдохновенномъ Богомъ, Высочайшемъ указѣ, съ которымъ можетъ идти въ паралель развѣ указъ 19 февраля 1861 года, и которымъ однажды *навсегда* прекращается прямое вліяніе на дѣла латинствующихъ подданныхъ русскихъ власти не только чужой, но и враждебной Россіи и православію,— власти римскаго первосвященника. Едва ли нужно и договаривать, что мы разумѣемъ въ настоящемъ случаѣ незабвенный указъ 22 ноября 1866 года— о „прекращеніи сношеній русскаго правительства съ римскимъ дворомъ и объ управленіи дѣлами *римскаго* исповѣданія установленными для того властями и управленіями“ (русскими).

Въ послѣдніе три года предприняты коренныя мѣры къ защитѣ Россіи отъ ближайшихъ, можно сказать, домашнихъ, и потому самихъ упорныхъ, опасныхъ и непримиримыхъ враговъ нашихъ,— предприняты мѣры къ пріобрѣтенію у нихъ *нашей собственной* территоріи,— къ обрусѣнію того, что отъ временъ до-историческихъ было русскимъ. Такія мѣры, хоть не скоро, могутъ повести къ побѣдамъ внѣшнимъ, къ возврату того, что намъ принадлежало, къ сокращенію средствъ матеріальныхъ, обыкновенно собираемыхъ и ассигнуемыхъ нашими злыми сосѣдями на нашу погибель. Пріобрѣтеніе значительное; безъ почвы ничего не посѣешь. Но тотъ, кто полагаетъ въ этомъ пріобрѣтеніи всю суть обрусѣнія и прочнаго умиротворенія западной-Россіи, ошибается весьма горько. Если Кутузовъ сказалъ когда то На-

полеону: „Россія не въ Москвѣ“, то тѣмъ резоннѣе можемъ сказать мы: западная Россія еще не сдѣлается окончательно и всецѣло русскою, если мы *пріобрѣтемъ* какую нибудь 1/10 земли, *захваченной* у насъ поляками; все еще 9/10 этой земли останутся подъ цитаделями людей, поминутно выжидающихъ оплошности и усыпленія враговъ, или тумана политическаго, и мечтающихъ о вылазкѣ. Тѣ, которые думаютъ иначе стоятъ на прямой дорогѣ къ этой гибельной оплошности, этому нравственному усыпленію; они не знаютъ исторіи, не знаютъ психологіи; они крѣпки только „заднимъ умомъ“,— ихъ логикой управляютъ самыя жалкія изъ русскихъ пословицъ: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, лежачаго не бьютъ.“ А если старое есть главное руководящее начало для настоящаго,— лучшій урокъ для будущаго, если лежачій наводитъ на насъ дуло своего револьвера??..

Чтожъ намъ дѣлать? Не сражаясь *физически* съ тѣми, которые кричатъ: „до нугъ падамъ“, *считаются* мирными, мы, тѣмъ не менѣе, не должны забывать чувства самосохраненія и даже должны заботиться о *нравственномъ* разоруженіи непріятеля: объ укрощеніи его задора, объ упадкѣ воинственности его духа, о сокращеніи его иллюзій и надеждъ, объ устройствѣ своего рода шлабгаумовъ, для пресѣченія нравственной контрабанды, извѣстной подъ именемъ внѣшнихъ вліяній и подстрекательствъ. Къ послѣднимъ мы относимъ по преимуществу вліяніе латинствующаго запада, а особенно ватиканскаго повелителя— на задоръ и періодическія возмущенія поляковъ противъ православной Россіи. Если латинствующій западъ могъ втянуть въ свою противъ Россіи коалицію разумную и осторожную Англію, не побрезгалъ союзомъ съ мусульманами, направленнымъ къ униженію Россіи, къ угнетенію православія въ лицѣ православнаго востока; то что удивительнаго, если онъ ободряетъ надежды поляковъ, подстрекаетъ ихъ къ перемежающимся бунтамъ противъ лучшаго изъ правительствъ— нравственной и матеріальною поддержкой. Какъ ни бѣдна была политическимъ тактомъ и добрымъ смысломъ Польша въ эпоху даже своей самобытности, какъ ни понизился уровень и этого смысла въ современныхъ намъ мечтателяхъ воскресенія такъ давно скончавшейся *ойчизны*,— мы все-же не можемъ предположить въ нихъ такой степени галлюцинаціи, чтобъ они не видѣли полнѣйшей своей несостоятельности *въ борьбѣ съ Россіей*, въ пораженіи утлымъ копьемъ громадной, каменной „мельницы.“

Откудажъ у нихъ почерпается отвага, задоръ на битву не по силамъ? Очевидно во враждебномъ Россіи лагерѣ, въ понуканьяхъ единовѣрныхъ поляку западниковъ. Но откуда, съ другой стороны, у этихъ западниковъ столько ненависти къ доброй, незлопамятозлобной, дружелюбной Россіи? Россія никогда недѣлала нашествія на западъ, никому изъ сосѣдей не причинила кровавой обиды, никогда не занималась пропагандой, честнѣе всѣхъ въ мірѣ націй исполняла святость трактатовъ, больше всѣхъ дорожила правдой и миролюбіемъ международныхъ отношеній,— а между тѣмъ, въ теченіи слишкомъ четырехъ вѣковъ, она то—и дѣло—отбивается отъ набѣговъ и самыхъ дикихъ притязаній Запада. Чтожъ это значитъ, гдѣ искать истолкованія такихъ ненормальныхъ явленій? Въ папствѣ, въ одномъ папствѣ!

Послѣ того какъ римскій дворъ, по выраженію князя Горчакова, „вызвалъ насъ (извѣстнымъ своимъ „Сборникомъ") на поприще состязанія и даже поставилъ насъ въ обязанность подражать ему",— мы можемъ отказаться однажды навсегда отъ излишней въ отношеніи къ нему „скромности" и стать въ открытую оппозицію. Во имя этой „обязанности", мы говоримъ откровенно, что папство есть болѣе секта политическая, чѣмъ религія христіанская,— чѣмъ смиренномудрое, миролюбивое, любвеобильное, консервативное ученіе Христово. На эту тему само папство представляетъ такъ много доказательствъ, и апріорныхъ и апостеріорныхъ, что мы затрудимся не только резюмированіемъ, но даже названіемъ ихъ по имени. Ограничимся кое-чѣмъ покрупнѣе и существеннѣе. Папство есть секта, признающая видимаго, непогрѣшимаго главу вселенской церкви Христовой, въ лицѣ римскаго превосвященника или папы, забывшаго, вѣроятно, или незнающаго, что самое имя его— не римское. Какъ глава, какъ судія всѣхъ христіанъ (по ученію папистовъ),— ктобъ они ни были,— онъ есть свѣтскій государь не только въ своей области, но и государь надъ христіанскими государями, повелитель христіанскихъ народовъ. Это главнѣйшій и существеннѣйшій догматъ папства; различія папства отъ другихъ вѣроученій христіанскихъ— каноническія и обрядовыя— сочинены позже, съ очевидною цѣлью— прикрыть честолюбивыя и властолюбивыя посягательства какою-нибудь ризою религіозною. Что мы стоимъ въ настоящемъ случаѣ на почвѣ неодолимой истины, это видно изъ того, что папство всегда и вездѣ дѣлало всевозможныя уступки въ пользу религіозныхъ убѣж-

деній, даже суевѣрій своихъ прозелитовъ, лишь бы только они признали главенство, свѣтскую власть папы, свою „подчиненность“ римскому первосвященнику. Папы готовы на всяческую унію со всякимъ, кто только исповѣдуетъ ихъ „власть отъ міра сего.“ Это доказали разныя уніи, какія только сочиняла, ad Dei gloriam, Propaganda Fidei съ православіемъ, аріанствомъ, мусульманствомъ, даже язычествомъ.

Если такъ, то, по ученію папы, всякій христіанинъ, исповѣдующій римскую вѣру, имѣетъ двухъ государей: одного въ Римѣ, другаго въ той націи, къ которой онъ принадлежитъ. Но такъ какъ послѣдній, потому же ученію, въ свою очередь, есть личность подвластная, въ самыхъ важныхъ отправленіяхъ жизни, ватиканскому повелителю, то является тотъ дуализмъ, то столкновеніе властей, законоположеній, мѣропріятій, тѣ государства въ государствахъ, которыя, со времени отпаденія церкви римской отъ церкви вселеенской— православной, произвели столько смутъ, нестроеній, междоусобій, столкновеній власти духовной съ гражданскою, народовъ съ ихъ повелителями, царствъ съ царствами,— покрыли міръ столькими руинами, обагрили землю такими обильными потоками человѣческой крови, принесенной въ жертву Ватикану. Вчитайтесь, вдумайтесь въ исторію послѣдняго тысячелѣтія, и вы убѣдитесь осязательно, что едва ли не въ ²/з кровопролитій папство принимало явное или тайное, прямое или стороннее участіе, что оно не брезгало никакими средствами для униженія сана, для ослабленія власти законныхъ государей и для поднятія своего авторитета, что оно не разъ разрѣшало народы отъ присяги своимъ повелителямъ, предавало проклятію царей и царства, а когда внѣшняя сила была на его сторонѣ, изумляло весь міръ громадностью своего честолюбія и превознесенія, варварствомъ насилій и пытокъ, чудовищною нетерпимостью свободы совѣсти, глумленіемъ надъ униженными врагами— государями, цинизмомъ своей нравственности, непомѣрною роскошью и невѣроятнымъ корыстолюбіемъ. Вглядитесь пристальнѣй и въ явленія новѣйшей жизни, и вы замѣтите какъ мутитъ дѣлами и совѣстями клерикальная партія даже въ средѣ націй, имѣющихъ несчастіе исповѣдывать папскую доктрину. Говоримъ— мутитъ, потому что пора физической силы и внѣшнихъ насилій папства, благодаря Провидѣніе, миновалась невозвратно; въ рукахъ его осталось только одно орудіе— интрига,— орудіе, прав-

да, меткое, острое, опасное, но все таки въ меньшей степени ромфейное и истребительное. Съ безпримѣрнымъ искуствомъ владѣющей этимъ орудіемъ— клерикальной партіи весьма часто удается поставлять законъ римскій выше всякаго другаго закона,— выдвигать власть папы на первый планъ и давать своеобразное направленіе событіямъ. Послѣ этихъ нравственныхъ битвъ, не разъ являлись въ группѣ побѣжденныхъ, порой и плѣнниковъ, сами Наполеоны, Францъ-Іосифы, Викторъ-Емануилы, Максимиліаны и tutti quanti, не говоря уже о давнопрошедшихъ побѣжденныхъ и плѣнникахъ. Всѣ сознаютъ каноническую и раціональную нелѣпость главенства, непогрѣшимости, свѣтской власти римскаго архіепископа, всѣ чувствуютъ ея тяжесть, всѣ толкуютъ о несостоятельности римской доктрины, а никто не посмѣетъ нанесть ей фактическое пораженіе. Отчего? Оттого, что все еще трусятъ стараго метателя клятвъ и разрѣшителя вѣрноподданническихъ присягъ. Есть газеты— болтуньи, есть политики— мечтатели, трактующіе о примиреніи Италіи съ Римомъ. Насъ всегда изумляло и печалило это толченье воды. Миръ съ Римомъ, или точнѣе— епископомъ—*государемъ* возможенъ только послѣ окончательнаго отдѣленія последней части этой титуляціи отъ ея цѣлаго. А пока онѣ существуютъ нераздѣльно, миръ этотъ составляетъ несовсѣмъ pium desiderium того лишь человѣка, который поддерживалъ въ последнее время престолъ папскій своими штыками, который боится, чтобы, съ паденіемъ папства, не возстало православіе, не возвеличилась Россія, а съ овладѣніемъ Римомъ Италіей не поднялось нравственное и физическое значеніе послѣдней, а Франція не отодвинулась на второй планъ. Грустно, если Италія не понимаетъ этой *дружеской* политики, а еще грустнѣе, если понимаетъ и позволяетъ другу такъ безцеремонно править своимъ домомъ и домочадцами... Какъ бы то ни было,— если „имперія",— конечно, въ добромъ значеніи этого слова,— „миръ", то папство— война,— война до скончанія міра со всѣми, непризнающими папскаго катихизиса, особенно догматовъ его о главенствѣ и свѣтской власти папы,— особенно, слѣдовательно, съ православною Россіей. Чтобы подтвердить наше мнѣніе собственными словами папствующаго запада, процитуемъ (1) еще разъ извѣстную тираду принца Напо-

---

(1) Изъ этой цитаты, для большей ясности дѣла, мы приводимъ въ настоящемъ мѣстѣ только голую мысль, оставляя въ сторонѣ доводы и поясненія.

леона, высказанную въ его органѣ „l'Opinion nationale." Вражды западныхъ державъ другъ къ другу— ссоры семейныя.... А Россія есть нашъ врагъ, потому что она *не прошла путемъ католической цивилизаціи."* Вотъ, слѣдовательно, гдѣ нужно искать, по приговору самаго запада, истолкованія вражды его къ Россіи, нашествій его на Россію, составляемыхъ противъ нея коалицій, затѣваемыхъ имъ во вредъ Россіи интригъ, внушеній, клеветъ, подстрекательствъ, маскированныхъ дружелюбій, ложнаго толкованія фактовъ и проч.

Само собою разумѣется, что вниманіе римской интриги всего больше, всего постояннѣй обращено на православіе вообще и представительницу его — Россію восообенности. Такое вниманіе объясняется весьма удобно чистотой и святостью первой, объемомъ и и неподдатливостью послѣдней. Православное ученіе, сберегшее, если можно такъ выразиться, съ фотографическою вѣрностью ученіе Христа, Его апостоловъ, вселенской церкви первыхъ 9 вѣковъ христіанства,— уже тѣмъ самымъ есть живой, сильный и неумолкный обличитель властолюбивой, произвольной, человѣкобразной доктрины папской. Россія, въ течсніи 9 вѣковъ, дававшая сильный отпоръ римской пропагандѣ, отражавшая насиліе силой, интригу зоркостью и прямодушіемъ,— уже тѣмъ самымъ есть естественный и едва ли когда примиримый врагъ римскаго владыки. Мы такъ много уже трактовали о неудачныхъ попыткахъ папъ олатинить православную Россію, о нравственныхъ и физическихъ нашествіяхъ на нее подстрекаемаго Римомъ Запада; тема эта такъ побѣдоносно и окончательно развита въ извѣстномъ капитальномъ сочиненіи графа Д. А. Толстого, что мы избавляемъ и себя и читателей отъ излишняго повторенія грустныхъ эпизодовъ папскихъ притязаній къ подчиненію своей іерархической власти православной Россіи. Но мы не можемъ умолчать о томъ, что папская интрига и насиліе всегда почти избирали орудіемъ своихъ противъ Россіи агитацій ближайшихъ и единоплеменныхъ намъ— сперва сосѣдей, потомъ враговъ домашнихъ,—олатиненныхъ при Мечиславѣ 1-мъ поляковъ. И Гозій и Поссевинъ, и самозванцы, и Владиславъ королевичъ, и нашествіе разныхъ іезуитовъ на землю русскую, и покойница унія, и варварское преслѣдованіе православія въ областяхъ русскихъ, подпавшихъ было игу польскому, и періодическіе бунты поляковъ,— все это были композиціи римскаго маэстро, разыгранныя польскими артистами. Въ главѣ

этихъ артистовъ всегда стояли ближайшіе сотрудники папъ,— матеры разныхъ цвѣтовъ и одинаковой нетерпимости. Ихъ задоръ, ихъ иниціатива сообщались интеллигенціи и нерѣдко отражались въ массахъ народныхъ. Эти отцы, какъ извѣстно, не всегда ограничивались одною нравственною агитаціей,— они часто собственноручно подавали примѣръ разнаго душегубства и стояли въ челѣ разныхъ уцекинеровъ и жандармовъ вѣшателей. Они такъ умѣли электризовать своей ненавистью къ *москалю-схизматику!* своихъ овечекъ духовныхъ, что послѣднія обращались въ волковъ: узаконяли клятвопреступленіе, святотатство, воровство, грабежъ, поджогъ и самое изобрѣтательное душегубство— частное и поголовное, въ видѣ двукратной рѣзни сонныхъ русскихъ воиновъ. Теперь всѣ эти печальныя явленія навремя прекратились потому только, что внѣшняя сила не на сторонѣ нашихъ враговъ; но надолго ли?... Не знаемъ...

Чтожъ— спросимъ другой разъ— намъ дѣлать? Не сражаясь съ папствомъ равнымъ ему оружіемъ— интригъ и насилій, не ведя противъ него пропаганды, а la Лойола и К°., гнушаясь всякимъ искуственнымъ прозелитизмомъ и предоставляя своимъ сосѣдямъ рѣдкую въ *гуманной* и *цивилизованной* Европѣ свободу совѣсти,— мы, тѣмъ не менѣе, обязаны позаботиться о защитѣ папства— въ Россіи отъ самаго себя,— отъ политическаго его характера и революціоннаго направленія, о задѣлкѣ той бреши, которую пробило папство въ западной стѣнѣ Россіи, и въ которую оно поминутно вторгалось съ своимъ— non possumus, тревожило умы, совѣсти и страсти во вредъ спокойствію, цѣлости и счастію Россіи и православія. Польское папство не столько было сильно своимъ упрямымъ и безпричиннымъ ожесточеніемъ противъ православной Россіи, не столько опасно и живуче своею собственною жизненностью, сколько ожесточеніемъ и живучестью главы папскаго организма, гарантирующаго своеволіе, буйство, противленіе власти, опирающагося на 200,000,000 своихъ слугъ и чтителей, да на мильонную армію своихъ интригановъ и сотрудниковъ Въ этомъ отношеніи польскій папизмъ похожъ на то животное, которое умираетъ тогда только, когда будетъ размозжена голова его, или отдѣлена отъ туловища. Такое отдѣленіе и произведено тѣмъ благодѣтельнымъ указомъ, который доставилъ намъ случай восторгаться прекращеніемъ зависимости латинянъ русскихъ отъ чуждой имъ власти и поставилъ въ

нормальное отношеніе подданныхъ къ своему законному и великодушному Государю. Мѣра рѣшительная; но она и вызвана крайнимъ проявленіемъ вражды папской къ Россіи. Не смотря на постоянные поводы къ разрыву съ дворомъ папскимъ, на ободреніе и поддержку этимъ дворомъ революціонной польской партіи, на слишкомъ рѣзкое и общее участіе въ польскихъ бунтахъ латинскаго духовенства, отличающагося слишкомъ рабскимъ послушаніемъ главѣ своей церкви и дѣйствовавшаго, конечно, не вопреки его волѣ, а всего вѣроятнѣе подъ его даже внушеніемъ (1),— Россія все еще не хотѣла нарушать добровольно принятыхъ его на себя обязательствъ въ отношеніи къ враждебной римской куріи; но когда папа затѣялъ что то въ родѣ приглашенія къ крестовому походу противъ Россіи, когда онъ разметалъ по всему латинскому міру огромное полемическое сочиненіе, въ видѣ сборника документовъ, доказывающаго будто-бы угнетеніе римской вѣры въ Россіи и переполненнаго самыми неразборчивыми сочиненіями и клеветами— съ одной и злонамѣренными пропусками весьма характерныхъ и краснорѣчивыхъ документовъ— съ другой стороны,— что оставалось сдѣлать Россіи, какъ не то, что она сдѣлала,— какъ не разорвать, то есть, съ Римомъ и ту слабую нить отношеній, которой искуственность и натянутость была замѣчаема и православными и неправославными, и которая была слишкомъ ничтожна для того, чтобы выдержать давленіе послѣдней выходки двора римскаго. Отнынѣ Россія сама у себя хозяинъ дома; отнынѣ она не будетъ наводняема тѣми прелатами, которые, въ преувеличенной надеждѣ на римскую поддержку, почерпали дерзость, находили побужденіе къ открытому противленію властямъ предержащимъ, и которые, быть можетъ, снабжались для подобнаго образа дѣйствій секретными полномочіями; отнынѣ папская пропаганда въ Россіи потеряла свою силу и даже свой смыслъ, такъ какъ она лишена и двигающей силы, и точки тяготѣнія, и такъ какъ зависимость римско-русской церкви отъ римскаго первосвященника будетъ существовать только въ теоріи, но не на дѣ-

(1) Правда, въ концѣ 1866 года, Пій IX *почти* осудилъ фактическое участіе своего духовенства въ польскихъ бунтахъ, но отъ чего онъ не сдѣлалъ того въ началѣ 1863 года? Не велика важность сказать нѣсколько запоздалыхъ словъ о томъ, что слишкомъ рѣзко поражаетъ вниманіе, и чего никакъ нельзя пройдти молчаніемъ!...

лѣ; отнынѣ и само латинство въ Россіи сдѣлается принципомъ *не столько* революціоннымъ, политическимъ, получитъ больше шансовъ для свободнаго отправленія духовной миссіи, больше безстрастія и меньше нетерпимости въ отношеніи ко всякому иновѣрію, больше уваженія, или хоть робости, къ существующимъ постановленіямъ, больше повиновенія той единственной власти, которая не будетъ уже дѣлиться своими правами съ властью римской, не будетъ стѣсняться въ своихъ мѣропріятіяхъ и дѣйствіяхъ признаніемъ законности нравственнаго служенія такъ называемыхъ поляковъ двумъ господамъ; отнынѣ открывается для латинства въ западной Россіи свободный и безпрепятственный поворотъ къ единенію съ тою церковью, изъ объятій которой вырвало когда то нравственное и физическое латинопольское насиліе родныхъ дѣтей православной Россіи. Да, если всѣ мѣропріятія настоящаго Царствованія благодѣтельны, незабвенны, то особенно указъ 22 ноября 1866 года; если указъ 19 февраля избавилъ народъ русскій отъ рабства крѣпостнаго, то указъ 22 ноября избавилъ латинство русское отъ рабства папскаго; если указъ 10 декабря положилъ начало внѣшнему обрусѣнію западной Россіи, то указъ 22 ноября устранилъ главнѣйшее препятствіе къ обрусѣнію этого края съ самой важной стороны,— со стороны нравственной и совпалъ съ самыми задушевными симпатіями и самыми святыми желаніями всѣхъ, понимающихъ значеніе, упругость и зловредность папской власти.

И такъ мы можемъ утѣшиться теперь надеждой прекращенія вѣковѣчныхъ столкновеній въ Россіи папства съ православіемъ и устраненія періодическихъ возстаній, волновавшихъ западную окраину Россіи? Не вполнѣ. Папство въ Россіи не можетъ получать теперь явныхъ субсидій изъ Рима, но это еще не устраняетъ возможности тайныхъ подстрекательствъ,— вторженія въ предѣлы Россіи религіозныхъ эмиссаровъ. Власть папы надъ русскими подданными устранена гражданскимъ законодательствомъ, но она все таки осталась для латинянъ догматомъ религіознымъ, и вражда религіозная русскихъ папистовъ съ православіемъ продлится до тѣхъ поръ, пока они не вычеркнутъ изъ своего катихизиса разныхъ догматовъ, усвояющихъ римскому архіепископу власть надъ чужими подданными и почти божеское величіе. Тѣ публицисты, которые считаютъ возможнымъ обрусѣніе нашихъ папистовъ, при радикальномъ имъ противорѣчіи святымъ отправленіямъ

усскаго духа, при непримиримой враждѣ папства къ правосла-
ію, не понимаютъ значенія религіи въ жизни народовъ и людей
ообще и закала папства вчастности, судятъ о другихъ по себѣ,—
гараются примѣнить къ другимъ свое личное безразличное отношеніе
ъ своей собственной религіи. Думать, что стоитъ только жить въ
'оссіи, быть русскимъ подданнымъ, говорить по русски, чтобъ быть
полнѣ русскимъ, значитъ дать въ заключеніи втрое больше того,
го обѣщаютъ посылки. Вѣдь вы сами называете же татаръ тата-
ами, евреевъ евреями, поляковъ поляками и проч., не смотря
ı то, что они живутъ въ Россіи. Изрѣдка только вы прибa-
ıте, для индивидуальнаго различія, или по другой причи-
ѣ, къ этимъ названіямъ эпитетъ: *русскій*, означая тѣмъ та-
ırина, еврея, поляка и проч., живущаго въ Россіи, но
ıсколько не уничтожая его національныхъ примѣтъ, заключаю-
ихся въ его породѣ, религіи, исторіи и выработанныхъ ими
правленіяхъ внутренней и отчасти внѣшней жизни,— ни-
олько не уничтожая тѣмъ самаго названія. Религія есть духъ
рода; она кладетъ неизгладимую печать типичности на его ис-
рію, законодательство, цивилизацію, международныя отноше-
я, складъ жизни, обычаи, добродѣтели и пороки. Духъ еван-
лія, духъ талмуда, духъ корана, можно сказать, воплотился
истинныхъ ихъ чтителяхъ, отлилъ ихъ въ извѣстныя фор-
ı, положилъ на нихъ то тавро, которое сглаживается только со
ертію духовною народа,— съ измѣненіемъ его религіи. Отто-
-то всѣ народы такъ судорожно и отстаиваютъ свои религіоз-
ıя вѣрованія: они знаютъ, что отстаиваютъ жизнь народа, за-
ищаютъ ее отъ смерти. На страницахъ исторіи едвали най-
тся двѣ— три катастрофы, пять шесть крупныхъ столкнове-
і, происшедшихъ безъ участія религіи. То— и дѣло, пора-
етъ вниманіе антагонизмъ религіозный, борьба принциповъ,
къ или иначе условливающихъ жизнь народовъ. Сперва язы-
тво борется съ іудействомъ, іудейство съ язычествомъ, по-
ıъ язычество съ христіанствомъ, христіанство съ языче-
юмъ и іудействомъ, наконецъ мусульманство съ христіан-
юмъ, христіанство въ мусульманствомъ. Настоящее движеніе
востокѣ есть проявленіе тогоже столкновенія религіозностей,—
ъ желаніе чтителей евангелія избавиться отъ суровой опеки
ювѣдниковъ корана. Даже различныя отрасли одной и той-
религіи нерѣдко ведутъ между собою ожесточенную, *междо-*

усобную борьбу за неприкосновенность или навязыванье другим своихъ убѣжденій. Это доказываютъ кровавыя столкновенія папства съ лютеранствомъ и православіемъ; это доказываютъ послѣднія междоусобія въ Китаѣ и отчасти въ Германіи, попытки ирландцевъ-папистовъ обособиться отъ англиканъ-реформатовъ, и проч. Только православныя націи,— не забудьте этого,— никогда не боролись съ православными.— Изрѣдка только страсть къ завоеваніямъ и преобладаніямъ немногихъ извѣстныхъ честолюбцевъ сочиняла столкновенія международныя, *какъ будто* неподходящія подъ обычную норму столкновеній религіозныхъ.

Если такъ,— а несомнѣнно такъ,— то только личный, выработанный послѣднимъ отрицаніемъ религіозно-національный индифферентизмъ, или умственная близорукость могутъ утверждать, что можно получить извѣстную національность, не принимая ея религіи, что можно быть русскимъ, въ точномъ и полномъ значеніи этого слова, не будучи православнымъ, что можно быть *совершенно*, *искренно* русскимъ, оставаясь татариномъ, евреемъ, полякомъ— по вѣрѣ и національности, по розни въ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ, прикрывая эти розни и даже антипатіи одними только ширмами внѣшнихъ ассимиляцій: сосѣдствомъ, единствомъ подданства, и только. Бѣдная ассимиляція! По этой теоріи, одна и таже личность можетъ быть и татариномъ, и евреемъ, и китайцемъ, и кѣмъ угодно,— смотря по тому, гдѣ она въ извѣстное время живетъ. Нѣтъ! инородцы— иновѣрцы могутъ только быть пріемышами земли русской, нашими согражданами, сосѣдями, иногда даже весьма добрыми и мирными, но родными дѣтьми Россіи, родными нашими братьями не будутъ, пока не породнятся съ нами и Россіей духомъ. А истый папистъ едва ли можетъ быть, какъ видно изъ предыдущаго, даже мирнымъ сосѣдомъ нашимъ. Въ отношеніи къ *такъ называемымъ* полякамъ высказанныя сейчасъ истины являются еще въ большей очевидности. Пока полякъ остается папистомъ,— что бы ни толковалъ онъ и его адвокаты, какъ бы плотно ни закутывался въ маску примиренія, заявленія вѣрноподданическихъ чувствъ, истинно русскимъ онъ никогда не будетъ. Онъ будетъ только полурусскимъ. Его вражда религіозная къ православной Россіи такъ перепуталась съ враждою политической, что одна безъ другой не мыслима, что онѣ составляютъ одну вражду, въ которой никакая химія не отдѣлитъ элемента политическа-

го отъ религіознаго. Извѣстное дѣло, что большинство такъ называемыхъ поляковъ западной Россіи — ренегаты Россіи и православія; а большинство ренегатовъ, по законамъ психическимъ, по условіямъ соціальнымъ, по указанію опыта, — самые упорные и жестокіе фанатики. Чѣмъ сильнѣе столкнутся два твердыхъ и упругихъ тѣла, тѣмъ дальше отпрянутъ онѣ другъ отъ друга. Еще бы поляки были такъ индифферентны въ дѣлѣ религіи, какъ большинство современной намъ молодежи (иногда и не молодежи) французской, нѣмецкой, еврейской и русской; тогда бы полякъ хоть не былъ папистъ — фанатикъ, не стоялъ къ Россіи въ такой оппозиціи, въ какой стоитъ папство къ православію. Но, къ несчастію, полякъ упорнѣйшій и нетерпимѣйшій папистъ во всемъ мірѣ папскомъ. Исторія и современность доказываютъ, что мы дружелюбно уживались со всѣми отраслями Лютеровой реформы. Случалось даже иногда то, что общность врага побуждала православныхъ и лютеранъ вступать другъ съ другомъ въ тѣсный союзъ и дружно отражать пущенныя въ нихъ стрѣлы папства. Это оттого, что ни лютеранство, ни православіе не пропагандируютъ, что онѣ вполнѣ свободны отъ насилія чужой совѣсти; что у нихъ нѣтъ того *государя* церкви, котораго бы честолюбивые и завоевательные виды они отстаивали. Совсѣмъ иное явленіе представляютъ наши сосѣди паписты: искреннее, вѣчное примиреніе съ ними, окончательное обрусѣніе ихъ, слитіе съ нами въ одинъ народъ мы почитаемъ невозможными. Таковъ характеръ папства. Между нами и поляками, какъ славянами, нѣтъ племенной розни, антагонизма расъ; для поляка, какъ для человѣка утратившаго, и притомъ самую жалкую и безпутную, независимость политическую, разсѣяннаго, подобно израилю, по всему лицу земли и, въ двухъ третяхъ своего состава, порабощеннаго чуждыми ему народностями, — казалось бы, весьма много чести примкнуть къ огромнѣйшей семьѣ родныхъ ему русскихъ славянъ, стремиться вмѣстѣ съ ними къ великолѣпной будущности, отдохнуть подъ сѣнью лучшаго въ мірѣ правительства отъ былыхъ невзгодъ, неурядицъ, кровопролитій; а между тѣмъ полякъ ведетъ съ православнымъ русскимъ вѣковѣчную борьбу — не на животъ, а на смерть, а между тѣмъ полякъ твердитъ: „якъ святъ святемъ (до сконченія міра), такъ полякъ русинови (или москалiови) не бендзе братемъ.“ Почему? Другой причины такой упорной вражды нѣтъ кромѣ папства. А желаніе, скажутъ, возвратить по-

литическую независимость? Но вѣдь это нелѣпѣйшій изъ абсурдовъ, которымъ лишь прикрывается вражда иного свойства, съ иными цѣлями. Развѣ поляки засылали іезуитовъ, сочиняли самозванцовъ, дѣлали нашествіе на русскія области, навязывались Москвѣ съ своими королевичами, терялись въ изобрѣтеніи насилій, которыми хотѣли подавить въ западной Россіи православіе, а *съ нимъ вмѣстѣ и народность русскую*,— развѣ, говоримъ, поляки все это дѣлали для возврата своей политической независимости, которая тогда была при нихъ, и на которую никто не мечталъ даже дѣлать какія либо посягательства? Ни въ комъ нѣтъ такой сплоченности, такого пристрастія къ своей національности, какъ въ нѣмцахъ; а между тѣмъ они, помимо языка и національности,— какъ доноситъ одна изъ послѣднихъ телеграммъ,— „подавали голоса при выборахъ въ имперскій сеймъ по исповѣданію, а не по національностямъ; нѣмцы—католики *вообще* подавали голоса въ пользу польскихъ кандидатовъ“, а не въ пользу нѣмцовъ— иновѣрцевъ. Религія, стало быть, взяла верхъ надъ всѣми другими принципами и симпатіями, даже въ средѣ самыхъ упрямыхъ патріотовъ.

Нѣтъ, господа публицисты, отдѣляющіе народность и гражданственность отъ религіи,— не говорите такъ вычурно, такъ категорически о томъ, чего вы не изучили, чего не прочувствовали, и что вамъ, какъ людямъ пришлымъ, или отдаленнымъ зрителямъ, или индифферентнымъ и несостоятельнымъ теоретикамъ, проходившимъ кое— какъ вовсе непригодную для компетентнаго рѣшенія настоящаго вопроса профессію,— *рѣшительно* незнакомо.

IV.

СХОДСТВО И РАЗНИЦА УЧЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ И РИМСКОЙ ЦЕРКВЕЙ.

Аще кто хощетъ волю Божію творити, разумѣетъ о ученіи, аще отъ Бога есть, Іоан. 7, 17.

Съ давнихъ временъ поляки приняли отъ римскихъ папъ миссію обращать въ латинство православныхъ русскихъ тѣхъ странъ, которыя, въ несчастныя для Руси обстоятельства, подпали было прежде подъ литовское, а впослѣдствіи подъ польское владычество. Здѣсь имѣлась въ виду двоякая цѣль: папа стремился къ разширенію своей теократіи, а поляки силились ополячить русскихъ своихъ подданныхъ съ тѣмъ, чтобы, лишивъ ихъ отеческой вѣры и языка, сдѣлать ихъ не похожими на остальныхъ русскихъ, и тѣмъ самымъ порвать самыя важныя нити, связующія ихъ съ восточной Россіею. Но эти цѣли не вполнѣ достиглись. Въ свою очередь Польша ослабла отъ вѣро-нетерпимости и анархіи, а восточная Русь усилилась посредствомъ единодержавія. Польша пала и западная Русь, за исключеніемъ галиційскихъ русиновъ, возсоединилась съ восточною. Польскіе и ополяченные дворяне и римское духовенство, пользовавшіеся прежнею анархіею, не перестали и послѣ того стремиться къ возврату прежняго порядка вещей, при содѣйствіи заграничныхъ революціонеровъ, которыхъ употребили какъ средство къ достиженію своихъ цѣлей.

Поляки, желая привлечь насъ западно-руссовъ къ мятежу, разсчитывали на нашу простоту: они то льстили намъ, доказывая, что мы-не мы, не русскіе, а поляки, что нашъ языкъ не русскій, а испорченный польскій, не имѣющій ничего родственнаго съ *московскимъ*, что мы—не православные, но уніаты; то стращали висѣлицею и кинжаломъ, а болѣе всего старались внушить намъ ненависть къ Москвѣ (такъ они называютъ великую Россію), пред-

ставляя ее полудикою страною, мало чѣмъ отличающеюся отъ кочующихъ народовъ. Такая ложь могла подѣйствовать только на людей, вовсе незнакомыхъ съ восточной Россіею, гдѣ промышленность, образованіе и богатство народа развиты болѣе, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ. Но не столь легко открыть ложь и клевету, которыя употребили ксендзы для того, чтобъ унизить греко-русскую церковь и чтобы внушить довѣрчивымъ своимъ слушателямъ то мнѣніе, что принадлежащіе къ ней суть враги Божіи, лишенные благодати и загробнаго блаженства. Внушеніе это, кромѣ словъ, сопровождалось еще болѣе понятными для простолюдиновъ, чѣмъ самыя слова, жестами, которыми досказывалось самое кощунственное презрѣніе къ *проклятымъ схизматикамъ*.

Руководясь безпристрастіемъ и опытностію, скажу, что римское духовенство наше, за не многими исключеніями, не столько, какъ кажется, по природѣ своей враждебно къ Россіи и православію, сколько по внѣшнимъ вліяніямъ. Съ давнихъ поръ заведенное одностороннее ультрамонтанское образованіе столь крѣпко организовало и глубоко вкоренило въ немъ фанатическія понятія о всякомъ инославіи, особенно православіи, что искуство пересилило природу. И между русскими, даже образоваными, но не постигшими всей широты и глубины христіанства, бываютъ такіе, которые, находя въ латинской церкви обряды, отличные отъ обрядовъ православной церкви, преувеличиваютъ существенную разницу между обѣими этими церквами.

Между тѣмъ, теченіе историческихъ событій заставило латинянъ жить съ православными въ одномъ государствѣ, — и теперь на каждомъ лежитъ долгъ христіанскій и гражданскій ослабить противныя христіанской любви послѣдствія, порожденныя ослѣпляющими страстями.

Религіозное побужденіе къ враждѣ есть самое сильное изъ всѣхъ побужденій, особенно, если фанатизмъ успѣли не только согласить съ совѣстію, но и подчинить ей.

Совѣсть согласуется съ знаніемъ, фальшивыя же знанія обманываютъ совѣсть. Чтобы просвѣтить религіозную совѣсть тѣхъ, кои жаждутъ правды, и содѣйствовать устраненію религіозной вражды, столь много причинившей зла здѣшнему краю, — я намѣренъ представить въ подлинномъ свѣтѣ ученіе какъ римской, такъ

православной церкви, преимущественно обращая вниманіе на то, ѣмъ онѣ разнятся между собою и на чемъ та и другая церковь сновываютъ свои разницы.

Церковь православная во многомъ согласна съ римскою въ понимніи Христова ученія. Обѣ онѣ почитаютъ Іисуса Христа Сыомъ Божіимъ, содѣлавшимся человѣкомъ для искупленія и просвѣенія человѣческаго рода, обѣ вѣруютъ, что Онъ, какъ человѣкъ, оплотился отъ пречистыя Дѣвы Маріи, что онъ, какъ Богъ, редвѣчно существовалъ и существуетъ съ Отцемъ и Св. Духомъ, оставляя съ Ними три лица единаго Божества, обѣ церкви принимаютъ семъ таинствъ, установленныхъ Іисусомъ Христомъ, посредствомъ которыхъ сообщается людямъ благодать Божая; онѣ согласны, что ученіе Іисуса Христа нужно почерпать изъ св. Писаія; согласны въ томъ что извѣстныя книги должно считать св. Писаніемъ, и что смыслъ этихъ книгъ слѣдуетъ понимать такъ, акъ понимали великіе вселенскіе учители первыхъ вѣковъ христіанства, и какъ опредѣлили вселенскіе соборы, то есть, собравшіеся о всѣхъ странъ вселенной святые пастыри,—для разрѣшенія, по нушенію Св. Духа, спорныхъ ученій; обѣ церкви согласны въ томъ, ого слѣдуетъ считать св. отцемъ, какіе соборы, бывшіе до раздѣленія церквей должно считать вселенскими; наконецъ онѣ согласы и въ томъ, что различные обрядовые обычаи и различныя реакціи молитвословій не должны мѣшать церковному единству, ишь бы онѣ были согласны съ духомъ христіанства.

Въ продолженіи первыхъ 8-ми вѣковъ христіанства, обѣ церви—восточная и западная не разнились въ религіозномъ ученіи, одна другую считали православною (ortodoxi), были съ собою въ общеніи и единогласно обличали и преслѣдовали возникавшія еретиескія лжеученія. Такому единенію церквей способствовало то бстоятельство, что въ первыхъ вѣкахъ христіанства, почти все христіанство сосредоточивалось исключительно въ предѣлахъ Римской Имперіи, распространенной еще во время язычества на огромномъ пространствѣ. Къ Римской Имперіи принадлежали всѣ земли, составляющія теперь Италію, Испанію, Португалію, Францію, Анлію, Турцію, Персію, Египетъ и сѣверные берега Африки. Столицею этой Имперіи былъ прежде Римъ, а потомъ первый изъ принявшихъ христіанство государей императоръ Константинъ перенесъ толицу въ Константинополь.

Послѣ, когда римскій императоръ Θеодосій Великій, въ 395 году по рождествѣ Іисуса Христа, раздѣлилъ, предъ своею смертію, Римскую Имперію между двумя своими сыновьями Аркадіемъ и Гоноріемъ на восточную и западную, это раздѣленіе Имперіи много способствовало и къ раздѣленію церквей. Столицею Восточной Имперіи былъ тотъ же Константинополь, а Западной Римъ; по преобладанію же языковъ греческаго въ Восточной, а римскаго въ Западной, эти имперіи назывались также Греческою и Римскою. Чрезъ 80 лѣтъ послѣ этого раздѣла имперіи, западная монархія пала и окончательно разрушена набѣгами варваровъ, которые погасили въ ней греко-римское просвѣщеніе и повергли весь западъ въ хаосъ и невѣжество, продолжавшееся почти тысячу лѣтъ. Въ Восточной же Имперіи, существовавшей послѣ паденія Западной болѣе 10-ти вѣковъ, просвѣщеніе не угасало,— хотя, отъ неудачныхъ войнъ, постепенно уменьшалось въ своемъ объемѣ. Послѣдствіемъ всего этого было затрудненіе общенія запада съ востокомъ, что и породило отдѣльную жизньзападной церкви,– жизнь, выродившую небывалое прежде явленіе: римскій епископъ сдѣлался государемъ! Это именно обстоятельство всего болѣе и содѣйствовало раздѣленію церквей, или точнѣе отпаденію церкви западной отъ восточной.

Всѣ эти событія слѣдуетъ имѣть въ виду для правильной оцѣнки разногласія ученій между православіемъ и латинствомъ. Каждое явленіе тогда только можетъ быть хорошо понято, когда оно будетъ разсматриваемо въ связи съ окружающими его явленіями. И такъ, чѣмъ же разнятся между собою эти церкви въ такихъ предметахъ, въ которыхъ, по ученію обѣихъ церквей, разница неизвинительна?

Это различіе заключается въ трехъ главныхъ пунктахъ: 1) прибавленіе, сдѣланное римлянами къ символу вѣры, что Св. Духъ исходитъ не только отъ Отца, какъ было поставлено въ древнемъ символѣ вѣры и утверждено всѣми 7-ью вселенскими соборами, но и отъ Сына (Filioque); 2) введеніе на западѣ обычая причащать мірянъ однимъ только Господнимъ тѣломъ, а не совмѣстно съ святѣйшею Его кровью, какъ это совершалось съ первыхъ дней христіанства; 3) возведеніе на западѣ въ догматъ ученія о главенствѣ, свѣтской власти и затѣмъ непогрѣшимости римскаго папы, и что только отъ него, посредственно или непосредственно, дается благодать христіанамъ и власть церковная.

Но самымъ главнымъ притязаніемъ западной церкви, безъ котораго она не хочетъ соединиться съ восточною, есть признаніе власти папъ надъ всею христіанскою церковью.

При не однократныхъ попыткахъ къ соединенію и при различныхъ переговорахъ по этому предмету, римскіе папы готовы были войти въ соглашеніе по первымъ двумъ пунктамъ, лишь бы только восточная церковь признала надъ собою власть папскую.

Разсмотримъ эти три пункты чрезъ сличеніе ихъ съ обще-принятыми обѣими церквами источниками христіанскаго ученія, то есть, съ св. Писаніемъ, ученіемъ св. Отцевъ и опредѣленіями 7-ми вселенскихъ соборовъ. Само собою разумѣется, что мы не будемъ принимать въ уваженіе постановленій соборовъ, бывшихъ безъ участія восточной церкви, въ эпоху общаго упадка просвѣщенія на западѣ.

1. О происхожденіи Св. Духа и отъ Сына.

Чтобы основательно судить объ этомъ предметѣ, взглянемъ, въ чемъ обѣ церкви согласны въ понятіяхъ о трехъ лицахъ Божества.

Обѣ церкви видятъ разницу между отношеніями лицъ между собою и существенными свойствами Божества трехъ лицъ. Существенныя свойства, какъ то: всевѣденіе, совершеннѣйшую волю, всемогущество, духовность, безначальность, вѣчность мы понимаемъ, хотя ограниченно, ибо и мы сами, по благости Творца, имѣемъ подобіе этихъ свойствъ: и мы имѣемъ знаніе, волю, нѣкоторую силу свободнаго дѣйствія; можемъ даже составить нѣкоторое понятіе о безначальности и вѣчности, потому что имѣемъ понятіе о началѣ и времени.

Обѣ церкви согласны, что всѣ существенныя свойства принадлежатъ всѣмъ лицамъ Божества въ равной степени,— Отецъ есть Богъ,—Сынъ есть Богъ,—и Святый Духъ есть Богъ.

Дальнѣйшее ученіе о пресвятой Троицѣ для насъ непостижимо,—понятіе объ ней дано намъ, кажется, для того только, чтобы мы въ благоговѣйномъ трепетѣ воскликнули: дивенъ Богъ! Мы не можемъ дѣлать о Тріединомъ Богѣ никакихъ догадокъ и выводовъ, а только съ искренне вѣрующимъ сердцемъ должны принять то, что намъ объявлено и объяснено вселенскими соборами. Такъ, для насъ непостижимо, что три божественныя лица, изъ коихъ

каждое имѣетъ всѣ существенныя, равныя божескія свойства, составляютъ едино Божество. Приближаясь къ нашимъ понятіямъ, мы могли бы объяснить единство Троицы тѣмъ, что три лица Божества потому составляютъ одно Божество, что онѣ не розятся ни въ вѣденіи, ни въ могуществѣ, ни въ желаніи, но и такимъ образомъ объяснять Троицу мы не имѣемъ права и не находимъ основанія ни въ св. Писаніи, ни въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ,—въ этомъ согласны обѣ церкви.

Еще менѣе постижимы для нашего ума дальнѣйшія отношенія между Лицами Пресв. Троицы, а именно: рожденіе и исхожденіе одного отъ другаго, хотя и рождаемое и исходящее— равно вѣчны, не имѣютъ ни начала, ни конца. Такъ же мы не можемъ понять: какая разница между рожденіемъ и исхожденіемъ, однакожъ нельзя сказать, что Сынъ исходитъ, а Духъ рождается, но должно вѣрить, что Сынъ предвѣчно рождается, а Духъ предвѣчно исходитъ,—и въ этомъ обѣ церкви согласны.

Онѣ согласны такъ же и въ томъ, что Сынъ рожденъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣкъ, а Духъ Святый исходитъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣкъ.

Такое ученіе о пресвятой Троицѣ заключается въ Символѣ вѣры, называемомъ никейско-константинопольскимъ. Этого символа придерживается православная церковь; этого же символа придерживались и всѣ церкви запада. Но во время общаго упадка тамъ просвѣщенія въ среднихъ вѣкахъ осмѣлились мудрствовать объ исхожденіи Св. Духа вопреки ученію вселенскому и, послѣ разныхъ софизмовъ, дерзнули учить, что Св. Духъ исходитъ и отъ Сына.

Сперва это ученіе появилось въ Испаніи, гдѣ, къ ученію объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, заключающемуся во вселенскомъ Символѣ вѣры, стали прибавлять слово и *отъ Сына*, уча, то есть, что Св. Духъ исходитъ не только отъ Отца, какъ учила и учитъ вселенская церковь, но и отъ Сына.

Такъ какъ сѣверная Испанія принадлежала къ Франціи, то ученіе это распространилось потомъ и во Франціи, гдѣ даже аахенъ-лешапельскимъ соборомъ опредѣлена правильность этой прибавки. Но, встрѣтивъ несогласіе съ новымъ ученіемъ, многіе нововводители рѣшились отнестись по этому предмету въ Римъ. Тогдашній папа Левъ III осудилъ прибавленіе въ Символѣ вѣры

отъ Сына, и протестовалъ противъ такого прибавленія, приказавъ вырѣзать на двухъ серебрянныхъ доскахъ Символъ вѣры на греческомъ и латинскомъ языкахъ, безъ прибавленія въ немъ: и *отъ Сына*. Доски эти были поставлены въ церкви св. Петра съ надписью: *я Левъ помѣстилъ эти доски, побуждаемый любовію къ православію и для сохраненія его*. (Это было въ 809 году).

Не смотря на это, новое прибавленіе къ Символу вѣры: *и въ Духа Святаго, исходящаго отъ Отца и Сына*, постепенно расространялось—такъ что кромѣ Испаніи прибавляли къ Символу вѣры и *отъ Сына* во всей, возникшей на развалинахъ западной, имперіи Карла Великаго.

Позже всѣхъ,—именно въ одинадцатомъ вѣкѣ, допустилъ это прибавленіе и Римъ, по просьбѣ императора Генриха. Кончилось, наконецъ, тѣмъ, что римскіе папы, допустили это прибавленіе къ Символу вѣры и возвели его въ догматъ. Всѣ же восточныя православныя церкви, въ числѣ ихъ и русская церковь, учатъ, что это прибавленіе незаконно и несогласно съ евангельскимъ ученіемъ, выясненнымъ св. отцами церкви и вселенскими соборами.

Обѣ церкви—восточная и западная согласны, что слово *исходитъ*, примѣненное къ Св. Духу, употреблено въ св. писаніи одинъ только разъ; и именно: въ послѣдней бесѣдѣ Своей съ учениками, Iисусъ Христосъ сказалъ: *егда пріидетъ утѣшитель, Его же Азъ пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о мнѣ*. (Іоан. 15, 26). На этихъ словахъ основано выраженіе въ символѣ вѣры: *вѣрую и въ Духа Святаго... иже отъ Отца исходящаго*.

Прибавленіе и *отъ Сына*, сдѣланное римскою церковію, она основываетъ на слѣдующихъ выводахъ, доказывающихъ, что на западѣ, во время невѣжества, не могли ясно различать понятій, и послѣдовательно дѣлать изъ нихъ логичные выводы. Современные ультрамонтаны, не находя лучшихъ доказательствъ, принуждены пробавляться средневѣковыми. Нельзя же отстать отъ признаннаго съ давнихъ временъ догмата, не заподозривъ съ тѣмъ вмѣстѣ и непогрѣшимости папы.

Римляне говорятъ, что понятіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына заключается въ словахъ Спасителя: *Его же* (Св. Духа)

Азъ пошлю вамъ; что Спаситель не могъ бы *посылать* Св. Духа, если бы онъ отъ него не исходилъ.

Не видно ли въ этомъ аргументѣ средневѣковой путаницы представленій? Посланіе заключаетъ въ себѣ исхожденіе, параллельное рожденію! Если братъ брата посылаетъ, то значитъ ли это, что посланный родился отъ пославшаго его? Нашимъ языкомъ, конечно, не возможно выразить отношеній между лицами Пресвят. Троицы; по нашему предполагается, что посылающій имѣетъ какую либо власть, старшинство надъ посылаемымъ, но обѣ церкви учатъ, что всѣ три лица Божества по существу равны между собою. Слѣдовательно, слова *пошлю*, нельзя примѣнить къ нашимъ понятіямъ о старшинствѣ посылающаго; а что посланіе не значитъ предвѣчнаго происхожденія, то видно изъ другихъ словъ Спасителя, сказанныхъ имъ въ тойже послѣдней бесѣдѣ и о томъ же предметѣ: *умолю Отца* и иного Утѣшителя дастъ вамъ (Іоан. 14, 16). Сравнивая эти два изреченія, нельзя не видѣть, что пошлю *отъ Отца*, значитъ *умолю отца*, да дастъ. Такое поясненіе и согласуется съ ученіемъ обѣихъ церквей въ томъ, что люди сдѣлались недостойными благодати Божіей, а только могутъ быть участниками ея посредствомъ заслугъ Іисуса Христа, который Своею кровію искупилъ людей отъ грѣха и этою святѣйшею жертвою умилостивилъ и умолилъ Бога подавать людямъ дары Св. Духа. Поэтому то *посланіе* Св. Духа значитъ въ данное время дарованіе людямъ благодати Божіей, но не предвѣчное исхожденіе Его.

Далѣе, римляне возражаютъ, что Іисусъ Христосъ, въ тойже бесѣдѣ съ учениками Своими, сказалъ: (Св. Духъ) *отъ меня пріиметъ,... и все что имѣетъ Отецъ, мое есть* (Іоан. XVI ст. 14, 15); *отъ меня пріиметъ*, слѣдовательно, происходитъ... Придерживаясь правилъ граматики, почему римляне не сказали: „произойдетъ?..“ Вѣдь слово „пріиметъ“ —будущее время; если же оно значитъ происхожденіе, то слѣдуетъ относить къ будущему, тогда какъ исхожденіе Св. Духа есть предвѣчное. Сказанныя Спасителемъ вмѣстѣ съ этими слова: *„и возвѣститъ вамъ вся“*, ясно показываютъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ ученіи, а не объ исхожденіи.

„Вся елика имать отецъ моя суть: сего ради рѣхъ, яко отъ моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ. Если бы слова: *„вся елика имать Отецъ, моя суть“* относились не къ ученію только и существеннымъ свойствамъ Божества, но и къ отношеніямъ

между собою лицъ Пресв. Троицы, то какой бы смыслъ имѣли слова Спасителя къ Богу Отцу: *моя вся твоя суть*? Основываясь на своемъ толкованіи, римляне поневолѣ должны прійдти къ слѣдующему нелѣпому выводу, что Отецъ родился отъ Отца; Отецъ отъ Отца!...

Римляне также еще ссылаются на слова Апостола, гдѣ онъ называетъ Св. Духа *„Духомъ Сына“*; слѣдовательно, по словамъ ихъ, Духъ исходитъ и отъ Сына. Въ цѣломъ составѣ апостольскихъ словъ:“ *посла Богъ духа Сына Своего въ сердца ваши,*“ православные видятъ, что здѣсь говорится не о личности Св. Духа, но о дарахъ Его, ниспосланныхъ въ сердца вѣрныхъ,—дарахъ, заслуженныхъ Іисусомъ Христомъ, какъ было сказано выше; посему то они и называются Христовыми, какъ Христомъ пріобретенныя для людей.

Наконецъ, римляне, въ подтвержденіе своего нововведенія, указываютъ на дѣйствіе Іисуса Христа, описанное евангелистомъ Іоанномъ въ главѣ XX, ст. 22 и 23,—гдѣ Спаситель, по воскресеніи Своемъ, торжественно посвящаетъ Своихъ апостоловъ на проповѣдь евангелія и совершеніе таинъ: *„якоже посла мя Отецъ* говоритъ онъ, *и азъ посылаю вы. И сіе рекъ дуну, и глагола имъ: примите Духъ святъ, имже отпустите грѣхи* и проч. Дуновеніемъ Сынъ Божій передаетъ апостоламъ Св. Духа, слѣдовательно Духъ Святый исходитъ и отъ Сына!.. Въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, глава VIII ст. 17, мы видимъ еще болѣе разительный фактъ. Апостолы, чрезъ возложеніе на избранныхъ своихъ рукъ, предаютъ имъ Св. Духа; за тѣмъ, слѣдуя римской логикѣ, нужно предположить, что Св. Духъ исходитъ и отъ апостоловъ?!...

Защитники западнаго нововведенія утверждаютъ, что православные не хотятъ сдѣлать приложенія къ Символу вѣры словъ *и отъ Сына* только по упрямству, хотя въ сущности такъ же вѣруютъ, какъ и западные паписты, только другими словами выражаютъ свою вѣру; что выраженіе православныхъ писателей: *Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына*, однозначно происхожденію Св. Духа отъ Сына. Но это выраженіе православныхъ имѣетъ иное значеніе. Православная церковь учитъ, какъ было выше сказано, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца, а сообщается людямъ чрезъ Сына, то есть посредствомъ заслугъ Іисуса Христа,—и это

ниспосланіе Св. Духа людямъ не есть предвѣчное, но временное и разнится отъ исхожденія.

Бл. Августинъ, величайшій учитель западной церкви, силясь по возможности объяснить, какъ онъ самъ выражается, необъяснимое, сравниваетъ отношенія лицъ Пресв. Троицы съ дѣйствіями человѣческаго духа. Предполагая, что познаніе (cognitio) соотвѣтствуетъ Богу Отцу,— помышленіе (cogitatio), заключающее въ себѣ образъ познаннаго, соотвѣтствуетъ Богу Сыну,— и, наконецъ, воля, зависящая отъ познанія, соотвѣтствуетъ Св. Духу, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: образъ знанія есть рожденіе знанія, что похоже на рожденіе Бога Сына отъ Бога Отца,— нельзя желать того, чего не знаемъ, то есть, желаніе происходитъ такъ же отъ знанія, что соотвѣтствуетъ исхожденію Св. Духа отъ Отца же (de Trinitate, lib. 15, 27). Этимъ онъ указываетъ на разность исхожденія Св. Духа отъ рожденія Сына Божія, и тамъ же говоритъ: „потому то Сынъ не сказалъ, что Св. Духъ рождается отъ Отца, иначе былъ бы братъ Его, но исходитъ“.

Чтобы дать свой смыслъ только что приведенному мною ученію великаго своего учителя, римляне, въ потребныхъ для нихъ и соотвѣтствующихъ цѣли ихъ мѣстахъ этого писателя, перемѣнили слова и значеніе ихъ. Такъ, вмѣсто слова *cognitio* (знаніе), они поставили слово *cogitatio* (мышленіе). Такое самоправное искаженіе приводитъ къ заключенію, что будто бы бл. Августинъ сказалъ: что воля происходитъ не отъ знанія, но отъ мышленія, слѣдовательно Св. Духъ происходитъ отъ Сына. Но при такомъ сопоставленіи словъ у бл. Августина вышла бы нелѣпость, какъ то: „*помышленіе есть самый сходный образъ помышленія*, тогда какъ неискаженный текстъ даетъ такой смыслъ: *помышленіе есть самый сходный образъ знанія* (Simillima congnitionis).

Что текстъ бл. Августина искаженъ римлянами настолько, насколько имъ то было нужно для поддержанія нововводнаго ученія авторитетомъ знаменитаго этого учителя западной церкви, и искаженъ именно такъ, какъ я указалъ, въ томъ каждый наглядно можетъ убѣдиться, прослѣдивъ различныя замѣчанія издателей твореній бл. Августина въ разныхъ вѣкахъ. Такъ напримѣръ: въ венеціанскомъ изданіи 1552 года, издатель пишетъ: *vetera interim, loco cogitationis, habent: cognitionis* (въ древнихъ рукописяхъ, вмѣсто помышленія, стоитъ: познаніе); въ парижскомъ изданіи 1679 года и въ антверпенскомъ 1700 года, издатель сдѣлалъ такую

мѣтку: Omnes prope: M. SS. cognitionis ejus. Et infra: a conitione procedere; ac paulo post: cognitionis imaginem (почти во всѣхъ рукописяхъ: *того познанія*; и ниже: исходитъ отъ познанія, и далѣе: образъ *познанія*). Изъ этого ясно видно, что римлянамъ непремѣнно хотѣлось вложить въ уста бл. Августина свои лжемудрованія, — именно, чтобы, желаніе, какъ соотвѣтствующее Св. Духу, происходило отъ мышленія—cogitatio, которое соотвѣтствуетъ Сыну Божію, а не отъ знанія (cognitio), соотвѣтствующаго Богу Отцу. Теперь у меня нѣтъ подъ руками сочиненій св. Аѳанасія, напечатанныхъ на греческомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ; но я твердо помню, что въ переводѣ латинскомъ вставлено въ символъ вѣры этого св. Отца слово *Filio que* (и Сына), чего въ подлинномъ греческомъ текстѣ нѣтъ. Да и вообще римскіе переводчики св. Отцевъ церкви сознавались въ предисловіяхъ, что, найдя нѣкоторыя выраженія св. Отцевъ несогласными съ ученіемъ церкви (разумѣется римской), они подѣлали потребныя исправленія,— а по нашему, подлоги и искаженія.

Тотъ же бл. Августинъ, въ книгѣ contra sermonem arianam (глава XXIII), излагаетъ слѣдующее православное ученіе: „Да не возмнятъ, будто чрезъ какія степени есть отъ Него (Духъ Святый), подобно какъ самъ (Сынъ) есть отъ Отца: напротивъ оба отъ Отца, тотъ рождается, сей исходитъ, которыя два дѣйствія, въ высотѣ онаго естества (Божьяго), различить, конечно, трудно.“

Дамасъ, римскій папа, на римскомъ соборѣ, съ согласія многихъ епископовъ, издалъ исповѣданіе вѣры, въ которомъ бл. Августинъ (serm. 129 de tempore) и Ѳеодоритъ (lib. Histor. Eccles. M.) читаютъ слѣдующія слова:“ *„аще кто не речетъ, яко Духъ святый отъ Отца есть истинно и собственно, якоже и Сынъ отъ сущности Божіей есть Божіе слово, анаѳема да будетъ.“*

Изъ сказаннаго мною о прибавленіи римлянами къ Символу вѣры словъ: *Filio que* (и Сына), видно, какая разница произошла въ сужденіи о Пресв. Троицѣ древнихъ отцевъ отъ средневѣковыхъ! Въ первыхъ вѣкахъ христіанства, когда еще неупало греко-римское просвѣщеніе, когда ученіе церкви не уклонилось отъ ученія Спасителя и апостоловъ, разсуждали объ этомъ святѣйшемъ таинствѣ осторожно и не отдѣлялись отъ словъ св. Писанія; въ послѣдующихъ же вѣкахъ, когда весь западъ помрачился средневѣковымъ невѣжествомъ, западники пустились въ умствованія и укло-

нились отъ истины. Впрочемъ, это общій законъ, что невѣжды смѣло отваживаются рѣшать самые недоступные для нихъ вопросы. Наши простолюдины не утверждаютъ ли съ самоувѣренностію, что громъ происходитъ отъ грохота колесъ, на которыхъ разъѣзжаетъ св. Илья по небу, что облака состоятъ изъ студенистой матеріи? А средневѣковые западные христіане не рѣшали ли такихъ вопросовъ: святые на небесахъ ходятъ нагими или въ одеждѣ? было ли Божество въ волосахъ и ногтяхъ Іисуса Христа?; въ каждомъ ли евхаристійномъ атомѣ св. Тѣла и Крови Христовой находится всецѣло Христосъ Богъ? какъ рождала пречистая Дѣва Марія? и проч. и проч.

Если же какое-либо изъ подобныхъ умствованій распространялось въ западныхъ церквахъ, то тогда, на основаніи непогрѣшимости папы римскаго, какъ главы этихъ церквей, оно дѣлалось догматомъ,—и тѣхъ, кои несоглашались на такіе выводы, предавали анаѳемѣ. Таковъ Символъ вѣры тридентскаго собора, утвердившій почти всѣ средневѣковыя заблужденія.

О причащеніи мірянъ однимъ только Тѣломъ Господнимъ.

Римскіе епископы и священники причащаются Тѣла и Крови Христовой такъ, какъ причащаются и всѣ православные; но мірянъ своихъ они причащаютъ однимъ только Тѣломъ Господнимъ. Этотъ обычай возникъ у нихъ такъ же въ среднихъ вѣкахъ, подъ тѣмъ пустымъ и трусливымъ предлогомъ, что, причащая міранъ Тѣла и Крови Христовой, можно распространять заразы. Оправдываютъ же эту практику умствованіемъ, что въ каждомъ атомѣ Тѣла и Крови Христовыхъ заключается всецѣло Христосъ съ Тѣломъ и Кровію; а потому, причащающійся однимъ только Тѣломъ, вмѣстѣ съ нимъ причищается и Крови.

Основаніемъ таинства св. причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ для обѣихъ церквей служитъ установленіе сего таинства Самимъ І. Христомъ, описанное всѣми евангелистами. Еван. Матѳей, въ глав. XXVI. ст. 26 и д., обстоятельно повѣствуетъ объ этомъ событіи: *Ядущимъ же имъ, пріемъ Іисусъ хлѣбъ, и благословивъ преломи: и даяше ученикомъ и рече: пріимите, ядите сіе есть тѣло мое и пріимъ чашу, и хвалу воздавъ, даде имъ глаголя: пійте отъ нея вси: сія бо есть кровь моя новаго завѣта, яже за многія изливаема во оставленіе грѣховъ.*—

Еван. Маркъ, въ гл. 14 ст: 22.—24., повѣствуетъ тоже, Ев. Лука, въ гл. XXII. ст. 19. говоритъ при этомъ, что Господь Іисусъ повелѣлъ творить это таинство и послѣ себя, въ Его воспоминаніе: *сіе творите въ мое воспоминаніе.*—Апостолъ Павелъ такъ пишетъ къ коринѳянамъ, что оно должно быть совершаемо въ память смерти Господа до самаго втораго пришествія Его: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ.* (1. Кор. глав. XI. ст:. 23—26) Еван. Іоаннъ, въ гл. VI ст. 53—59 такъ излагаетъ ученіе І. Христа объ установленіи сего святѣйшаго таинства, *Хлѣбъ, его же Азъ дамъ плоть моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра, плоть бо моя истинно есть брашно, и кровь моя истинно есть пиво. Аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его живота неимате въ себѣ. Ядый мою плоть и піяй мою кровь, имать животъ вѣчный: и Азъ воскрешу его въ послѣдній день.*

Сравнимъ это основаніе съ ученіемъ римлянъ: они говорятъ,—гдѣ Тѣло, тамъ и кровь,—но слово *изливаемо* показываетъ, что Кровь, во время страданій и смерти Спасителя была отдѣлена отъ Тѣла, и заповѣдалъ пречистое Тѣло ѣсть, а животворящую Кровь пить (1), въ воспоминаніе смерти Его; *елижды бо ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете,* учитъ апостолъ Павелъ,—что не достигается причащеніемъ одного только Тѣла. При томъ же І. Христосъ, отдѣльно подавая чашу, сказалъ: *пійте вси* и грозно указываетъ на послѣдствія неисполненія сего завѣта: *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ.*

И такъ позволительно ли произвольное толкованіе и неумѣстное умствованіе о такомъ важномъ предметѣ,—умствованіе столь противное самой опредѣленной Христовой заповѣди?

Въ оправданіе свое римляне приводятъ свидѣтельство древнихъ, говоращее, что отсутствующимъ и больнымъ вѣрнымъ посылали—одно только Христово Тѣло безъ Крови. Правда, что въ подобныхъ случаяхъ не носятъ чаши, но для этой потребы напаяли Тѣло святѣйшею Кровью, какъ православная церковь и нынѣ дѣлаетъ это съ запасными для больныхъ дарами, основываясь въ этомъ случаѣ на древнѣйшемъ церковномъ правилѣ.

---

(1) Иначе хлѣбъ нужно было бы *пить,* а вино *ѣсть.*

(*Продолженіе впредь*).

ИЗЪ ДНЕВНИКА ОДНОГО ЕВРЕЙСКАГО СМОТРИТЕЛЯ УЧИЛИЩЪ 1-го РАЗРЯДА. (1)

„Каковъ хозяинъ, таковы и домашніе."

Недавно моей судьбѣ захотѣлось освободить меня на нѣкоторое время отъ города съ неотлучными его компаньонами: шумомъ, пылью, крикомъ, гамомъ и доставить мнѣ удовольствіе подышать свѣжимъ, чистымъ воздухомъ лѣсовъ и полей. Съ этой цѣлью добрая судьба отправилась со мной въ мѣстечко N...., расположенное на правомъ берегу Нѣмана. Въ одно, не совсѣмъ прекрасное утро, я наскоро уложилъ въ чемоданъ свои вещи и отправился въ путь. Послѣ суточнаго движенія колесъ моей телеги, я очутился на маленькой площадкѣ мѣстечка N.... Я началъ протирать отъ пыли глаза и осматривать окружающіе площадку одноэтажные, деревянные домики, въ одномъ изъ коихъ, по указанію моей судьбы, мнѣ придется пробыть нѣкоторое время,— какъ вдругъ мнѣ бросилась въ глаза вывѣска съ русскими буквами. Подошедъ поближе къ дому, на которомъ красовалась эта рѣдкость, я, къ величайшему моему удовольствію, прочелъ: „Казенное перворазрядное училище." Я помирился съ моею судбою, на которую такъ еще недавно былъ сердитъ за то, что она затащила меня въ такую глушь, и велѣлъ фурману вести меня въ какую нибудь гостинницу, въ надеждѣ скоро возвратиться къ вывѣскѣ, чтобы познакомиться съ менторами училища и самымъ училищемъ. Но лишь только кони двинулись съ мѣста, какъ услыхалъ я голосъ, кричавшій: стой! стой! Я оборотился въ ту сторону, откуда слышенъ былъ зовъ, и, представьте себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ въ окнѣ училища моего стараго друга и товарища по училищу,— товарища, съ которымъ особенно сроднилась душа моя. Пріятель мой велѣлъ фурману внести вещи мои въ его квартиру, а я тѣмъ временемъ успѣлъ выкарабкаться изъ телѣги и взошелъ на лѣстницу, ведущую къ пріятелю. Послѣ обычныхъ привѣтствій и объятій, я вспомнилъ, что пріятеля слѣдуетъ поздравить съ кокардой, при чемъ я имѣлъ неосторожность прицѣпить

(1) Взято изъ недавней дѣйствительности.

слово „учитель". Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, позвольте вамъ замѣтить, что вы еще не знаете, съ кѣмъ имѣете честь говорить; я не какой нибудь простой учитель, мнѣ выпало на долю смотрительство, т. е., мнѣ ввѣрено все училище и я управляю имъ. Тутъ я принялся на новый ладъ поздравлять его съ высшимъ чиномъ и изъявилъ мое искреннее сочувствіе высотѣ его общественнаго служенія. Но вмѣсто обыкновенной монеты, которою платятъ за подобныя поздравленія, смотритель попоцчивалъ меня слѣдующими фразами: оставьте наше поприще, оно слишкомъ незавидно; да укажетъ вамъ Всевышній другое, лучшее. Эти слова такъ поразили меня, что я обратился въ олицетворенный знакъ вопроса и удивленія. Я сей часъ хотѣлъ-было попросить бѣднаго смотрителя, чтобъ онъ объяснилъ мнѣ причину недовольства его своимъ положеніемъ, но, чувствуя себя слишкомъ усталымъ нравственно и физически, попросилъ себѣ комнату; она была указана и я туда удалился.

Съ того времени всѣ мои мысли были заняты однимъ смотрителемъ и у меня не выходило изъ головы положеніе этого молодаго человѣка, и потому, при каждой новой встрѣчѣ съ нимъ, я всячески старался завести разговоръ объ училищѣ, а отъ него перейдти къ личнымъ интересамъ смотрителя. Но онъ всякій разъ, на перекоръ моимъ стараніямъ, находилъ случай дать разговору другое направленіе. Я уже начиналъ отчаеваться въ удовлетвореніи своему любопытству, какъ добрая судьба и тутъ явилась ко мнѣ на подпомогу. Однажды ночью, когда всѣ въ домѣ давнымъ давно погрузились въ міръ сонныхъ видѣній и только я съ смотрителемъ остались предъ чайнымъ столикомъ, дочитывая послѣдніе слолбцы „Гаккармеля" (единственный журналъ, получаемый въ N....), смотритель обратился ко мнѣ слѣдующими словами: вы, какъ я вижу, хотите знать, почему я такъ не расположенъ къ моей должности, отчего я не доволенъ положеніемъ, которое вамъ и многимъ другимъ, кажется не совсѣмъ дурнымъ, и которое, наконецъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ, имѣетъ даже довольно заманчивую наружность, такъ что, пожалуй, есть люди, готовые завидовать мнѣ. Чтобъ удовлетворить вашему любопытству и разсѣять оптимизмъ любителей смотрительства въ перворазрядномъ училищѣ, — я вамъ передамъ нѣкоторые эпизоды изъ моего дневника. При этихъ словахъ онъ немножко задумался, закурилъ сигару и началъ такъ:

„Въ прошломъ году я получилъ изъ виленскаго округа оф-

фиціальную бумагу, которая гласила, что я назначенъ смотрителемъ N-скаго перворазряднаго училища, гдѣ, до сего времени занималъ это мѣсто одинъ полякъ. По полученіи бумаги, я немедленно отправился въ N.... и заѣхалъ въ лучшую еврейскую гостинницу. Меня сначала приняли за христіанина (я, изволите видѣть, былъ въ мундирѣ), но когда я обратился къ домашнимъ на безсмертномъ жаргонѣ (для жителей N.... жаргонъ, кажется, безсмертенъ) во мнѣ признали своего единовѣрца. Узнавъ, что я изъ последователей Моисеева закона, хозяинъ немедленно явился ко мнѣ, привѣтствовалъ меня обычною формулою: „шаломъ а.лехемъ" (миръ съ вами) и спросилъ не лѣчу ли я больныхъ? Я отвѣчалъ ему, что, къ сожалѣнію, я не изъ числа этихъ счастливцевъ и сообщилъ ему о цѣли моего пріѣзда. Дѣйствительно, можно пожалѣть вмѣстѣ съ вами, сказалъ мнѣ хозяинъ, что вы не докторъ; такъ какъ у насъ народонаселеніе густое, то, будучи докторомъ, вы несравненно больше имѣли бы работы, чѣмъ будучи смотрителемъ. Ха! ха! ха!.... вырвалось изъ широкаго горла хозяина, послѣ нѣкоторрго молчанія,— скажите на милость, съ какой стати вы будете смотрителемъ, когда вамъ не надъ кѣмъ будетъ смотрительствовать; вѣдь тамъ въ школѣ вашей, думаю, всего на все *считается*, не забудьте, считается, восемь оборванныхъ мальчишекъ.

— Неужели у васъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ мало посѣщающихъ классы? спросилъ я хозяина.

— Честное слово говорю вамъ, что не больше.

— Скажите, Бога ради: отчегожъ такъ мало охотниковъ до ученья, вѣдь вы сами говорите, что здѣсь народу не мало?

—Евреевъ въ нашемъ мѣстечкѣ, слава Богу, очень то не мало; общество наше доходитъ даже до порядочной цифры, а учениковъ въ школѣ не много, потому что каждому еврею хочется, чтобы сынъ его былъ истиннымъ евреемъ, чтобъ онъ не былъ обстриженъ подъ гребенку, какъ солдатъ, и не сидѣлъ четыре часа съ открытою головою!!....

— А смотритель чего смотритъ? вѣдь ученіе для васъ теперь обязательно?

— Смотритель у насъ, извольте видѣть, полякъ. Не смотря на вашу обязательность, онъ насъ оставляетъ въ покоѣ.... Его мало интересуетъ, если наши дѣти не будутъ знать читать и писать порусски. Онъ постоянно намъ твердитъ: „по мнѣ хоть не будь ни одного мальчика въ классѣ, мнѣ все равно; жалованье я получаю

исправно. Но, не ровенъ часъ, наѣдетъ внезапно посѣтитель, тогда, пожалуй, могу еще мѣста лишиться.... поэтому давайте мнѣ хоть нѣсколькихъ учениковъ." Ну вотъ мы, ему въ угоду, достали восемъ бѣдныхъ мальчиковъ, а отцы этихъ дѣтей, въ свою очередь, имѣютъ оттого тоже свой хабаръ... имъ, как вамъ сказать, дѣлаются за то отъ общества кое-какія уступки и разныя одолженія.

„Выслушавъ такую *пріятную* для меня исповѣдь, я нисколько не упалъ духомъ и повторилъ хозяину, что я не полякъ, а истый еврей, что я люблю свой народъ и потому я хочу, чтобы мои единовѣрцы знали что нибудь... Я даже имѣлъ смѣлость обнаружить ему сильную надежду, что у меня пойдетъ дѣло другимъ порядкомъ и сказалъ: на Бога уповаю, что у меня будетъ больше ревности, наконецъ—больше наблюденія за обязательностью.

„Не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ говорится", прервалъ меня хозяинъ, „не скажи гопъ! пока не перескочишь", говоритъ здѣшняя пословица. Если вы такъ думаете, то могу васъ увѣрить заблаговременно, что вы съ нами бочки соли не съѣдите"!!.... Говоря это, хозяинъ повелъ нѣсколько разъ рукою по обѣимъ сторонамъ своего горбатаго носа и отошелъ отъ меня, какъ я замѣтилъ, въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

„Вотъ первое угощеніе, которымъ встрѣтилъ меня, въ первый день моего прибытія, какъ я узналъ послѣ, одинъ изъ главныхъ представителей N-скаго еврейскаго общества. Ночью, часовъ въ десять, мнѣ подали второе блюдо. Сидя у себя въ комнатѣ и размышляя, какъ тутъ мнѣ начать дѣло съ моими ретроградными упорными единовѣрцами, какъ приманить ихъ къ себѣ, чтобъ они имѣли ко мнѣ какое нибудь довѣріе, чтобъ они поняли, что я желаю имъ добра,—я вдругъ услыхалъ въ сосѣдней комнатѣ какой то шумъ. Я невольно приложилъ ухо къ стѣнѣ, грѣшный человѣкъ! и вотъ что услыхалъ: „Нѣтъ, началъ одинъ, не думайте, что намъ такъ дешево обойдется новый смотритель, не думайте, что мы съ нимъ такъ легко все устроимъ въ нашу пользу, какъ съ бывшимъ смотрителемъ; не думайте, что дѣти наши будутъ такъ свободно и исключительно заниматься талмудомъ, какъ въ счастливое былое время, нѣтъ! нѣтъ! говорю я вамъ, не льститесь такою прекрасною будущностью!!... Слыхали ль вы что онъ говоритъ? онъ насъ любитъ, сказалъ онъ, и потому хочетъ, чтобы дѣти наши знали понынѣшнему.... Ой! ой! ой! такая любовь хуже великой

ненависти, хуже самой смерти!!... Да спасетъ насъ Господь и нашихъ предковъ отъ этого человѣка„!!.. Эта молитва, составившая финалъ проповѣди, чуть не убила меня на мѣстѣ. У меня затуманилось въ глазахъ; мнѣ сдѣлалось дурно и отъ изнеможенія я ударился головою объ столъ. Отче небесный! сказалъ я, вотъ для чего я учился восемь лѣтъ въ раввинскомъ училищѣ, вотъ для какой цѣли я жертвовалъ моею будущностью!.. Мнѣ не хотѣлось лѣчить физическихъ ранъ моихъ собратій, я имѣлъ въ виду быть имъ полезнымъ въ нравственномъ отношеніи, мнѣ хотѣлось быть педагогомъ дѣтей нашего бѣднаго народа, и вотъ что меня ожидаетъ, вотъ какъ меня встрѣчаютъ! Меня гонятъ, какъ дикаго звѣря, отъ меня бѣгаютъ, какъ отъ заразительной чумы, отъ меня просятъ спасенія Всевышняго!!! Къ чему я тратилъ мои силы, къ чему учился, къ чему трудился?!

О моя юность!

О моя свѣжесть!...

„На слѣдующій день утромъ я отправился на ту сторону мѣстечка, гдѣ видѣлъ вывѣску съ русскими буквами, т. е., въ то счастливое мѣсто, откуда распространяется современное русское образованіе для N-скаго еврейскаго юношества. Очутившись въ коридорѣ училища, я принужденъ былъ остановиться на нѣсколько минутъ; мною овладѣло какое то тревожное чувство, — я никакъ не осмѣливался приступить къ дверямъ. При мысли о томъ, что я нахожусь въ зданіи, отъ имени котораго такъ трепещутъ сердца N-скихъ евреевъ, сердце во мнѣ такъ сильно стало биться, какъ билось нѣкогда сердце каждаго еврея при входѣ въ храмъ Соломоновъ. Простоявъ нѣсколько минутъ, я отворилъ дверь и вошелъ — въ классъ. Здѣсь мнѣ представилось самое оригинальное зрѣлище. На стулѣ, предъ маленькимъ классным столикомъ, сидѣлъ толстенькій баринъ, съ усами каждый длиною въ 1/4 аршина, и громко читалъ небольшую книжку, лежавшую предъ нимъ. Что это была за книжка, мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно; но что она была очень серьезнаго содержанія, я сей часъ догадался по внимательному и прилѣжному чтенію барина, а что онъ внимательно и прилѣжно читалъ, можетъ служить явнымъ доказательствомъ то, что онъ даже не замѣтилъ, какъ я вошелъ въ классъ, не смотря на то. что я былъ немножко небреженъ и порядочно хлопнулъ дверью. По всей плоскости комнаты широко раздвинулись шесть классныхъ скамеекъ, на послѣдней изъ коихъ сидѣли пять парней и отъ ску-

ки иные зѣвали, а другіе перелистивали какія то книжки. Не удостоиваясь вниманія польскаго смотрителя (это былъ онъ) минуты четыре, я далъ знать, что существую, посредствомъ общеупотребительнаго въ подобныхъ случаяхъ сигнала, а именно: я кашлянулъ изо всей мочи. Смотритель вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ... Я подошелъ къ столику и представился. *Winszuje*, (поздравляю) отвѣчалъ мнѣ польскій смотритель и началъ продолжать разговоръ на польскомъ языкѣ. Я извинился предъ нимъ, что не знаю польскаго языка и попросилъ его говорить со мною на отечественномъ языкѣ. Послѣднія слова мои ужасно разсердили ех—смотрителя, онъ вытарищилъ на меня такіе большіе глаза и скорчилъ такую прескверную гримасу, какія врядь ли удастся мнѣ видѣть еще разъ въ жизни. Я сначала не понялъ въ чемъ тутъ дѣло и хотѣлъ приписать неблагосклонность пана къ русскому языку особеннымъ причинамъ, но потомъ это объяснилось само собою и все вышло ясно, какъ день: въ разговорѣ ех—смотритель высказалъ такіе неловкіе и нелѣпые обороты, которые были бы смѣшны и въ устахъ уличнаго еврея.

— Почему такъ мало учениковъ сегодня въ классѣ? спросилъ я ех—смотрителя.

— Потому что ихъ никогда больше нѣтъ; во второмъ классѣ, правда записаны въ книгѣ еще три человѣка, но они, по особеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ, очень рѣдко бываютъ. Оттого по временамъ нападаетъ такая скука, что—волей неволей—берешь книгу и читаешь для развлеченья.

— А что это у васъ за книжка въ рукахъ?

— Она не по вашей части, торопливо сказалъ ех—смотритель,—она на польскомъ языкѣ.

Тутъ еврейскій смотритель остановился; часы пробили двѣнадцать. Въ подсвѣчникѣ догорѣлъ послѣдній огарокъ свѣчи и отбрасывалъ черную, густую тѣнь на стѣны комнаты. Мало-по малу тѣнь обхватывала и части потолка; въ комнатѣ становилось темнѣе. Бѣдный смотритель былъ погруженъ въ глубокую думу; на лицѣ его можно было прочесть и горькое отчаяніе, и печальную досаду. Желая вывести его изъ этого тяжкаго положенія, я прервалъ молчаніе.

— Что, спросилъ я, развѣ это все, что имѣете сказать о вашемъ мѣстечкѣ и что побуждаетъ васъ смотрѣть такъ мрачно на вашу священную службу?

— Ахъ и охъ! перебилъ меня смотритель и не далъ мнѣ окончить вопроса, которымъ я думалъ превратить все имъ разсказанное въ ничто и доказать ему, что всѣ эти исторіи, самыя обыкновенныя во всѣхъ еврейскихъ мѣстечкахъ, и выѣденнаго яйца не стоятъ. Неужто, сказалъ онъ, вы думаете, что это все? нѣтъ! прошу покорно подальше. Все что вы слышали есть только, такъ сказать, прологъ моего дневника, а самая суть впереди. Вамъ спать не хочется? спросилъ онъ меня.

— Я готовъ просидѣть цѣлую ночь и слушать васъ, отвѣчалъ я.

— Если такъ, то немножко продолжимъ. Смотритель зажегъ новую свѣчу, переложилъ одну ногу на другую, закурилъ въ другой разъ сигару и сталъ дальше читать свой дневникъ.

„На другой день по принятіи мною отъ quasi-смотрителя—поляка канцеляріи, библіотеки и училищнаго имущества, я созвалъ къ себѣ учениковъ и распрашивалъ ихъ обо всемъ, касающемся училища, о главныхъ лицахъ мѣстечка и правителяхъ. Отъ нихъ я узналъ, что самое главное лицо мѣстечка есть никто другой, какъ казенный раввинъ, что онъ составляетъ хвостъ и голову мѣстечка и что въ рукахъ его весь умъ и воля жителей, по старинному выраженію, какъ глина въ рукахъ горшечника, который стряпаетъ изъ нея что и какъ ему заблагоразсудится. Мнѣ стало легче на сердцѣ; въ немъ я думалъ найдти крѣпкаго сотрудника и помощника, но какъ я горько ошибся!. Я послалъ попросить его къ себѣ (1); но онъ долго заставилъ ждать себя, видно и его не чужды счеты визитами. Наконецъ раввинъ явился, и представьте себѣ мое изумленіе! это былъ содержатель той самой гостинницы, въ которую я заѣхалъ. Долго стоялъ я предъ нимъ, не зная, что сказать ему. Зная образъ его мыслей въ дѣлѣ воспитанія вообще и взглядъ его на N-скую школу въ особенности изъ перваго діалога между нами въ его домѣ, и узнавъ потомъ, что отъ него зависитъ вся судьба училища, слѣдовательно и моя собственная, я на все махнулъ рукой и вовсе не хотѣлъ говорить съ своимъ гостемъ. Но раввинъ самъ далъ починъ и направленіе слѣдующей бесѣдѣ.

— Вы вѣроятно, началъ онъ, хотите посовѣтоваться со мною насчетъ вашей школы и надѣетесь, безсомнѣнія, на мою помощь!

---

(1) Не совсѣмъ вѣжливо. Ред.

Такъ я вамъ напередъ скажу, что я никогда не вмѣшивался въ дѣла вашей школы и не думаю когда нибудь вмѣшаться. Я человѣкъ посторонній и нисколько не интересуюсь такими глупостями.

— Да какъ же это вы посторонній человѣкъ, спросилъ я его: вѣдь вы носите на себѣ названіе *казеннаго* раввина, вѣдь вамъ поручено смотрѣть за исполненіемъ всѣхъ обязанностей и предписаній не только правительственныхъ, но даже мѣстной администраціи?... Далѣе, какъ это вы позволяете себѣ называть воспитаніе юношества, о которомъ столько заботится наше гуманное правительство, глупостью?

— Мои обязанности, отвѣчалъ раввинъ съ негодованіемъ, знаю я лучше васъ; я въ здѣшнемъ мѣстечкѣ раввиномъ не со вчерашняго дня, а уже лѣтъ девять. Мое дѣло только записывать въ метрическую книгу новорожденныхъ, обозначать умирающихъ, дать позволеніе на обрѣзаніе, бракосочетаніе,— вотъ въ чемъ состоитъ моя должность, а не въ чемъ либо другомъ. Это во первыхъ. А что до вашего воспитанія, то его, по меньшей мѣрѣ, можно считать дѣломъ маловажнымъ, если не совсѣмъ лишнимъ. У насъ есть меламды, которые воспитываютъ дѣтей наилучшимъ образомъ: мальчикъ девяти лѣтъ уже знаетъ у нихъ нѣсколько трактатовъ талмуда, со всѣми комментаріями, такъ что если предлагаешь ему какой нибудь вопросъ, онъ отвѣчаетъ на всѣ четыре стороны, такъ что, право, иногда покраснѣешь по уши отъ стыда за предложеніе такого маловажнаго вопроса. А ваши школьники что знаютъ? читать и писать по русски?— эка важность!!... Охъ, охъ! развѣ это воспитаніе *еврейскихъ* дѣтей!... Вы скорѣе портите ихъ, нежели учите. Не дождавшись возраженія, раввинъ показалъ мнѣ спину, и хотѣлъ выйдти; но я удержалъ его. Сдѣлайте мнѣ хоть это одолженіе, сказалъ я ему, скажите мнѣ, у кого изъ здѣшнихъ евреевъ есть взрослые мальчики, которые способны быть учениками: я самъ пойду къ отцамъ и поговорю съ ними, а восъ мнѣ удастся увеличить скудное число учащихся, я буду вамъ за это много благодаренъ.

— Вы черезчуръ умны, сказалъ мнѣ раввинъ: вамъ хочется, чтобъ я вамъ указалъ на дѣтей израильскихъ, которыхъ вы намѣрены испортить! Нѣтъ, не нашли дороги, смотритель; я не изъ такого десятка... нѣтъ, повторяю я вамъ, я не токого закала, чтобы продавать еврейскихъ мальчиковъ!!... Тутъ онъ хлопнулъ дверью и вышелъ.

„Послѣ всего этого я рѣшился оставить закоренѣлаго фанатика, съ его зловредными предубѣжденіями, предаться всецѣло судьбѣ и ждать, что она приготовитъ для меня и для N-скаго училища. Двѣ недѣли я долженъ былъ довольствоваться 8-ью учениками, воспитанными на еврейскій ладъ—съ польскими затѣями, но за то всѣ они каждодневно посѣщали классы. Сначала мнѣ пришлось бороться съ ихъ упорнымъ и, быть можетъ, напускнымъ невѣжествомъ. Когда я задалъ имъ урокъ по русской книжкѣ, всѣ, въ одинъ голосъ, отнѣкивались и роптали, говоря, что каждый изъ нихъ знаетъ, на всякій случай, какое нибудь стихотвореніе, кто „Птичку Божію" Пушкина, а кто „Прохожіе и собаки" Крылова; но послѣ того, какъ я имъ объяснилъ и доказалъ, что они должны больше знать, что это обманъ ихъ, выучить только по одному стихотворенію, для декламировки предъ посѣтителями; что чѣмъ больше они будутъ знать, тѣмъ большее ожидаетъ ихъ счастье,—они замолчали и помирились со мною. Каждый день я замѣчалъ въ нихъ больше ко мнѣ расположенія и это было единственное мое утѣшеніе въ горькой моей участи, въ моемъ одиночествѣ.

„Познакомившись исподоволь съ N-скимъ обществомъ поближе, я началъ посѣщать вліятельнѣйшіе дома и часто проводилъ длинные зимніе вечера въ горячихъ бесѣдахъ съ батюшками и матушками стародавняго покроя, а частехонько и съ матушкиными сынками послѣдней еврейской моды. Узнавъ меня ближе, N-скіе евреи, въ свою очередь, сдѣлались со мною откровеннѣе. Нѣкоторые отцы настолько оказались современны, что изъявили желаніе отдать своихъ сыновей, воспитанныхъ въ чисто талмудическомъ духѣ, въ школу,—съ тѣмъ условіемъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ, они знали хоть писать порусски. „Я согласенъ съ вами, г. смотритель, сказалъ мнѣ одинъ изъ N-скихъ аристократовъ, что при основательномъ знаніи талмуда, не мѣшаетъ знать и свѣтскія мудрости; вѣдь сказано, что талмудисты знали всѣ языки и мудрости не только того времени, но и нашихъ временъ; отчего жъ не знать и моимъ сыновьямъ немножко по вашему, понынѣшнему? Но скажите сами, что за прокъ отъ вашей школы, если по окончаніи курса въ ней, воспитанникъ не знаетъ даже писать правильно порусски, не то чтобы читать и понимать кое-что! Вотъ напр., продолжалъ онъ разсуждать, сыновья моего бѣднаго брата пробыли въ школѣ пять лѣтъ, а что они знаютъ? ровно ничего."

Iротивъ этихъ словъ, высказанныхъ N-скимъ евреемъ изъ глуины души и, по всей вѣроятности, справедливо, я не нашелъ ничео сказать, что могло бы служить въ оправданіе школы; но тутъ днако я увидалъ, что дѣло начинаетъ идти на ладъ. Два часа употребилъ на то, чтобъ убѣдить компетентнаго еврея, что то нерадѣніе и незаботливость о пользѣ учащихся возможно было олько при польскомъ смотрителѣ, который отъ недоброжелательтва къ евреямъ, а больше всего отъ неблагосклонности ко всему усскому, не обращалъ вниманія на своихъ питомцевъ. Я прочелъ му програму перваго разряда, обѣщался держаться ея какъ моно строже и ручался за успѣхи учениковъ. Наконецъ мнѣ удаюсь заманить въ школу двухъ его сынковъ. Успѣхи первой моей иссіи заманили меня дальше. Какъ сомнамбулистъ, таскался я неустанно днемъ и ночью изъ дома въ домъ, чтобы собирать заблуждавшихъ овечекъ моего народа и навести ихъ на путь истины. Съ каждымъ днемъ росло число воспитанниковъ въ училищѣ, и какъ пріятно и весело было мнѣ на сердцѣ, когда, при исходѣ втораго мѣсяца, послѣ пріѣзда моего въ N.., въ обоихъ классахъ считалось 48 воспитанниковъ!

— Отъ восьми на 48, вѣдь это порядочный скачекъ, замѣтилъ я.

— Да разность не малая, но слушайте, что было дальше.

„Три мѣсяца занятіе въ классахъ шло, какъ по рельсамъ: всѣ воспитанники всегда находились налицо и оказывали блистательные успѣхи, —все было покойно, мирно, какъ нельзя лучше. Но предъ праздникомъ Омманскимъ (Пуримъ) счастье мнѣ измѣнило; противъ меня и училища въ мѣстечкѣ поднялась гроза. Ко мнѣ доходили слухи не совсѣмъ благопріяные для меня; всѣ они были въ родѣ слѣдующихъ: „мы его научимъ, онъ насъ будетъ помнить и здѣсь и тамъ, мы ему зададимъ, чтобъ своихъ не узналъ, или вотъ какого сорта: „Мы общество мѣстечка N. должны намылить смотрителю шею такъ, чтобъ онъ самъ бѣжалъ отъ ненужной для насъ мудрости, мы докажемъ разъ навсегда всѣмъ и каждому, что мудрость мудростью, а еврейское общество обществомъ!!...“ Дѣло было вотъ въ чемъ. Въ мѣстечкѣ узнали, что я преподаю библію, не на жаргонѣ, но въ русскомъ переводѣ, а этого только не доставало, чтобы раздражить гусей, или лучше сказать, чтобы развязать руки моимъ врагамъ, искавшимъ уже давно повода къ серьознымъ столкновеніямъ; ну вотъ я имъ и далъ отличный поводъ.

Библія не на еврейскомъ языкѣ (на жаргонѣ значитъ)!... гдѣ это слыхано между евреями! Ой намъ, вей намъ!.. До чего мы, наконецъ, дожили!.. Святая Тора изучается сынами Израиля на чуждомъ языкѣ!... Нѣтъ, не допустимъ этого, не допустимъ, чего бы то намъ не стоило!!!

„Въ мѣстечкѣ все закипѣло противъ меня негодованіемъ. Противникамъ всякаго добраго дѣла, всякой здравой мысли, удалось удалить отъ меня и тѣхъ учениковъ, которыхъ я успѣлъ уже заманить въ школу, и на дружбу коихъ я истратилъ столько усилій и времени. Всѣ, отъ мала до велика, ополчились противъ нововведенія; каждый старался принести посильную лепту общему противъ меня негодованію. Меня стали обвинять въ неслыханныхъ преступленіяхъ, составляли противъ меня приговоры, а въ подписяхъ, конечно, не оказывалось недостатка.

— Приговоры? это что за птица? спросилъ я, въ чемъ могли васъ обвинять N-скіе идіоты, когда вы вели дѣла ваши, какъ нельзя законнѣе и раціональнѣе? право, въ толкъ не беру?

— Въ чемъ меня обвиняли, право, я и самъ не знаю, а знаю только, что казенный раввинъ и польскій смотритель скитались по мѣстечку съ бумагою въ рукахъ и вербовали подписи. Благо еще, что начальство учебнаго округа знаетъ меня съ хорошей стороны, а то давно бы лишился я куска хлѣба.

— Первая гроза прошла, какъ въ пустынѣ, не причинивъ никакого вреда ни мнѣ, ни училищу; но вотъ что принесла мнѣ вторая.

— Извините, г. смотритель, сказалъ я, какъ скоро замѣтилъ, что онъ готовъ продолжать чтеніе: уже слишкомъ поздно, оставьте кое что на другой разъ.

— Ну, пусть будетъ и на другой разъ.

Лазарь П—нъ.

(Окончаніе будетъ).

ПОЛЯКУЮЩІЙ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА (N. N.)

(Окончаніе).

Пала ты, какъ травка полевая, подъ косой искуснаго косца!

Добролюбовъ.

4.

Плоды польскаго катехизиса.

Когда я пришелъ въ себя, мнѣ чувствовалось, будто бы мое сердце оторвалось и на его мѣстѣ осталась болѣзненная пустота. Все прошедшее казалось мнѣ какимъ то мутнымъ сномъ, какою то хаотическою путаницею лицъ и событій. Предомной на диванѣ сидѣлъ горько плачущій Ѳома Петровичъ, судорожно сжимая въ рукѣ роковое письмо выроненное мной. Я смотрѣлъ на жалкаго отца и не чувствовалъ къ нему ни малѣйшаго состраданія, какъ будто бы все это такъ и должно быть, какъ будто бы я и не любилъ Юлію. Прежде я плакалъ отъ мотива родной пѣсни: „Лучина лучинушка", а теперь не только ни слезинки, но даже ни какого внутренняго волненія. Странная человѣческая натура!...

— Что жъ мнѣ предпринять?... научите, ради Бога, — обратился ко мнѣ Морсовъ.

— Подождите нѣсколько дней... Теперь ужъ всякая погоня будетъ безполезна; обвѣнчаются и возвратятся, — сказалъ я, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Хорошо какъ обвѣнчаются, а какъ, избави Боже, этотъ хлыщъ опозоритъ ее, да потомъ и броситъ?!...

— Не безпокойтесь, Ѳома Петровичъ, Юлія Ѳоминишна настолько умна, что не допуститъ такъ уронить себя.

— Не говорите этого... я больше жилъ вашего на свѣтѣ, знаю людей лучше васъ... Эти пустозвоны хоть кого сведутъ съ ума... Господи Боже мой! За что на старости лѣтъ послалъ Ты мнѣ такое испытаніе, вопилъ отчаянный Морсовъ.

— Будьте тверды, не падайте духомъ, сказалъ я.—

— Какъ не падать духомъ?!... Вы не знаете глубины сердца родителей, вы не понимаете великости нашего злополучія. Одна у насъ Юлинька одна радость, одно утѣшеніе и вдругъ!.. И не докончивъ, Морсовъ захлебнулся въ рыданіяхъ.

Мои утѣшенія были безполезны. Ѳома Петровичъ плакалъ какъ маленькій ребенокъ.

— Это обманъ со стороны Бояркина; подлый обманъ... Жениться нельзя; у ней при себѣ нѣтъ ни какого вида. Прежде водились священники, которые вѣнчали перваго встрѣчнаго и поперечнаго. теперь не то время, особенно въ западномъ краѣ; при нынѣшнемъ положеніи и думать объ этомъ смѣшно... О, Господи помилуй! продолжалъ Ѳома Петровичъ.

— Да какъ же это случилось? спросилъ я Морсова, когда онъ намѣревался ѣхать домой.

— Да ужъ и самъ не знаю какъ... сегодня утромъ за чаемъ хватились мы Юлиньки; горничная наша и говоритъ намъ: барышни нѣтъ дома. Гдѣжъ она? спорсилъ я ее. Не знаю, говоритъ, должно быть къ заутрени пошли, да вѣроятно и обѣдню слушаютъ.— Мы съ женой сначала и успокоились, но вотъ проходитъ часъ, другой, заходитъ отъ обѣдни отецъ благочинный: кончилась, батюшка. обѣдня? спросилъ я его; кончилась, говоритъ. А не была ли нынѣ Юлія въ церкви? Нѣтъ, кажется, не была, не видалъ. Да не спитъ ли она на диванѣ, подумалъ я и пошелъ въ ея спальню; гляжу вокругъ,—а ея нѣтъ—какъ нѣтъ... Осматриваю комнату внимательнѣй, и вижу на столѣ запечатанный конвертъ; я взялъ конвертъ, посмотрѣлъ на адресъ: „къ моимъ родителямъ, въ собственныя руки", написано, сломавъ печать, я вынулъ письмо,—вотъ это самое роковое письмо; читаю, и глазамъ не вѣрю... кликнулъ жену. она прочитала, да такъ и рухнулась, какъ мертвая, на полъ... насилу въ чувство привели... Потомъ вотъ я къ вамъ пріѣхалъ. заключилъ Морсовъ.

— А горничная ничего объ этомъ не знаетъ? спросилъ я.

— Не знаетъ ничего... да еслибъ и знала, то повѣрьте намъ передалабъ—заранѣе... Ѳхъ, Господи помилуй! Я не знаю, что мнѣ теперь и дѣлать,—какъ мнѣ смотрѣть-то на людей?! Смѣяться будутъ; пожалуй, почтутъ семейнымъ деспотомъ, начнутъ звонить во всѣ уши то, чего и не бывало.

— Не безпокойтесь; вась здѣсь знаютъ хорошо;—всѣ любятъ васъ, а на полскій людъ, по моему, обращать вниманіе и придавать

ихъ словамъ значеніе, право, не стоитъ. Всѣмъ извѣстно, что здѣсь истинный русскій человѣкъ составляетъ мишень, въ которую летитъ польская клевета и грязь... Они готовы чернить всякаго русскаго, имъ больше ничего не остается дѣлать, какъ заниматься этимъ постыднымъ мазурничествомъ... Такъ пускай ихъ воркуютъ; вамъ отъ этого хуже не будетъ. Не лучше ли успокоиться, да потомъ подумать хорошенько, какъ бы это дѣло поправить?...

— Да...да нужно... пріѣжайте къ намъ сиротамъ черезъ часикъ; умъ хорошо, а два лучше, и священникъ будетъ у насъ...а?

— Непремѣнно.

— Ну, пока до свиданья; поѣду къ женѣ что то она бѣдная?... такъ я васъ жду?

— Буду непремѣнно.

Морсовъ уѣхалъ, а я началъ безсознательно ходить по комнатѣ.

Мозно?—высовывая свою голову изъ задверей, спросилъ факторъ еврей.

— Войди.

— А вы знаете цто Бояркинъ здѣлалъ? сказалъ еврей затворая дверь.—

— А что?

— Ухъ... нехъ панъ Букъ брони!

— Что же?

— Гвалтъ...дали Букъ гвалтъ, увезъ доцку господина испрвника...

— Кто тебѣ сказалъ?

— Всѣ знаютъ... всѣ...

— Знаю и я.

Факторъ вытаращилъ глаза, и физіономія его приняла испуганный видъ.

— Ну цто съ нимъ будетъ?... что ему будетъ?

— Кому?

— Бояркину.

— Да, сыщешь ты его теперь,—какъ же!..

— Ай вай, отцего же—не сыскать... полиція сысцетъ...

— Разузнай поди хорошенько, куда онъ поѣхалъ, и если узнаешь, гдѣ онъ находится, пятьдесятъ рублей тебѣ.

— Заразъ,—пане, сказалъ еврей, исчезая за дверями.

— Да позови моего человѣка.

— Слусаюсь!

Одѣвшись, я отправился къ Морсовымъ, гдѣ засталъ уже священника и военнаго начальника. Общимъ совѣтомъ рѣшили сей часъ же послать въ В....... эстафету къ полицмейстеру о задержаніи Бояркина и Юліи Ѳоминишны,— такъ какъ узнали на почтовой станціи, что Бояркинъ отправился по дорогѣ въ это мѣсто. Отправивши эстафету, послали на станцію за ямщикомъ, который возилъ Бояркина на первую станцію, но онъ еще не возвращался.

— Ну, пройдоха же Бояркинъ! Вѣдь какъ онъ ловко успѣлъ подделаться къ намъ! Морсовъ и я за него постоянно хлопотали, освободили отъ слѣдствія; помогли ему въ продажѣ имѣнія, и вотъ благодарность,— сказалъ военный начальникъ, когда мы выходили отъ Морсовыхъ.

— Да, признаюсь, не ожидалъ отъ него такой подлости, сказалъ я.

— Онъ извѣстный негодяй. Я удивляюсь, какъ это Ѳома Петровичъ пускалъ его къ себѣ, прибавилъ священникъ.

— Успѣлъ заискать, извергъ, довѣренность и любовь къ себѣ, продолжалъ военный началникъ.—

Раскланявшись съ моими собесѣдниками, я пошелъ домой. Чрезъ четверть часа явился запыхавшійся факторъ.

— Баринъ! сей цасъ пріѣхалъ ямщикъ, якій возилъ Бояркина; идетъ сюда, къ вамъ письмо есть... я хотѣлъ взять, да ямщикъ не далъ; на цай, мувитъ, мозе дадутъ.

— Письмо ко мнѣ?

— А такъ, ясновельмозный господинъ—панъ, такъ, отвѣчалъ еврей.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ ямщикъ.

— Вашему благородію письмо отъ барышни, сказалъ онъ, подавая мнѣ письмо.

Съ лихорадочною поспѣшностью схватилъ я письмо и бѣгло прочелъ его; оно было такого содержанія: „Дорогой мой братъ N N... Съ этого дня я буду называть и любить васъ какъ брата, какъ друга, но неболѣе. Вы опоздали своимъ предложеніемъ; мое сердце далеко прежде было отдано моему Леониду... котораго на дняхъ я буду женой. Не сердитесь на меня за запоздалый отвѣтъ; я долго колебалась... Умъ и сердце ссорились между собой и сердце вышло побѣдителемъ. Не упрекайте меня за то, что бросила отца и мать и послѣдовала за своимъ суженымъ. Я дѣйствовала какъ автоматъ, я и доселѣ не знаю, что со мною дѣлается, я безотчетно слѣдую за

Леонидомъ, и думать ни очемъ не способна; знаю только, что я его люблю, люблю безъ ума и слѣпо повинуюсь его волѣ. Звонъ колокольчика—напоминаетъ мнѣ что я ѣду, а куда не знаю... Умоляю васъ самимъ Богомъ не оставляйте и успокаивайте моихъ родителей до моего возвращенія; я знаю, что поставила ихъ въ тяжелое положеніе. Поцѣлуйте у нихъ за меня ручки. Любящая васъ сестра Юлія Морсова.“—

Теперь все ясно, подумалъ я и далъ полтинникъ ямщику, который поклонился и намѣревался выйдти вонъ.

— Постой, погоди, сказалъ я ему.

Ямщикъ повиновался.

— Откуда ты взялъ барышню вчерась? спросилъ я его.

— За городомъ, около погоста; тамъ мы съ бариномъ и дожидались, отвѣчалъ ямщикъ.

— Это ночью было?

— Да-съ... Ужъ первые пѣтухи пропѣли...

— Чтожъ—когда она садилась, ничего не говорила?

— Дюжо плакала... Что ты, говоритъ, дѣлаешь со мной? говорила она барину, а баринъ—то, ни слова не говоря, посадилъ ее въ тарантасъ, да крикнулъ мнѣ: лети, говоритъ, стрѣлой,— трехъ—рублевую на чай получишь, а я, извѣстно барской волѣ препятствовать не могу... началъ стегать лошадей, въ часъ двадцать верстъ проскакалъ.

— Долго они на станціи были?

— Пока лошадей не перепрягли, и чаю не пили... только записку вашему благородію барышня написали.

— А на словахъ тебѣ ничего не приказывала баришня?

— Ничего, ваше благородіе, только письмо велѣла отдать вашей милости.

— Ступай!

Ямщикъ поклонился и вышелъ.

— Ну цто ему будетъ?... цто съ нимъ будетъ? снова спросилъ меня еврей.

— Да—съ кѣмъ?

— А съ Бояркиномъ?

— Ахъ, отстань ты, пожалуста, съ нимъ;— сходи къ инвалидному начальнику и попроси его сюда, приказалъ я фактору.

— Въ тенъ моментъ, сказалъ онъ, уходя.

Чрезъ часъ пріѣхалъ ко мнѣ инвалидный начальникъ; я ему хотѣлъ сообщить эту непріятную новость, но онъ перебилъ меня.

— Слыхалъ я уже; весь городъ гудитъ объ этомъ, а вы посмотрѣли бы на лица поляковъ, которые всякой непріятной новости для русскихъ радуются... Надъ чѣмъ вы, говорю, смѣетесь? надъ собой? Вѣдь Бояркинъ—то вашъ—и духомъ и тѣломъ, только и русскаго въ немъ что фамилія... Ругаются,—одинъ даже шпіономъ меня назвалъ. Ну да чортъ съ ними... Дай Богъ, что бы новаго начальника края—назначили такого, который бы поддержалъ—начатое дѣло Михаиломъ Николаевичемъ; а то поляки опять носы задернули, говорилъ инвалидный начальникъ.

Долго мы съ нимъ проговорили о Бояркинѣ и Юліи Ѳоминишнѣ и вмѣстѣ отправились къ Морсовымъ, которые были неутѣшны.

Прошелъ день—другой; на третій рано утромъ Ѳома Петровичъ получилъ отвѣтную эстафету отъ В... полицмейстера—слѣдующаго содержанія—

„М. Г. и проч:—Душевно раздѣляю ваше горе, но къ несчастію, не смотря на мое сердечное желаніе, помочь ему не могу. По всѣмъ справкамъ оказалось, что ни Бояркинъ, ни ваша дочь въ нашъ городъ еще не пріѣзжали. Если же будутъ, то съ моей стороны все будетъ сдѣлано. Такой то“—

Не буду описывать слѣдующіе дни—дни отчаянія Морсовыхъ. Всякій честный человѣкъ знаетъ, какъ убійственно—тяжелы они для тѣхъ, у которыхъ вырвали любимую дочь. Скажу только, что посылали гонцовъ въ разныя стороны, но о похитителѣ и похищенной не забрали никакихъ слуховъ,—какъ будто они сквозь землю провалились.

Во время этой суматохи, я находился въ какомъ то неопредѣленномъ состояніи: мнѣ хотѣлось выплакать свое горе, которое я глубоко чувствовалъ, но не могъ плакать. Стараясь анализировать душевное свое состояніе, я нашелъ, что ударъ поразившій меня былъ такъ силенъ, что убилъ во мнѣ чувствительную сторону—и словно парализировалъ весь мой организмъ. Такъ часто случается видѣть людей, пристально смотрѣвшихъ въ могилу, куда только что опустили для нихъ дорогое родное существо; они не плачутъ, у нихъ даже нѣтъ отпечатка на лицѣ душевныхъ страданій. Пытливый физіономистъ можетъ только прочесть на ихъ лицахъ недовольство самими собой и горькое разочарованіе къ жиз-

ни; но эти, повидимому, невозмутимыя личности страдаютъ болѣе плачущихъ и видимо горюющихъ. Они не сознаютъ своихъ страданій и мукъ, но они страдаютъ—убійственно и разрушительно для человѣческаго организма. Ихъ стоны глухи и непонятны для другихъ. Послѣ слезъ, почти всегда становится легче; туча горя, словно вылилась дождемъ слезъ. Не то испытываютъ первые! на долю ихъ выпадаютъ безконечныя муки до самой могилы. Тоже самое испыталъ и я.

Прошла недѣля, другая, третья,—вотъ протянулся и мѣсяцъ, наступилъ другой, а объ Юліи Ѳоминишнѣ и Бояркинѣ не было ни какихъ слуховъ. Старики Морсовы приходили въ отчаяніе. По городу N*** ходили разные слухи и толки, выдуманные сторонниками польской справы и, конечно, компрометирующіе одну Юлію Ѳоминишну.

Но вотъ пришло къ намъ извѣстіе, что Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ пожалованъ графомъ, что новый начальникъ края К. П. фонъ-Кауфманъ прибылъ въ Вильну и что *еюмосцей* какъ громъ поразили слова его: „я ни на шагъ не отступлю отъ дѣйствій, принятыхъ моимъ предмѣстникомъ“. Поляки опять опустили свои головы, опять началось лицемѣріе и униженіе, опять попрятались въ свои тайники, изъ кторыхъ такъ бодро выползли на свѣтъ Божій. Графъ Жердоковскій, прозванный какимъ то острякомъ индѣйскимъ пѣтухомъ безъ кишки, снова принялъ свою тихую походку; лицо его, представляющее собой полнолуніе, и лишенное всякаго выраженія и экспрессіи, обзавелось нѣсколькими морщинами.

Ровно чрезъ недѣлю послѣ вышесказаннаго извѣстія, радостнаго для всякаго русскаго, рано утромъ я получилъ съ почты письмо, на кувертѣ котораго было нѣсколько почтовыхъ печатей „Вержболово“, „Варшавская желѣзная дорога“. Распечатавъ кувертъ, я вынулъ письмо, рука была незнакомая и безъ подписи, содержаніе слѣдующее. „Впередъ совѣтую вамъ никого не называть подлецомъ, потому что за оскорбленіемъ всегда слѣдуетъ удовлетвореніе и я удовлетворенъ. Возмите вашу невѣсту, она ждетъ васъ въ городѣ Г***, въ заѣзжемъ домѣ „Красное сердце“. Я вамъ говорилъ, чье сосалъ я молоко, а потому, пренебрегая дуэлью, я не пренебрегъ мщеніемъ болѣе чувствительнымъ. Милый другъ вашъ“.

— Подлецъ! снова вырвалось у меня.—

Медлить было нечего, и я сейчасъ же отправился къ Морсовымъ.

Въ гостинной я засталъ обоихъ горюющихъ Морсовыхъ, которые приходу моему были очень рады.

— Я пришелъ къ вамъ, Ѳома Петровичъ, переговорить объ очень важномъ дѣлѣ.

— Говорите—говорите... Ужъ не объ дочери ли?, спросилъ меня Ѳома Петровичъ—

— Да, о ней.

— Что же такое?... говорите скорѣе.

— Дадите ли слово исполнить мои требованія? если даете. то я постараюсь возвратить вамъ дочь...

— Даю... даю... трепещущимъ голосомъ сказалъ Ѳома Петровичъ.

— Не слыхали ль чего нибудь о Юлинкѣ? озабоченно спросила супруга его.

— Нѣтъ ничего не слыхалъ, но надѣюсь найдти ее, а какъ это моя тайна, то и мое дѣло, ваше же—дать мнѣ слово...

— Да я ужъ сказалъ что даю...

— Хорошо... я потребую отъ васъ, во первыхъ, не дѣлать ни малѣйшаго упрека вашей дочери, но съ отеческой любовью открыть для нея свои объятія—и...

— Согласенъ—согласенъ заранѣе.... Вѣдь мы любимъ ее, перебилъ меня Ѳома Петровичъ.—

— Только бы возвратилась... сказала супруга его, заливаясь слезами.

— Второе,—продолжалъ я, вы должны дать мнѣ согласіе на бракъ съ вашей дочерью,— я предложу ей руку...

Оба Морсовы—удивленно посмотрѣли на меня, у Ѳомы Петровича набѣжали слезы—и онъ, заплакавъ, бросился ко мнѣ на шею...

— Ваша будетъ... ваша... только возвратите намъ ее... Она добрая, съ ней вы будете счастливы, а мы будемъ васъ любить, какъ родного сына...

— Ну теперь мнѣ больше ничего не нужно. До свиданья,—сказалъ я, намѣреваясь выйдти.—

— Куда же вы? спросилъ Морсовъ.—

— Въ казначейство за подорожной, а потомъ и въ путь, а куда этого пока я вамъ не скажу.

— Ну Богъ—благославитъ васъ на доброе дѣло!... Прощайте, сказалъ Ѳома Петровичъ, провожая меня.

Часа чрезъ два я уже выѣзжалъ—изъ города N***, а на дру-

гія сутки былъ въ городѣ Г***ѣ.

— Кудажъ, пане, прикажете везти васъ? спросилъ ямщикъ.

— Въ заѣзжій домъ „Красное сердце", сказалъ я.

Чрезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ этой плохой и вмѣстѣ съ тѣмъ единственной гостинницѣ.

— Здѣсь живетъ молодая дама? спросилъ я номернаго.

— Якая дама? выпучивъ безсмысленно свои на меня глаза, спросилъ онъ.

— Да тутъ есть пріѣзжая дама или нѣтъ? спросилъ я снова...

— Есть молодая пани...

— Русская или полька?

— Русская.

— Какъ ея фамилія?

— Якъ ея фамилія—то?...

— Да.

— За позволеніемъ пана... заразъ узнаю у хозяина, сказалъ коридорный и ушолъ.

Что если не она? подумалъ я.

Въ это время въ сосѣднемъ нумерѣ послышался слабый женскій кашель.

— А Богъ ее знаетъ, какъ ея фамилія—то... У ней, пане, нѣтъ билета; а сама она не говоритъ кто она, возвратившись отвѣчалъ коридорный.

— Давно она здѣсь живетъ?

— А будетъ недѣлю на другой мѣсяцъ, аль-бо двѣ...

— Она одна пріѣхала сюда?

— Съ паничомъ какимъ то пріѣхала, тотъ уѣхалъ, а она осталась одна...

Ясно какъ Божій день,—это она, подумалъ я.

— Въ которомъ нумерѣ она живетъ?

— А вотъ въ этомъ, отвѣчалъ коридорный, указывая на сосѣднюю дверь.

— Хорошо, ступай.

Человѣкъ вышелъ,—а я въ раздумьи и нерѣшимости началъ ходить по комнатѣ,— прошло нѣсколько минутъ и я скрѣпя сердце, заперъ свой номеръ на ключъ и съ лихорадочнымъ волненіемъ взялся за ручку двери и не помню какъ отворилъ ее...

На диванѣ сидѣла Юлія Ѳоминишна, рука ея, упершаяся на столѣ, поддерживала склонившуюся голову; лицо ея было блѣдно

и изнуренно, подъ глазами образовались красные опухшие кольца,— признакъ частыхъ слезъ. Долго она смотрѣла на меня безъ всякаго движенія, потомъ лицо ея подергнулось какой-то ядовитой улыбкой, на глазахъ набѣжали слезы,— схвативъ платокъ, она поднесла къ глазамъ и дрожащимъ голосомъ сказала.

— Здравствуйте...

Я подошелъ къ ней и, молча, пожалъ ея руку.

— Живы ли, здоровы ли мои родители? спросила Юлія Ѳоминишна, послѣ долгого гробоваго молчанія.

— Слава Богу, живы и здоровы; только по васъ очень горюютъ, отвѣчалъ я.

— Давно вы изъ N***—? спросила она, немного успокоиваясь.

— Вчерашній день, отвѣчалъ я.

— Какъ вы узнали, что я здѣсь?

— Я показалъ ей письмо; она взяла письмо и нѣсколько разъ пробѣжала его глазами.

— Это рука не его, сказала она, стараясь не смотрѣть на меня.

— Да, не его, но письмо все таки отъ него, отвѣчалъ я.

— Я ни о чемъ теперь не могу говорить... Я убита горемъ... Какъ брату скажу вамъ, что я его еще люблю... Ахъ! какъ больно пошутила со мной судьба! сказала Юлія Ѳоминишна, тяжело вздыхая.

Я молчалъ.

— Впрочемъ, я о себѣ не безпокоюсь; я только страдаю за моихъ родителей... Страдаю много... Я увѣрена, что это ихъ убьетъ, продолжала она.

— Все можно поправить, Юлія Ѳоминишна, лишь бы только вы не противились ихъ желанію, сказалъ я.

— Поправить?... Поправить?... Что вы этимъ хотите сказать?

— Поѣдемте домой.

— Домой!... А знаете ли, что не смотря на мое единственное желаніе, на мою мечту видѣть моихъ родителей—я не могу этого сдѣлать.

— Почему же?

— Я стыжусь поднять на нихъ глаза, я обманула ихъ, я убила ихъ.

— Не думайте такъ, Юлія Ѳоминишна. Не услышите отъ нихъ вы ни одного упрека; напротивъ, вашъ пріѣздъ оживитъ ихъ, вы забудете про этого негодяя и все пойдетъ по старому.

— Ахъ! не говорите мнѣ этого... Былое для меня не вернется, мое счастье разбито...

— Время все передѣлываетъ по своему,—видоизмѣняетъ природу и людей. Быть можетъ въ вашемъ сердцѣ есть и для меня маленькій уголокъ; тогда вамъ стоитъ только согласиться быть моей, и я возобновлю свое предложеніе.

При этомъ Юлія Ѳоминишна строго взглянула на меня и, горько улыбнувшись, заплакала.

— Я не думала, чтобъ и вы могли смѣяться надо мной.

— Не обижайте меня, Юлія Ѳоминишна, —я люблю васъ еще больше когда вы несчастны.

— Любите?... Быть можетъ и любите, но для той, которую вы назывете женой своей, недостаточно одной любви,—надо ее уважать, а меня уважать, я уверена, вы теперь не можете; въ вашихъ глазахъ, быть можетъ, я по.....

— Не договаривайте, ради Бога, не договаривайте; я люблю и уважаю васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!... тайный голосъ шепчетъ мнѣ, что вы дѣлаете мнѣ предложеніе изъ состраданія: вы любите меня, я это вижу и хотите сдѣлать жертву для меня, для моихъ родителей...

— Клянусь вамъ всѣмъ священнымъ въ мірѣ, что нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. Согласенъ, что на всякую жертву для васъ я готовъ, но тутъ я ни жертвую ничѣмъ; напротивъ, я пріобрѣтаю дорогое милое для меня существо, съ которымъ рука объ руку пойду по жизненному пути... Не отказывайте же мнѣ въ этомъ счастіи.

— Ни отказать, ни принять это предложеніе въ настоящее время я не могу... Я такъ много въ эти двѣ недѣли испытала горя, что рѣшительно ни о чемъ серьозномъ мыслить и говорить неспособна. Сперва доставьте мнѣ случай упасть къ ногамъ моихъ родителей, а тамъ я посмотрю.

— Въ такомъ случаѣ сегодня же ночью выѣдемъ отсюда, сказалъ я.

— Чѣмъ скорѣе брошусь я въ объятія моихъ безцѣнныхъ, тѣмъ лучше, воскликнула она съ жаромъ...

Долго мы проговорили съ ней и рѣшили ѣхать ночью. Къ вечеру разговоръ нашъ принималъ больше живости.

— Вы не знаете, какъ меня оскорбляли въ этой гостинницѣ! О, это хуже всякой пытки—хуже адскихъ мученій,—сказала Юлія Ѳоминишна предъ отъѣздомъ.

— Кто же? спросилъ я.

— Хозяинъ этой гостинницы. Представьте себѣ, онъ каждый день приходилъ ко мнѣ съ самыми наглыми, съ самыми подлыми предложеніями. Много мнѣ стоило труда отдѣлываться отъ нихъ... Подсылалъ двухъ жидовокъ съ предложеніемъ переѣхать къ нему; факторъ этой гостинницы то — и дѣло обивалъ пороги моего нумера и говорилъ о какихъ то богатыхъ мущинахъ. Хозяинъ даже осмѣлился привести ко мнѣ въ нумеръ какого то пьянаго офицера, плохо говорящаго порусски, который, наговоривъ мнѣ тысячу дерзостей и выдавая себя за барона, вышелъ съ ругательствами изъ моей квартиры. Положеніе мое было какъ видите болѣе чѣмъ незавидное, но я все крѣпилась и не рѣшалась писать къ родителямъ. Дня три тому назадъ я продала чрезъ фактора свой браслетъ и расплатилась съ хозяиномъ, думая, что послѣ этого онъ оставитъ меня въ покоѣ, но не тутъ-то было: вчера онъ снова явился съ дерзкими предложеніями и въ случаѣ моего отказа, угрожалъ выгнать меня сегодня изъ своей гостинницы, такъ какъ у меня нѣтъ никакого вида, а если приму его грязное предложеніе, то могу жить, сколько мнѣ хочется..... Чтобы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? спросила Юлія Ѳоминишна.

— Выѣхалъ бы отсюда, отвѣчалъ я.

— И я рѣшилась выѣхать и выѣхать въ самыя далекія страны.

— Куда же?

— Туда, гдѣ нѣтъ ни стоновъ, ни слезъ, гдѣ нѣтъ зла и неправды, однимъ словомъ въ вѣчность,—а тутъ же кстати на берегу рѣки есть крутой обрывъ: я бы бросилась въ воду какъ Катерина—въ „Грозѣ“, вы видѣли эту піесу?

— Я утвердительно покачалъ головой.

— Я предпочла броситься лучше въ рѣчной омутъ, нежели въ жизненный омутъ правственной погибели. Если бы вы не пріѣхали сегодня, то завтра я навѣрно была бы въ царствѣ рыбъ.

Не дослушавъ ея, я отправился къ хозяину гостинницы, въ короткихъ, но полныхъ негодованія словахъ высказалъ ему всю низость его поведенія съ Юліей Ѳоминишной, выдавая ее за свою сестру.

— А цо-жъ панъ гнѣваеться... Якъ она ваша сестра, то прошу дать мнѣ билетъ ея, я ея не знаю и не маю часу знать, якая она такая, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ гостинницы съ плутовскимъ нахальнымъ лицомъ.

— Чрезъ полицію узнаете, кто она, сказалъ я сгоряча.

— Ну цо-жъ полиція?... Для чего до полиціи?... Я эту пани и не знаю, она у насъ и не жила, она съ вами пріѣхала, продолжалъ хозяинъ.

Я не выдержалъ и плюнулъ ему въ лицо.

— Цо то есть?!... Якъ же вы можете плевать въ меня, бо я есть шляхтичъ родовитый... я пойду до пана полицмейстра и падамъ до ногъ.....

— Жалуйтесь кому хотите, сказалъ я, удаляясь.

Поздно ночью мы съ Юліей Ѳоминишной выѣхали изъ города Г............ Разговоръ нашъ какъ то не вязался. Юлія Ѳоминишна была задумчива и, я не рѣшился прервать ея молчаніе. Бываютъ моменты въ жизни человѣка, послѣ сильной горести, когда грусть смѣняется тихой покорностью судьбѣ. Тогда человѣкъ погружается въ думы, въ созерцаніе прошедшаго, сравненіе его съ настоящимъ; эти моменты проходятъ безсознательно, мысли неуловимы и мимолетны; въ это время человѣкъ думаетъ обо всемъ и ни о чемъ. Въ русскомъ народѣ такое состояніе называется забытьемъ. Это первый шагъ душевнаго примиренія съ дѣйствительностью.

Въ такомъ положеніи, повидимому, находилась Юлія Ѳоминишна до тѣхъ поръ, пока усталость не взяла своего и сонъ не сомкнулъ ея глазъ. Сонъ—самое лучшее успокоительное средство для душевно—страждущихъ. Нѣсколько станцій Юлія Ѳоминишна спала, но съ разсвѣтомъ проснулась. Удивленно и вопросительно она обвела глазами меня и тарантасъ, заглянула въ окно, и тяжело вздохнула.

— Мы ѣдемъ? спросила она, слегка улыбаясь.

— Да; а вы развѣ забыли?

— Нѣтъ....но я спала.... сонъ видѣла такой...

— Сонъ?! Ахъ, раскажите, пожалуста,—вѣрно пріятный?

— Такъ себѣ... Однако желала бы вѣчно спать и видѣть такіе сны...

— Какіе же? скажите.

— Зачѣмъ вамъ знать?!

— Да такъ, раскажите, если это не секретъ.

— Мнѣ снилось мое безпечное дѣтство, родной городъ, родная Волга, кругъ моихъ юныхъ подругъ!... Зачѣмъ я проснулась?!... сказала Юлія Ѳоминишна.

— Да, воспоминанія дѣтства невыразимо пріятны, замѣтилъ я.

— Да, невыразимо,—съ грустью, заключила Юлія Ѳоминишна.

Наступило молчаніе; тройка наша неслась быстро; ямщикъ пѣлъ какую то заунывную, сжимающую сердце бѣлорусскую пѣсню; направо и налѣво мелькали засѣянныя поля; съ неба спадали на землю звуки жаворонковъ; Юлія Ѳоминишна снова погрузилась въ задумчивость.

— Будемъ-те говорить съ вами откровенно, первая прервала тоскливое молчаніе Юлія Ѳоминишна, обращаясь ко мнѣ.

— Сдѣлайте милость; вы сами назвали въ письмѣ меня братомъ.

— Разъясните мнѣ, пожалуста, одно мѣсто въ письмѣ этого негодяя, гдѣ онъ пишетъ къ вамъ о какой то мести; ужели я была средствомъ мщенія?

Я расказалъ ей все подробно, она заплакала.

— О, какъ непростительно я ошиблась въ немъ! Послѣ этого вѣрь сердцу! Оно, говорятъ люди, не обманываетъ, а вотъ какъ жестоко оно меня обмануло!

— Да-какъ же все это случилось? Какъ вы повѣрили себя этому пустозвону? Какимъ образомъ онъ съумѣлъ завладѣть вашимъ сердцемъ?

— Вы удивляетесь этому?

— Удивляюсь—и не безъ причины... Онъ такъ много говорилъ не въ пользу вашу, что я былъ далекъ даже отъ мысли, что вы его любите.

— Точно также и я не думала, что вы меня любите: онъ мнѣ часто увѣрялъ, что вы меня терпѣть не можете; прикидываетесь только влюбленнымъ, а за глаза браните меня...

— Низкая клевета!...

— Я теперь вижу, что клевета, но тогда я ему, къ несчастію, вѣрила... Всегда сердцемъ неопытной дѣвушки завладѣть очень легко. Еще до вашего пріѣзда въ N***, онъ разыгрывалъ роль влюбленнаго, но спустя нѣсколько недѣль, послѣ вашего пріѣзда, онъ, оставаясь со мной наединѣ, началъ увѣрять меня въ своей любви, клялся, что жить безъ меня не можетъ и, за нѣсколько дней до вашего предложенія, окончательно потребовалъ моего признанія и руки. Признаюсь вамъ, я его уже любила и не задумалась дать свое согласіе, но только просила переговорить съ моими родителями; онъ, повидимому такъ и хотѣлъ сдѣлать, только просилъ хранить пока это втайнѣ. Потомъ вы объяснились со мною, я стѣснялась вамъ откровенно высказать, что сердце мое занято и откладывала это объясненіе до болѣе удобнаго случая—тѣмъ болѣе

что этотъ негодяй увѣрялъ меня, будто своимъ предложеніемъ вы только хотите помѣшать его намѣреніямъ. И вотъ, на второй день святой недѣли, онъ сказалъ мнѣ, что говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ своими родителями, которые будто бы и слышать не хотѣли о нашей свадьбѣ. Я принялъ, прибавилъ онъ, свои мѣры,—уѣдемъ въ Г....... тамъ у меня, говоритъ, есть знакомый священникъ, обвѣнчаемся и пріѣдемъ съ визитомъ къ родителямъ. Сначала я противилась этому, хотѣла сама поговорить съ родителями; но онъ увѣрилъ меня, что этимъ признаніемъ я испорчу все дѣло..... Нечего было дѣлать, я повиновалась ему, не предвидя настоящей плачевой развязки.—Вы помните какъ наканунѣ моего отъѣзда со мной сдѣлалась истерика,—я не могла выдержать душевныхъ волненій... Ночью, далеко за полночь, когда всѣ уснули, я одѣлась, взяла кое что изъ бѣлья и, рыдая, вышла изъ дому и сдѣлалась бѣглянкой..... Остальное къ чему расказывать; скажу только что я обманута... Не вспоминайте мнѣ, пожалуста, больше объ немъ... Я никого не виню, кромѣ моего сердца, которое надорвало всю мою жизнь... Что дѣлать! пословица говоритъ: не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ, со вздохомъ заключила Юлія Ѳоминишна.

— Забудьте его Юлія Ѳоминишна! онъ не стоитъ вашего вспоминанія, а тѣмъ болѣе страданій... А я клянусь вамъ, употребить всѣ силы составить ваше счастіе: во мнѣ вы найдете не только брата и друга, но вѣрнаго горячо любящаго—мужа, сказалъ я.

— Благодарю васъ... я вижу, что вы меня любите...... Но, дайте собраться съ силами, сказала она, взявъ мою руку и крѣпко ее сжимая.

Къ вечеру мы были верстахъ въ пяти отъ города N**. Солнце медленно подвигалось къ горизонту.

— Я бы не желала теперь ѣхать въ городъ, подождемъ, когда совсѣмъ стемнѣетъ, съ безпокойствомъ обратилась ко мнѣ Юлія Ѳоминишна.

— Я тоже только—что хотѣлъ говорить вамъ объ этомъ,—а здѣсь и мѣстность чудная; пройдемтесь вотъ на этотъ полуостровъ озера,—сказалъ я—и остановилъ ямщика. Ямщикъ сперва не соглашался и только рубль убѣдилъ его свернуть на полуостровъ и дожидаться насъ.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! сказала Юлія Ѳоминишна, выйдя изъ тарантаса и подходя къ береговому обвалу, заросшему орѣшникомъ.

— Да хорошо, говорилъ я, слѣдуя за ней.

Походивъ по полуострову, мы взошли на самый мысъ, далеко выдающійся въ озеро. Дѣйствительно, видъ былъ великолѣпный: прямо за озеромъ, въ туманѣ, чуть чуть виднѣлся городъ N*** направо озеро терялось въ горахъ, поросшихъ густыми растеніями; налѣво гладкая равнина засѣянныхъ полей, горизонтъ которыхъ сливался съ небесной лазурью.

— Хоть бы здѣсь и умереть, сказала Юлія Ѳоминишна, садясь на траву.

— У васъ болѣзненно—поэтическое настроеніе.

Въ это время, далеко въ лѣсу, кукушка начала свою тоскливую пѣсню.

— Развѣ загадать, сколько мнѣ лѣтъ осталось жить? Въ простомъ народѣ кукушка слыветъ предсказательницей, обратилась ко мнѣ Юлія Ѳоминишна.

— Что вамъ за охота все думать о смерти?!. Ну загадайте...

Кукушка при этомъ умолкла.

— Какая упрямица, съ улыбкой сказала Юлія Ѳоминишна.

— Пусть она до нашего отъѣзда молчитъ, а то вы какъ разъ въ настоящемъ настроеніи, пожалуй, повѣрите ей,—заключилъ я.

— Пусть молчитъ,—я загадаю на цвѣтокъ, сказала она, срывая полевую ромашку.

— О чемъ же вы будете гадать?

— Любите вы меня или нѣтъ? „Любитъ не любитъ, любитъ не любитъ", говорила Юлія Ѳоминишна, обрывая стебельки ромашки.

— „Любитъ", такъ вы, не шутя, меня любите? сказала она, сорвавъ послѣдній листокъ.

Стемнѣло,—и мы чрезъ полчаса подкатили къ крыльцу Морсовыхъ.

— Ахъ, какъ сильно сердце бьется!.. Подите, пожалуста, узнайте—нѣтъ ли кого чужихъ у насъ, трепещущимъ голосомъ просила меня Юлія Ѳоминишна.

Я повиновался; въ передней встрѣтили меня Морсовы со свѣчками въ рукахъ; стукъ экипажа не обманулъ ихъ ожиданія.

— Гдѣ же Юлинька? Узнали ли вы о ней? Привезли ли ее? Спрашивали меня Морсовы вперегонку.

— Пріѣхала,—встрѣчайте; только помните ваше слово, сказалъ я.

Добрыя родители со слезами бросились къ экипажу и, при помо-
и моей, почти внесли въ домъ полумертвую Юлію Ѳоминишну.

Встрѣчу эту я не берусь описывать: она была неописанна. Съ
)ліей Ѳоминишной дѣлалось нѣсколько разъ дурно; родители ея
лакали и постоянно цѣловали ее; къ чести Морсовыхъ, они не
дѣлали ни малѣйшаго упрека своей дочери, осыпали ее ласками
отеческой любовью.—Когда всѣ немного успокоились я торжествен-
о обратился къ Юліи Ѳоминишнѣ съ своимъ предложеніемъ, прося
е не откладывать день свдьбы.

— Вы теперь любите меня, не раскайтесь же послѣ! Вы знаете
вѣтъ, что скажетъ общество? замѣтила она мнѣ.

— Что мнѣ свѣтъ и общественное мнѣніе! Я увѣренъ, что съ
ами буду счастливъ, а до толковъ и пересудовъ людскихъ мнѣ
ѣла нѣтъ, сказалъ я.

— Юлія, другъ мой, согласись; онъ любитъ тебя, ты будешь
частлива съ нимъ, говорилъ Ѳома Петровичь.

— Юлія Ѳоминишна, молча протянула мнѣ руку, я поцѣло-
алъ ее и насъ благословили. Не знаю отъ чего, но при этомъ я не-
ыдержалъ и заплакалъ.

— О чемъ же ты плачешь? спросила меня съ участіемъ Юлія.

— Не знаю, знаю только, что мнѣ хочется плакать и что сле-
ы эти для меня пріятны, отвѣчалъ я, цѣлуя ея руку.

И дѣйствительно, послѣ обильныхъ слезъ, мнѣ сдѣлалось отрад-
ю; одиночество исчезло; горе, которое давило мое сердце, свали-
лось, Юлія мнѣ сдѣлалась дороже и милѣй чѣмъ прежде.

— Такъ ты забыла Бояркина, спросилъ я Юлію, прощаясь
съ ней.

— Ахъ, не вспоминай о немъ, ради Бога,—поѣзжай, а завтра
пораньше приходи къ намъ, а то я буду сердиться, сказала она.

— Цѣлый денъ буду съ тобой, только скажи мнѣ откровенно.....

— Что?

— Одно только слово.

— А! догадалась: люблю ли я тебя?

— Да, мой ангелъ.

— Успокойся, я оцѣнила тебя... я уважаю тебя.

— Нѣтъ, ты скажи, что...

— Ну люблю; до свиданья! сказала она, пожавъ мнѣ крѣпко
руку.

Чрезъ три дня была наша свадьба, на которую были пригла-

жены люди по моему выбору. Не могу умолчать о добромъ и благородномъ инвалидномъ начальникѣ, который почти настоятельно требовалъ взять его въ шаферы, что я съ удовольствіемъ исполнилъ. Прочіе же господа, съ своимъ шляхетскимъ гоноромъ, нетолько несдѣлали мнѣ визитовъ (къ моему удовольствію), но даже перестали кланяться со мной. Я удивляюсь, почему этихъ господъ называютъ людьми образованными, гуманными, опередившими насъ! Я убѣжденъ всей душой въ противномъ... Они и послѣ нашей свадьбы позволяли себѣ клеветать на насъ и чернить Юлію.

Прошло нѣсколько мѣсяцовъ со дня нашей свадьбы. Въ концѣ 1865 года я долженъ былъ, по требованію начальства, возвратиться въ Петербургъ. Пріѣхавъ туда, мы съ женой заняли нумеръ въ одной изъ петербургскихъ гостинницъ; это было вечеромъ. Въ сосѣднемъ нумерѣ былъ слышенъ шумный говоръ, часто прерываемый звуками хрусталя; наконецъ послышалось пѣнье нѣсколькихъ мужескихъ голосовъ. Изъ любопытства, я подошелъ ближе къ запертой двери и явственно разслушалъ гимнъ „Боже цось польскенъ", и проч.

— И въ Петербургъ забрались! сказалъ я, подходя къ женѣ и пожимая плечими.

— Они намъ уснуть не дадутъ; нужно взять другой нумеръ, сказала Юлія.

Въ это время послышался громкій возгласъ:

— За здравье Пустовойтовой.

— Виватъ! нехъ жіе пани Пустовойтова! отвѣтило нѣсколько голосовъ.

Я не выдержалъ и позвалъ человѣка.

— Любезный, поди—попроси нашихъ сосѣдей вести себя немного поскромнѣе, мы съ дороги устали и хотимъ успокоиться, сказалъ я.

— Да что, сударь, съ этимъ постояльцемъ хоть бѣги вонъ: позоветъ къ себѣ цѣлую ватагу такихъ какъ самъ и дебоширитъ ночью, сколько душѣ угодно; а станешь говорить, такъ драться наровитъ; ужъ и хозяину ходили многіе жаловаться, такъ нашъ хозяину жалко упустить такого постояльца; мѣсячный, говоритъ, деньги, говоритъ, платитъ исправно, требуетъ много, отвѣчалъ коридорный, почесывая затылокъ,

— Онъ полякъ?

— Сдается мнѣ, что полякъ, хотя фамилія-то русская, а по

бикоду-то русским не выглядываетъ; пріѣхалъ тоже какъ и вы ъ варшавской желѣзной дороги.... Хозяинъ нашъ у него часто ывает, потому выходитъ, самъ тоже полякъ. Мѣсяцъ тому надъ, онъ три дня праздновалъ, потому мѣсто въ которомъ то лапарменте получилъ, такъ было тутъ всего и шампанское, и что ругое, говорилъ коридорный.

— Ну, поди, голубчикъ, попроси; быть можетъ уважутъ твою росьбу,—утихнутъ; въ противномъ случаѣ, я переѣду въ другую остинницу.

— Слушаюсъ, сказалъ коридорный, уходя.

Шумъ немного смолкъ.

— Онъ съ варшавской дороги? послышалось въ другомъ нумерѣ.

— Съ варшавской, отвѣчалъ коридорный.

— Поди узнай: русскій онъ, или полякъ? продолжалъ тотъ же олосъ.

— Велѣлъ, сударь, спросить васъ: вы полякъ, или русскій? казалъ коридорный, входя въ нашъ нумеръ.

— Да развѣ ты не видалъ моего билета?

— Да я, сударь, неграмотный; на это канторщикъ есть, отвѣалъ коридорный.

— Русскій.

— Пусть скажетъ, что полякъ; быть можетъ для своихъ притихнутъ, перебила меня Юлія, плутовски улыбаясь.

— Слушаюсъ, сударь; такъ и скажу, сказалъ коридорный, выходя изъ нумера.

— Полякъ, послышалось въ сосѣднемъ нумерѣ.

— Тише... я самъ пойду, извинюсь предъ ними, сказалъ кто-то, и чрезъ нѣсколько секундъ дверь нашего нумера съ шумомъ отворилась и на порогѣ, съ бокаломъ въ рукахъ, въ чамаркѣ, появился... Бояркинъ.

Юлія вспыхнула, я задрожалъ.

— За позволе..... началъ, Бояркинъ, но увидавъ насъ, выронилъ свой бокалъ, поблѣднѣлъ и лихорадочно схватился за ручку двери. Я быстро и безсознательно подскочилъ къ Бояркину; гулъ пощечины раздался въ воздухѣ, Бояркинъ грохнулся объ корридоръ; я затворилъ дверь нумера, я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, Юлія стояла блѣдная, какъ полотно. Шумъ въ сосѣднемъ нумерѣ прекратился,—на утро мы узнали, что Бояркинъ, „якъ почцивы чловѣкъ“, далъ тягу.

Отъ автора къ читателю.

Этимъ и кончается дневникъ моего товарища, который, скажу мимоходомъ, живетъ съ Юліей Ѳоминишной вполнѣ счастливо. въ нашей сѣверной Пальмирѣ. Не думайте, благосклонный читатель, что все вышесказанное есть плодъ моей фантазіи къ несчастію, это быль, которой я былъ очевидцемъ.

С. Калугинъ.

Петербургъ, 1866 года, мая 3.

ВИРУТА И КЕЙСТУТЪ.

(Продолженіе) (*).

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

Картина 5.

Лѣсъ; сквозь верхушки деревъ пробивается вечерняя заря; небольшая поляна; нѣсколько пней (старыхъ), направо— камень, возлѣ дуба; еще правѣе насыпь, съ замѣтнымъ углубленіемъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Князь Юрій.

Князь Юрій. (Въ бѣлой мантіи крестоносцевъ, выходитъ измученный отъ усталости). Охъ!... совсѣмъ я измаялся!... Думалось быть въ замкѣ Выдымунда нынче по утру, а вотъ и ночь приходитъ, а еще не близко.... На дорогѣ заночевать придется.... Охъ, мочи нѣтъ, усталъ!.. (опускается въ изнеможеніи на траву). Ну слава Богу! хоть отъ погони-то укрылся, а то бы несдобровать мнѣ.... Кабы не кустъ, я бы попался. Нѣмцы мимо проскакали и незаглянули въ кустарникъ. Хорошо что я коня-то одного пустилъ.... Вотъ по слѣдамъ его они и скачутъ.... (Смотритъ на землю). Что это?... Кажись, дорога?... Нѣтъ, зачѣмъ такой чащею непроходной дорогу прокладывать... Слѣдъ есть... Конскія копыта... Ужъ не нѣмцы ли хищные тутъ скакали?.. Пожалуй— что такъ... Ну, пущай ихъ поскачутъ на здоровье... Я, благодаря Бога, спасенъ... Вотъ только рана моя на рукѣ недаетъ покою... Обмыть бы ее; ну да сперва отдохну, а то хуже понедужится... Этакъ, пожалуй, и завтра не дойдешь до Полунги-то... Эхъ! кабы конь, давно бы я тамъ былъ!.. На берегу, на завѣтномъ мѣстѣ... Ку-

(*) Смотри 1 и 2 книжки „Вѣстника зап. Россіи.“

да приказала выходить Вирута... Увиделся бы я съ ней, словомъ перекинулся, бѣлу рученьку пригубилъ бы, расказалъ бы пробой и про полонъ свой... Оповѣдалъ бы ей все, что у меня на сердцѣ дѣлается... Можетъ статся она... (Останавливается и прислушивается). Что это мнѣ послышалось?!. Кажись, кто то крикнулъ`.. (прислушивается). Шумитъ что то... далеко гдѣ то... (прикладываетъ ухо къ землѣ). Конскій топотъ!.. Нужно спрятаться, а то, пожалуй, опять въ полонъ попадешь, а ужъ въ другой разъ убѣжать изъ твердыни трудно. Тутъ и бѣлая мантія не поможетъ... (Встаетъ и идетъ къ дубу). Вотъ тутъ между камнемъ и дубомъ я укроюсь (ложится). Здѣсь и отъ злаго человѣка и отъ звѣря лютаго защищаться способнѣе... (Темнѣетъ. Изъ углубленія въ холмѣ вылетаютъ искры огня).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

К. Юрій и Вѣдьма.

Вѣдьма. (Сперва изъ углубленія показывается голова и рука, съ зажженной головней, потомъ, оглядѣвшись, баба выходитъ вся и всматривается въ к. Юрія).

К. Юрій. (Послѣ минутнаго удивленія, дѣлаетъ шагъ назадъ, вынимаетъ свой мечь и тоже смотритъ на вѣдьму). Ты кто такая`.. Колдунья или просто дьяволъ?..

Вѣдьма. Ты меня своей храбростью не испугаешь, меча я твоего не боюсь, захочу я, и мечь и латы твои разсыплются... Я только дуну на тебя, и ты превратишься въ желтый осенній листъ... И бѣлая твоя мантія не спасла бы тебя, если бы ты и въ заправду былъ рыцарь; а то я знаю, что ты нашъ русинъ... Въ полонѣ, должно, былъ у нѣмцовъ?..

К. Юрій. Я русинъ, былъ въ полонѣ... Но почемъ ты знаешь?.. Ты колдунья?

Вѣдьма. Да, я колдунья... Мнѣ повинуются и люди, и звѣры, и рыбы... вѣтры, моря, земля, лѣса, огонь... и все... Я умѣю и колдовать, и будущность человѣка распознавать...

К. Юрій. Ты врешь, старая корга... Будущность распознать можетъ только одинъ Богъ... А ты умѣешь только морочить, да глаза отводить...

Вѣдьма. Людей я не морочу, я знаю много зельевъ, кореньевъ разныхъ и травъ волшебныхъ... Я знаю много заклинаній...

Я знаю много и гаданій... Коли ты хочешь испытать мою волшебную силу, я покажу ее надъ твоими доспѣхами...

К. Юрій. Показывай скорѣй... старая чертовка...

Вѣдьма. (Посмотрѣвъ на него). Али лучше погадать... Поворожить надъ водой и огнемъ... Близкихъ сердцу показать... Какъ думаешь, храбрый бояринъ?..

К. Юрій. Не вѣрю я тебѣ, колдунья...

Вѣдьма. Повѣришь, соколикъ, тогда, когда волосъ дыбомъ встанетъ... Ты хочешь ли, что бы я погадала и твою будущность узнала?..

К. Юрій. Хочу...

Вѣдьма. Только ты, храбрый бояринъ... славный витязь, на гаданье для заклинательной жертвы дай что нибудь...

К. Юрій. (Помолчавъ). Ты литвинка?...

Вѣдьма. Литвинка, русинка и жмудинка... Во мнѣ всѣ три силы... Я знаю всѣ три рѣчи, болтаю съ нѣмцами... Звѣри и птицы слова мои понимаютъ...

К. Юрій. Пусть будетъ это при тебѣ... Ты мнѣ вотъ что скажи: далеко ли отъ сюда Полунга?

Вѣдьма. Не близко, соколикъ... не близко... Дня два еще пройдешь...

К. Юрій. О, господи, помилуй!.. Хоть бы конь какой попался... А что, по близости тебя нѣтъ ли жилья литовскаго, русинскаго, аль жмудинскаго?.. Переночевать бы мнѣ хотѣлось, рану обмыть, да и силы пищей подкрѣпить.

Вѣдьма. (Смотритъ на него). Жилья поблизости тутъ ни какого нѣтъ... Для тебя, храбрый, красивый бояринъ, я въ своей пещерѣ мѣсто порасчищу... Ты отдохнешь и успокоишься... Рану тебѣ водой цѣлебной обмою... и сухими волшебными листьями перевяжу,.. Въ одну ночь заживетъ она...

К. Юрій. За доброе слово спасибо, старушка.,. Но къ тебѣ въ пещеру ночевать я не пойду... И цѣлебной твоей воды не хочу...

Вѣдьма. Не страшись ты моей пещеры... Изъ сѣрой землянки я здѣлаю богатыя хоромы... Явятся горы сладкихъ яствъ, будетъ и *алусъ*, будутъ и красныя дѣвицы... и мягкій пуховикъ и мягкое изголовье... Для тебя, бояринъ, я сама примоложусь... А на утро и коня достану... Скорѣе перелетной птицы

доставить онъ тебя къ твоей любезной, которая дала тебѣ кольцо это (показываетъ на его руку).

К. Юрій. (Удаляется). Колдунья ты и вправь... Такъ давайже мнѣ теперь коня... Мнѣ князя Кейстута нужно застать въ Полунгѣ, а то, пожалуй, уйдетъ въ Троки съ дружиной и мнѣ опять придется одному до Трокъ тащиться... Подавай коня, коли можешь... Изъ Полунги тебѣ я привезу богатые дары.

Вѣдьма. Подать такъ скоро коня тебѣ я не могу. А вотъ какъ только зорька утренняя загорится и ясные лучи солнца проглянутъ сквозь листья дерева; когда развернутся чашечки цвѣтовъ, запоетъ жаворонокъ,— тогда коня тебѣ доставлю я... А теперь силы у меня такой нѣтъ... Да и тебѣ спѣшить— то не пошто. Князь Кейстутій съ своей дружиной, когда солнце пошло за полдень, прошелъ изъ Полунги въ Троки, вотъ здѣсь... взгляни на землю... конскій слѣдъ еще видѣнъ...

К. Юрій. (Послѣ молчанія). Да, видѣнъ...

Вѣдьма. Такъ въ Полунгу тебѣ спѣшить не зачѣмъ... А завтра поутру, на лихомъ конѣ, духомъ догонишь дружину...

К. Юрій. Дружину догоню я и опосля, а къ князю Выдимунду нужнѣе...

Вѣдьма. Какъ вѣдаешь, такъ и дѣлай, а сперва переночуй у меня.

К. Юрій. Не хочу я твоего ночлега.. Переночую гдѣ Богъ пошлетъ... А на завтра пойду пѣшкомъ; коня твоего волшебнаго мнѣ не надо...

Вѣдьма. Не бойся, храбрый бояринъ, меня; худова я ничего тебѣ не сдѣлаю. Ты не нѣмецъ и не ляхъ. А въ лѣсу ночевать тебѣ не приходится, опасно; звѣрей лютыхъ въ этой сторонѣ больно много и много змѣй...

К. Юрій. Богъ милостивъ... На Него надежду возлагаю, а грѣшить съ твоимъ колдовствомъ я нехочу...

Вѣдьма. Какой тутъ грѣхъ, бояринъ!.. Грѣха тутъ нѣтъ ни въ чемъ... Я литвинка по рожденію и по духу... Я также люблю свою родину. Ненавижу враговъ ея и всегда рада сдѣлать все доброе храбрымъ защитникамъ Литвы. Меня самъ князь Выдимундъ знаетъ... Мнѣ жаль тебя видѣть измученнаго... Я добрая колдунья, клянусь тебѣ самимъ Прамжу...

К. Юрій. Ну ладно, старушка, вѣрю... Пожалуй, отдохнуть я готовъ... Перевяжи и размой мою рану... Только смо-

три, колдунья, коли что злое сдѣлается отъ твоего волшебства, не помилую, голову съ плечь сниму.

Вѣдьма. Соколикъ ясный, недойдетъ дѣло до этого. За своихъ то я сама голову сложу... Я маленькой, старинькой человѣчекъ, а за своихъ спуску никому не дамъ... Знаешь, бояринъ, пословицу: *и на маломъ пнѣ возъ опрокинется?*... Только скажи ты мнѣ, храбрый витязь: зачѣмъ ты мантію нашихъ враговъ надѣлъ?

К. Юрій. Затѣмъ, что бы выйдти изъ твердыни, куда я засаженъ былъ нѣмцами... Съ ратнаго боя я въ полонъ попался... Заковали меня въ кандалы, отвезли въ крѣпкій замокъ, посадили въ подземелье, да на мое счастье стражъ былъ изъ литвиновъ; онъ заговорилъ со мной политовски, а потомъ и порусински... Любовь къ родинѣ проснулась въ немъ отъ свиданья и бесѣды съ горемычнымъ землякомъ, — и когда другой стражъ смѣнялъ его, мы оба бросились на него и убили его... Мой освободитель надѣлъ его мантію и доспѣхи на меня... Мы простились и оба отправились къ воротамъ... Возлѣ воротъ еще разъ простился взглядомъ я съ моимъ спасителемъ и прошелъ неузнанный мимо стражи, творившей молитвы... Когда я подошелъ къ опушкѣ лѣса, мнѣ захотѣлось оглянуться назадъ, — смотрю, всадникъ скачетъ отъ замка прямо на меня, я вынулъ мечъ и думалъ защищаться, но всадникъ былъ — мой спаситель... „Спасайся“, закричалъ онъ мнѣ, за тобой погоня... Изъ замка ужъ выѣзжаютъ латинки, я вызвался командовать ими и первый поскакалъ за тобой... Бери моего коня и скачи во весь опоръ!.. Только напередъ, для примѣру, давай поборемся, я упаду съ коня, а ты садись... Вонъ латинки выѣхали“. Мы такъ и сдѣлали, примѣрно поборолись, онъ свалился съ коня, я сѣлъ и скрылся отъ погони... Только вчера вечеромъ заслышалъ я конскій топотъ и клики нѣмцевъ... Были близко окаянные, — да Богъ вразумилъ меня пустить одного коня, я и пустилъ его и засѣлъ въ чащу молодого осинника... Проскакали мимо и за конемъ погналися... Вотъ съ той поры пѣшкомъ я и пробирался... Усталъ до смерти!...

Вѣдьма (Въ сторону). Ишь какъ красно и чисто разсказалъ порусински, какъ будто и впрямь-то русинъ, а не нѣмецъ... Но меня ты, хищный ястребъ, не проведешь... Ты нѣмецкой соглядатай, я это знаю... Изъ рукъ своихъ тебя я не выпущу, и только глаза сомкни, я духомъ къ князю Кейстуту слетаю, онъ

здѣсь поблизости... Тебя онъ въ жертву Кавасу принесетъ, поганецъ (къ Юрію). Я благодарила боговъ нашихъ за твое спасеніе... Ступай же соснн, прекрасный витязь. Вода и пища есть въ моей пещерѣ... На ночь, пожалуй, тебѣ я погадаю о будущемъ...

К. Юрій. Ладно, добрая старушка... Иди въ пещеру и изготовь мнѣ мѣсто для покоя; да и воды цѣлебной для раны припаси; я не замедлю, только помолюсь Богу...

Вѣдьма. Молись, сердечный... Молитвы пріятны всякимъ богамъ... А за послугу и за коня я попрошу у тебя этого колечка... что змѣйкой-священной твой палецъ обвила.

К. Юрій. Скорѣе жизнь отдамъ свою, чѣмъ это кольцо... Нѣтъ, колдунья! ты больно— много заломила!.. За послугу я отдамъ тебѣ пока свою мантію...

Вѣдьма. И за то спасибо, голубчикъ сизенькой... Ну такъ молись, бояринъ, а я пойду изготовлять снадобье для твоей раны (Въ сторону). Попался коршунъ, сѣверный ястребъ (Уходитъ въ пещеру).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

К. Юрій *одинъ*.

К. Юрій. (По уходѣ ея). Измучился я больно, а то бы ни за что на свѣтѣ не остался у колдуньи ночевать... Опасно на слова вѣдьмы полагаться... Да ужъ видно приходится... Глаза такъ и слипаются... Весь какъ изломанный... И рука отъ раны пухнетъ и болитъ нестерпимо... Кажись, и шагу то не сдѣлать мнѣ теперь... Пусть что будетъ, то и будетъ... Вѣдь и она тоже человѣкъ... (Снимаетъ шлемъ, становится на колѣна и крестится). Господи Іисусе Христе! Услышь меня грѣшнаго раба твоего, прости мнѣ согрѣшенія моя и помилуй мя... Буди твоя святая воля надомной... Сохрани мя отъ всякихъ золъ и бѣдъ! (крестится встаетъ и надѣваетъ шлемъ). Коли не вретъ колдунья, что коня достанетъ завтра, такъ это ладно. (Въ это время изъ пещеры вылетаетъ *сова* и исчезаетъ между деревьями). Тьфу ты, дьявольская сила!.. Наше мѣсто свято!.. Кажись, большое что то пролетѣло... (Крестится). Въ темнотѣ-то не видно...

Вѣдьма. (Изъ пещеры). Не пугайся, бояринъ, это мой посолъ полетѣлъ за лошадью тебѣ... Сходи же въ пещеру,— все готово...

К. Юрій. (Подумвъ). Эхъ!.. сильнымъ Богъ владѣетъ! (крестится и уходитъ въ пещеру).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Сцена нѣсколько времени пуста. Сквозь деревья видно, какъ всходитъ полной мѣсяцъ. Потомъ съ лѣвой стороны изъ лѣсу, озираясь кругомъ, поспѣшно выходитъ Бирута.

Бирута. Охъ!.. Охъ!.. Духъ захватываетъ!.. Шибко бѣжала, дышать боялась... Охъ!.. нужно сперва духъ перевести... а потомъ укрыться куда нибудь... (Осматривается кругомъ). Между деревъ или кустовъ замѣтятъ при лунномъ свѣтѣ; я въ бѣломъ, да еще какъ на зло эти дѣвичьи бубенчики гремятъ въ тишинѣ такъ звонко... Проснется самъ, хватится меня... Казнитъ стражу... Пошлетъ погоню за мной во всѣ концы... Найдутъ меня, опять притащутъ къ моему мучителю... Тогда онъ будетъ еще страшнѣе... Кабы знала я, что за побѣгъ мой онъ убьетъ меня, я бы сама пошла къ нему... А то, пожалуй... (прислушивается. Что это? Кричатъ?.. Гдѣ кричатъ?.. Далеко гдѣ то... Должно быть проснулись... Чу! какой поднялся гамъ... Куда же мнѣ дѣваться?.. О, Святая Праурима! спаси меня!.. Я погибаю... (слышенъ очень далеко рогъ). Самъ князь трубитъ... Ахъ, Юрій!.. Милый Юрій!.. Явись ты тѣнью предо мной и защити меня... Боже христіанскій,— хоть ты услышь меня злополучную и спаси!.. Тогда увѣрую въ тебя...

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Бирута и К. Юрій.

К. Юрій. (Выходитъ изъ пещеры и, не замѣчая Бируты, говоритъ). Сдается мнѣ, что то недоброе затѣваетъ эта колдунья... Я слышалъ рогъ...

вмѣстѣ почти. {

Бирута. (Увидавъ бѣлую мантію и не узнавъ к. Юрія, вскрикиваетъ). Ахъ!.. (Бросается бѣжать).

К. Юрій. (Услышавъ голосъ Бируты, быстро оборачивается и, увидавъ въ профиль лицо бѣгущей Бируты). О, Господи, помилуй!.. Неужто это чернокнижіе колдуньи?!.. И голосъ и лицо Бируты... Съ нами крестная сила!.. (крестится). Неужто вѣдьма творитъ это наважденіе?!.. Она вся въ бѣломъ, со звонками... (Дѣлаетъ нѣ-

сколько шаговъ въ ту сторону, куда направилась Бирута). Вотъ... вонъ она... мелькаетъ между деревьями!.. (Присматривается). Остановилась... смотритъ сюда... Вотъ и лицо видно... Мѣсяцъ свѣтитъ прямо ей въ лицо... Какъ есть Бирута... Кажись рукой махнула?.. Ну да! манитъ къ себѣ... О, господи, помилуй! (крестится). Не пропадаетъ!.. Неужто..?!.. А можетъ..?.. Не стучи, мое бѣдное сердце, такъ шибко... Погоди, узнаемъ все (выхватываетъ мечъ). Коль дьяволъ шутитъ, крестомъ и молитвой прогонимъ, а коли злой человѣкъ мечемъ усмиримъ (поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Сцена нѣсколько секундъ пуста. Слышенъ въ отдаленіи рожокъ и крики, потомъ все стихаетъ. Выходитъ изъ пещеры *Вѣдьма*.

Вѣдьма. (Оглядывается). А гдѣ же рыцарь мой?.. Ушелъ... Я такъ и знала... Прикинулся русиномъ, нѣмецкой поганецъ... Выпытывалъ, гдѣ князь Кейстутій, гдѣ наше солнушко красное... Такъ— таки и брякну тебѣ, проклятый ястребъ,— куда онъ ушелъ!.. Должно засада нѣмецкая близко? (Осматривается и долго смотритъ въ даль). Ну, такъ и есть!.. Ихъ двое; вонъ какъ бѣгутъ отсюда!.. оба въ бѣломъ... Нѣтъ, поганцы! вамъ не провести меня! Князь Кейстутій недалече, пойду оповѣщу его... Попадетесь вы въ его лапы, какъ ни мудрите (поспѣшно уходитъ въ другую сторону).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

За сценой шумъ и крики, потомъ выѣзжаютъ на коняхъ бояры и простые латники изъ дружины Кейстута. За ними пѣшіе латники и ратники, жмудины и литовцы, ведутъ вѣдьму.

1-й Бояринъ. (къ вѣдьмѣ). Говори, старая вѣдьма, всю правду,— видѣла ты дѣвицу... вайделотку?

2-й Бояринъ. Разжимай же губы, старая карга, а не то пытать на кострѣ начнемъ.

Вѣдьма. Славные бояре, храбрые витязи! послушайте меня старую, рѣчь мою правдивую... Сама я бѣжала къ князю Кейстутію съ вѣстію недоброю...

1-й Бояринъ. Скорѣй, старуха, говори...

Вѣдьма. Говорю, соколикъ, говорю... Пришелъ ко мнѣ въ мою землянку нѣмецкій песъ... Въ бѣлой мантіи и началъ онъ выпытывать про князя Кейстутія, гдѣ онъ теперь; я не сказала, что,

близко, а молвила: далеко... хотѣла я его ночевать у себя оставить... да хитеръ больно!..

2-й Бояринъ (Смѣясь). Замѣсто мужа чтоль?

1-й Бояринъ. Не замай ее, бояринъ... Досказывай скорѣй, старуха!

Вѣдьма. Пускай, думаю, только очи свои закроетъ и въ крѣпкій сонъ заляжетъ,— запру его и камнемъ выходъ завалю... А сама князя Кейстутія оповѣщу, дѣло все шло на ладъ, да только онъ смекнулъ— чтоли, вышелъ изъ землянки, да и утекъ— вотъ въ ту сторону (показываетъ). Я глядь туда, а ихъ ужъ двое бѣгутъ отсюда прочь, а я къ вамъ бросилась, на васъ наткнулась, вотъ и все, а дѣвицы вайделотки я не видала... побей меня боги, не видала.

2-й Бояринъ. Рыцари то пѣшіе, или конные.

Вѣдьма. Пѣшіе были, а тамъ не вѣдаю. .

1-й Бояринъ. (ко 2 му). Гляди что вретъ старуха... Землянку нужно обыскать.

2-й Бояринъ. И вѣрно обыскать... На рѣчи ея полагаться боязно.

3-й Бояринъ. (къ 1-му). Княжну Бируту въ околодкѣ любятъ и почитаютъ... Колдунья, вѣрно, спрятала ее...

1-й Бояринъ. (къ латникамъ, пѣшимъ). Братцы! тащите эту чертовку въ ея подземное царство, обшарьте всѣ углы, всѣ щели; коли что примѣтите: кричите намъ, а ее держите за поясъ.

3-й Бояринъ. А то уйдетъ... Въ птицу обернется... Я знаю ихъ!..

А. Латникъ. Пойдемъ, ребята... (Подходятъ къ землянкѣ) Ну Трофимъ, ступай впередъ... Прокладывай дорогу!

Трофимъ. Иди ты самъ... Ты посильнѣе...

Б. Латникъ. Да вонъ пущай *Готко* идетъ... А мы за нимъ...

Готко. Ишь— выдумалъ!.. Иди, коли хочешь самъ...

В. Латникъ. Литовцы только на словахъ смѣлы...

Врубгайло. Вы русины смѣлы?!.. Ну иди, коли есть смѣлость.

А. Латникъ. Давайте жеребій кидать кому первому.

Готко. Што первому?.. Коли мнѣ достанется жеребій, я не пойду... Тутъ не съ людьми придется воевать...

1-й Бояринъ. Да чтожъ вы стали пнями? Аль хочется на веревкѣ покачаться, ась?!..

Голосъ. Ни кто идти не хочетъ... Боятся...

2-й Бояринъ. Мѣшкать не чего... Пускай колдунья идетъ сама впередъ...

Вѣдьма. Пойдемте... обыщите... (идетъ въ пещеру).

1-й Бояринъ. Да держите ее...

А. Латникъ. Держитъ за поясъ колдунью, крестится и дѣлаетъ шагъ за ней, потомъ оборачивается къ Готко и схватываетъ его за руку). Ну чтожъ, идите братцы (увлекаетъ за собой Готко).

Готко. (Хочетъ вырваться, но не можетъ). Постой, а ты... Да ну пусти!.. Да штожъ мы двое!.. пойдемъ ребята всѣ, (схватываетъ за руку *Б. латника*, и увлекаетъ его).

Б. Латникъ. (къ другимъ). Пойдемте всѣ... (схватываетъ за руку Врубгайлу и увлекаетъ его. За ними слѣдуютъ со страхомъ и другіе).

2-й Бояринъ. Да какъ она ушла?.. Чай сторожа видѣли?..

1-й Бояринъ. Ну вотъ поди ты... Я самъ дивлюсь... Гляди что сторожа спали...

3-й Бояринъ. А мнѣ сдается, бояре, совсѣмъ иное... На сторожѣ были жмудины, а они княжну Бируту любятъ, почитаютъ; поди, чего добраго, сами пропустили... Я самъ слыхалъ, какъ утромъ у нихъ шолъ говоръ. Князь, говорятъ, противъ закона идетъ; вайделотку изъ храма брать не пригоже...

1-й Бояринъ. Сказалибъ они это самому князю, такъ узнали бы лезвіе его меча... Вонъ онъ двухъ сторожей своей рукою зарубилъ, а другихъ велѣлъ повѣсить... кидается какъ левъ...

(Изъ пещеры въ это время выбѣгаютъ латники опрометью, давя другъ друга. Нѣкоторые крестятся и отплевываются. За ними идетъ вѣдьма).

1-й Бояринъ. Ну что? не нашли ни чего?..

А. Латникъ. Найдтить-то нашли много непотребнаго, а княжны нѣтъ...

Вѣдьма. И невидала я ее... Пусть Перкунъ убьетъ меня стрѣлой, коли вру я...

2-й Бояринъ. Такъ нужно поразвѣдать, что за рыцари... Поѣдемте, можетъ, и догонимъ...

3-й Бояринъ. Извѣстно такъ... мѣшкать нечего.

1-й Бояринъ. Такъ ты, старуха, говоришь, что рыцари туда вонъ побѣжали, асъ?

Вѣдьма. Да, родимый, туда...

1-й Бояринъ. Ну ладно... Смотри же ты, старая карга, си-

ци тутъ и не зѣвай; коли дѣвицу увидишь, лови ее и намъ кричи... Поѣдемте въ догонку. (Всѣ уѣзжають и уходять).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Вѣдьма *одна.*

Вѣдьма. (по уходѣ). Какую то княжну ищутъ... А мнѣ то что?.. Пускай ищутъ... А я пойду въ свою землянку, запрячусь тамъ подальше... за ужами... Пожалуй, и свои ни зашто тутъ придушать... (Уходить въ пещеру).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

К. Юрій.

К. Юрій. (Выходитъ изъ лѣсу, едва держится на ногахъ; грудь высоко вздымается). Охъ... Охъ!.. О, Господи!.. Изъ силъ я... выбился совсѣмъ... Она... Точь, вточь... Она... Охъ, смерть моя пришла!.. Мерещится мнѣ это... Голова горитъ моя... (Опускается подъ дубомъ). Изъ раны струится кровь... Пить!.. Пить!.. колдунья!.. Охъ!.. горитъ!.. воды... во... (Не докончивъ слова, шатается и падаетъ безъ чувствъ на землю).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

К. Юрій и Странникъ.

Странникъ. (Долго еще до выходя на сцену, онъ поетъ что то духовное и съ пѣніемъ выходитъ).

„*Господь прибѣжище и Спаситель мой,*
кого убоюся.“

Вотъ тутъ въ уединеніи посижу и помолюсь... А то тамъ, въ станѣ, такая неурядица идетъ, что Господи только помилуй... И крикъ, и шумъ, и вопль, и смерть... Господи!.. Господи помилуй!.. Эхъ! хе, хе, хе!.. (Вздыхаетъ). Суетятся люди о мірскомъ.., кричатъ, рѣжутъ другъ друга, а того не мыслятъ, что всѣ предстанутъ предъ грознаго Судію... О, Господи, помилуй мя!.. (За кулисами шумъ). Чу! ни какъ самъ князь скачетъ сюда? Это его голосъ!..

ЯВЛЕНІЕ 11-е

Тѣжъ, К. **Кейстутъ** *на конѣ и за нимъ много бояръ* (*русиновъ и литвиновъ*) **и Григорій.**

Кейстутъ. (Увидѣвъ Странника). Тутъ кто?..

Странникъ. (Кейстутъ уѣзжаетъ съ боярами, а Григорій подходитъ къ Страннику).

Григорій. Это ты, батюшко крестный?

Странникъ. Я, Онуличъ... (*) Я, мой сынъ..

Григорій. Не видалъ, батюшко крестный, княжны Бируты?..

Странникъ. Не видалъ, Онуличъ, не видалъ... Гдѣ ее теперь сыщешь... Въ этомъ бору колдуновъ и колдуній много,—гляди что у нихъ спряталась...

Григорій. Еще бы ничего, кабы у колдуновъ спряталась, нашлибъ... А вотъ бѣда, коли на звѣря лютого навернется... Ну, я пойду за княземъ, а то хватится,— тогда бѣда!.. Прощай, пока. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Странникъ и К. Юрій.

Странникъ. (Помолчавъ). Ночь то какая тихая сегодня... Благодать Божія!.. На небѣ звѣзды таково ярко горятъ... Свѣтитъ мѣсяцъ... О, Всевышній! Творецъ Милосердный! Хорошъ твой міръ!.. Какъ не молиться и не вѣровать въ Тебя, видя дѣла рукъ Твоихъ!.. Отъ радости душа трепещетъ... А что будетъ въ томъ мірѣ, на небѣ?!.. для тѣхъ, которые удостоятся царствія Твоего?!.. О, господи, помилуй мя!

К. Юрій. (Стонетъ). Охъ!.. жжетъ, горитъ!..

Странникъ. Кто то стонетъ?!..

К. Юрій. Воды!.. охъ!.. умираю!..

Странникъ. Кажись подъ дубомъ?.. (идетъ и смотритъ). Боже! рыцарь... Рука въ крови!..

К. Юрій. Кто... въ Бога... вѣ... пусть...

Странникъ. Говоритъ по русински и голосъ его мнѣ знакомъ... (нагибается и смотритъ). Господи Христе! да вѣдь это князь Юрій!.. Онъ и есть... Что съ нимъ сталося?.. Сказали, что онъ

(*) Такъ звали по отеческу Григорій Русина. (Авт.).

убить... Въ мантіи? Должно, изъ полона убѣжалъ... Князь Юрій... Князь Юрій... Очнись... Нѣтъ не глядитъ!...

К. Юрій. Воды... пить!..

Странникъ. (Поспѣшно встаетъ). Со мной есть жестяная кружка, а тутъ вотъ есть и родникъ (Бѣжитъ налѣво за сцену и сейчасъ же возвращается съ водой къ Юрію). Выпей скорѣй, князь (подставляетъ ему кружку къ губамъ, к. Юрій пьетъ. Потомъ Странникъ вспрыскиваетъ водой и крестить). Что князь Юрій?.. Аль еще принесть водицы?..

К. Юрій. (приподнимается). Спасибо тебѣ... Скажи, милостивецъ, кто подалъ мнѣ воды?...

Странникъ. Неужто, князь Юрій, меня ты не разпозналъ?..

К. Юрій. Недужится мнѣ больно... Въ глазахъ темно... Ужъ не ты ли князь Иванъ?..

Странникъ. Я грѣшный... я... Вотъ сподобилъ Богъ тебѣ помочь... Слава Христу небесному!..

К. Юрій. Не чаялъ я, князь Иванъ, жить больше... смерть была близка, да ты вотъ возвратилъ мнѣ жизнь... Обними меня какъ родного сына, а я не могу, рука моя...

Странникъ. (Обнимаетъ его и цѣлуетъ): Благословенъ Господь нашъ отнынѣ и довѣка!.. Привстань, князь Юрій, я помогу, да присядь вотъ къ камню, я руку твою перевяжу, а то струится кровь... (поднимаетъ его и сажаетъ спиной къ камню). Воды еще осталось, я помочу да перевяжу, у меня есть платъ... (Во все время слѣдующаго разговора онъ перевязываетъ ему руку). Зачѣмъ ты мантію латинскую надѣлъ, князь?

К. Юрій. Бѣжалъ я въ ней изъ полона... Гдѣ мы теперь, князь, съ тобой?

Странникъ. Въ лѣсу...

К. Юрій. За чѣмъ?

Странникъ. Не знаю ты зачѣмъ зашелъ сюда, а я съ княземъ Кейстутіемъ и съ его дружиной иду въ Троки.

К. Юрій. Изъ Полунги?

Странникъ Изъ Полунги...

К. Юрій. А гдѣ же князь Кейстутій?

Странникъ. Здѣсь недалече... Тутъ станъ княжескій близехонько... А самъ онъ съ боярами княжну Бируту ищетъ...

К. Юрій. Какую княжну Бируту?!

Странникъ. Дочь князя Выдымунда... Онъ насильно увезъ ее изъ капища Праурима; жениться хочетъ... А она нынче и

убѣжала, Богъ вѣсть, куда; теперь гонцовъ погнали во всѣ стороны... Ну вотъ я и покончилъ... перевязалъ, дай Богъ на здоровье!..

К. Юрій. Она вся въ бѣломъ, со звонками?..

Странникъ. Ну да... Она въ нарядѣ вайделотки...

К. Юрій. Княже!.. княже!.. Я видѣлъ ее!.. я видѣлъ ее!.. Вотъ здѣсь на этомъ мѣстѣ... Мнѣ чудилось, что это волшебство колдуньи, дьявольское наважденіе, мнѣ чудилось, что все мнѣ это въ грезахъ видится... Я боялся подойти къ ней, я бѣгалъ за ней... Теперь я вижу, что видѣлъ ее на яву!.. Что это кажись, кричатъ?..

(За кулисами слышны крики „*нашли, нашли.*" Трубятъ въ рогъ).

Странникъ. Чу! никакъ нашли!.. Ну, слава Богу! Подъѣдутъ наши, тебя, князь, на лошади до *стану* довеземъ, а тамъ благословеннаго хлѣбца поѣшь, да мясной пищи отвѣдаешь, силы подкрѣпишь тѣлесныя...

(Въ это время Кейстутъ на лошади проѣзжаетъ сцену, держа на рукахъ безчувственную Бируту. За Кейстутомъ слѣдуютъ бояре, Григорій, латники и ратники пѣшіе).

Странникъ. (къ Юрію). Вотъ князь Кейстутій, а вонъ на рукахъ его и княжна Бирута!..

К. Юрій. Она!.. Она!.. Бирута!?!. (Встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, хочетъ сказать что то, но не можетъ и падаетъ безъ чувствъ на землю).

Конецъ 3-го дѣйствія 5-й картины.

(Окончаніе впредь).

ОСТРОВОРОТНАЯ ЧАСОВНЯ
ВЪ Г. ВИЛЬНѢ.

У православныхъ русскихъ, проживавшихъ въ г. Вильнѣ, со времени основанія этого города литовскимъ княземъ Гедиминомъ, пользовался особеннымъ благоговѣніемъ образъ Божіей Матери, поставленный ими на воротахъ, воздвигнутыхъ, по древнему русскому обычаю, въ концѣ той части города, которую они за-

нивали и названную по этому *русскимъ концемъ*. Самые же ворота назывались *острыми* (т. е. угольными), по той причинѣ, что оканчивавшійся ими русскій конецъ города, относительно другихъ городскихъ частей, выдавался впередъ угломъ, а потому и поставленная на нихъ икона получила названіе *остро-брамской*, (остро-воротной). Что эта часть города Вильны была въ древности населена одними русскими,— въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что почти у всѣхъ изслѣдователей виленской старины, даже польскихъ (Нарбута, Ярошевича, Крашевскаго, Лукашевича и друг.), она называется *русскимъ концемъ*, да и прилегающія къ острымъ воротамъ окрестности и нынѣ называются *Россою*. Это названіе ясно свидѣтельствуетъ о принадлежности ихъ русскимъ жителямъ г. Вильны. Въ этихъ окрестностяхъ русскіе, съ самыхъ древнихъ временъ, выбрали для своего кладбища одно мѣсто, называющееся и понынѣ тоже Россою, и построили тамъ православную церковь во имя св. Георгія; но впослѣдствіи р. католики, позавидовавъ живописности этого мѣста, отняли, по принятой ими методѣ насилій, кладбище съ православною церковью у русскихъ и устроили тамъ свое кладбище, гдѣ и по настоящее время погребаются исключительно одни только р. католики.

Такія данныя, доказывающія принадлежность остро-воротной мѣстности русскимъ, ясно убѣждаютъ, что и находящіяся здѣсь ворота, съ иконою Божіей Матери, имѣютъ русское происхожденіе и что послѣдняя, въ древности, составляла достояніе русскаго православія въ Вильнѣ: ибо, если помянутая мѣстность принадлежала исключительно русскимъ,— то, конечно, они, а некто другой, устроили на ней ворота съ часовнею и поставили принадлежащую имъ икону. Но чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, приведемъ слѣдующія доказательства. Когда р. католики захватили въ свои руки почти всѣ православныя церкви и разныя святыни въ г. Вильнѣ,— острыя ворота, съ находившеюся на нихъ часовнею, состояли въ вѣденіи Свято-Троицкаго монастыря,— искони православнаго,— который только въ эпоху водворенія въ Вильнѣ брестской уніи былъ обращенъ въ эту новую секту уніатскимъ митрополитомъ Поцѣемъ. Даже земля, не только подъ воротами, но и за ними, принадлежала Свято-Троицкому монастырю, что видно изъ сохранившихся въ архивахъ этого монастыря документовъ, между которыми замѣчателенъ уступочный

актъ 1624 года, коимъ базиліане Троицкаго монастыря, не задолго предъ тѣмъ обращеннаго въ унію, уступили латинскимъ монахамъ — кармелитамъ босымъ плацъ у острыхъ воротъ, а сіи послѣдніе построили на этомъ плацу въ 1626 году свой кляшторъ и костелъ во имя св. Терезіи. Что касается до острыхъ воротъ и помѣщавшейся въ верху ихъ иконы, — то онѣ и послѣ постройки помянутаго костела оставались въ вѣденіи базиліанъ до 1706 года, а въ этомъ году, во время случившагося въ Вильнѣ пожара, сгорѣли деревянныя острыя ворота, а икона была спасена жившими по сосѣдству кармелитами, которые поставили ее *на время* въ своемъ костелѣ. За тѣмъ были выстроены вновь деревянныя ворота, на мѣстѣ прежнихъ, съ часовнею на верху; кармелиты перенесли туда икону съ величайшею торжественностію, и съ тѣхъ поръ, по праву сильнаго, оставили въ своемъ завѣдываніи навсегда какъ ее, такъ и самыя острыя ворота.

Въ 1715 году пожаръ опять истребилъ острыя ворота и икона снова была поставлена въ костелѣ кармелитовъ, гдѣ и находилась нѣсколько лѣтъ, пока на пожертвованія набожныхъ католиковъ не воздвигли кармелиты новыхъ, сохранившихся доселѣ, каменныхъ воротъ, на верху которыхъ устроена ими *каплица* (часовня), съ великолѣпнымъ престоломъ (алтаремъ), для совершенія миссы, и органомъ. — Икона была перенесена туда еще съ большимъ торжествомъ, чѣмъ прежде. Въ торжественной *процессіи* (ходѣ) участвовало четыре бискупа, всѣ монахи виленскихъ кляшторовъ, все свѣтское (бѣлое) виленское духовенство, съ капитулой во главѣ, при стеченіи нѣсколькихъ тысячъ народа, шляхты, цеховъ съ знаменами, воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній, войска и всѣхъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ.

Сначала базиліане смотрѣли, повидимому, равнодушно на этотъ захватъ латинянъ, но когда сіи послѣдніе съумѣли пустить въ народѣ громкую молву о безчисленныхъ чудесахъ, происходившихъ отъ захваченной ими у православныхъ Божіей Матери иконы, вслѣдствіе чего стали стекаться на поклоненіе ей тысячи богомольцевъ изъ Литвы, Польши и Бѣлоруссіи, и когда, такимъ способомъ, она сдѣлалась источникомъ огромныхъ доходовъ для кармелитовъ, — то базиліанцы рѣшились возвратить эту икону себѣ, какъ древнее достояніе Свято-Троицкаго монастыря, для чего, въ концѣ XVIII столѣтія, завели съ кармели-

ами исковую тяжбу. Но какъ мѣстные судьи были уже въ то время прозелитами папства,— то дѣло это было рѣшено въ пользу кармелитовъ. Недовольные такимъ рѣшеніемъ базиліанцы апеллировали въ Римъ, и папа покончилъ эту тяжбу слѣдующею резолюціею: „оставить икону за тѣмъ монастыремъ, который ближе къ ней разстояніемъ, а дѣло предать вѣчному молчанію (perpetuo silentio)“. Разумѣется, папа сдѣлалъ такое постановленіе, зная навѣрно, что кармелитскій монастырь ближе къ Острымъ воротамъ, чѣмъ Св. Троицкій. Въ первой половинѣ XIX вѣка, базиліане опять возобновили свою тяжбу съ кармелитами, но она осталась безъ послѣдствій. Тяжебное дѣло объ этомъ находилось въ тридцатыхъ годахъ въ архивѣ бывшей уніатской коллегіи, который, послѣ возсоединенія уніатовъ, поступилъ въ архивъ св. Синода (*).

Кромѣ этихъ историческихъ доводовъ, самый наружный видъ иконы остро-воротной Божіей Матери доказываетъ если не русское, то греческое, т. е. православное, происхожденіе: она написана, вопреки римскому обычаю, на доскѣ, масляными красками, съ покрытою головою Божіей Матери; живопись чисто греческаго древняго стиля, испорченная нѣсколько при позднѣйшемъ обновленіи, наконецъ многіе свидѣтельствуютъ, что, „при обновленіи на ней серебряннаго оклада, видѣли вокругъ изображенія Божіей Матери золотую надпись, славянскими буквами: честнѣйшую херувимъ и проч.“

Впрочемъ и сами паписты плохо умѣютъ скрывать истину происхожденія этой иконы и даже печатно проговариваются, что она первоначально была достояніемъ православныхъ. Такъ, напримѣръ, въ числѣ прочихъ латинскихъ писателей, говоритъ о происхожденіи этой иконы ксендзъ Даніилъ Лодзята: „Великій князь литовскій Ольгердъ вывезъ много сокровищъ изъ Херсонеса въ Вильну, которыми обогатилъ свою казну. Въ числѣ этихъ сокровищъ находились разныя церковныя утвари и святыни, которыя онъ и его преемники роздали городскимъ церквамъ г. Вильны (замѣтьте церквамъ, а не костеламъ). Между этими святынями находился и латинный образъ Пресвятой Дѣвы Маріи, въ видѣ стоящей предъ посланникомъ Божіимъ— архангеломъ Гавріиломъ. Образъ этотъ

(*) На этотъ фактъ указывалъ Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ литовскій Іосифъ въ примѣчаніи къ одной изъ проповѣдей, произнесенныхъ имъ въ 1851 году въ виленскомъ Св. Духовскомъ монастырѣ.

находится теперь въ часовнѣ кармелитовъ на воротахъ восточной части города, называемыхъ обыкновенно острыми и проч.“ (*).

Извѣстно, что Ольгердъ, по убѣжденію православной супруги своей Уліаніи тверской, окрещенъ былъ въ православіе съ именемъ Александра и умеръ въ 1581 году, принявъ схиму, съ именемъ Алексія. Онъ строилъ православныя церкви въ Вильнѣ и весьма естественно, что церковныя утвари и сказанную икону, вывезенныя имъ изъ Херсонеса, роздалъ православнымъ церквамъ, которыхъ было при немъ въ Вильнѣ много,— такъ что въ числѣ ихъ находился уже и каѳедральный соборъ, тогда какъ, во время Ольгерда, существовалъ (подъ сомнѣніемъ) въ Вильнѣ одинъ только р. католическій костелъ— францисканскій, да и то безъ прихожанъ, потому что было тогда въ Вильнѣ р. католиковъ не болѣе 2-хъ 3-хъ десятковъ, изъ числа окружавшихъ Гаштольда, да и то не поляковъ, а нѣмцевъ.

Это свидѣтельство Лодзяты видимо не понравилось автору книжки „Wiadomość o cudownych obrazach“ и проч., ксендзу М. Г. Рокицкому, и онъ, въ опровержение его приводитъ другое сочиненіе о происхожденіи островоротной Божіей Матери (кажется, имъ самимъ выдуманное). Впрочемъ это сочиненіе относится скорѣе къ возобновленію, чѣмъ къ первоначальному происхожденію этой иконы.

„Трудно повѣрить, говоритъ Рокицкій, чтобы столь огромный образъ, который едва могутъ поднять съ мѣста 12 сильныхъ людей (и одинъ сильный подниметъ), былъ привезенъ (еще бы— принесенъ!) Ольгердомъ изъ Херсонеса въ Вильну иначе, какъ на особомъ *повозѣ* (эка трудность для владѣтельнаго князя!) и при особыхъ *подмосткахъ* (къ чему онѣ?), и при томъ когда въ то время не существовало безопасныхъ путей (развѣ сокровища были везены безъ конвоя?). Слѣдовательно гораздо болѣе похоже на истину извѣстіе отъ старыхъ людей, 60 лѣтъ и болѣе (глубокая старина!), почерпнутое изъ расказовъ оо. кармелитовъ (еще бы?!), что, по обветшаніи первоначальнаго образа, находившагося на деревянныхъ воротахъ, оо. кармелиты, вознамѣрившись построить новыя ворота, пожелали обновить и образъ. Пригласивъ *живописца изъ Кіева, съ Руси прибывшаго* (обратите вниманіе на нашъ курсивъ!), они подрядили его на два образа одинаково-

(*) Narbutt tom 3 stron. 137; смотри Wiadomość o cudownych obrazach w Wilnie 1863 r. stron. 5 Nota 2.

го размѣра, т. е. *Пресвятой Дѣвы*, который и доселѣ почитается вѣрными въ острой бранѣ, и Искупителя, *во вкусѣ грековосточномъ*, по обычаю, съ земнымъ шаромъ въ рукѣ, который (образъ) помѣщался въ концѣ корридора въ монастырѣ острубрамскомъ, предъ покоями оо. пріоровъ, а нынѣ находится въ пристѣнкѣ каѳедры, при входѣ отъ города, надъ дверями.“

Это сказаніе ксендза Рокицкаго, заимствованное имъ (какъ онъ самъ говоритъ) изъ разсказовъ 60-лѣтнихъ людей и самихъ оо. кармелитовъ, не явно ли, — хоть и вопреки желанію о. Рокицкаго, — указываетъ на русское, слѣдовательно православное происхожденіе остро-воротной иконы Божіей Матери, когда для обновленія ея и для сбереженія прежняго вида, а слѣдовательно и народнаго почитанія, — нужно было выписывать русскаго иконописца изъ Кіева въ то время, когда скорѣе и естественнѣе было бы вызвать живописца паписта изъ Варшавы или другого какого либо р. католическаго города? Да и въ самой Вильнѣ было, безъ сомнѣнія, въ то время довольно, и при томъ весьма искусныхъ, живописцевъ, потому что тогда строились и снабжались образами такіе великолѣпные костелы, какъ кармелитскій св. Терезіи, бернардинскій св. Анны и множество другихъ. Дѣло въ томъ, что такъ какъ обветшавшая икона была написана въ греческомъ или греко-русскомъ стилѣ, — то и могъ возобновить ее спеціалистъ этого рода иконописи, — именно русскій художникъ, — какого живописца кармелиты и выписали изъ русскаго Кіева. А что дѣйствительно эта икона возобновлена не слишкомъ давно, — можно заключить изъ того, что она писана масляными красками, тогда какъ древнія иконы писались красками на яичномъ бѣлкѣ.

Хотя православнымъ былъ весьма обиденъ такой захватъ остро-воротной иконы, сдѣланный р. католиками; но всего обиднѣе и прискорбнѣе для всѣхъ православныхъ-русскихъ, что это ихъ древнее достояніе, эта заповѣдная ихъ святыня сдѣлалась впослѣдствіи главнымъ орудіемъ польско-латинской пропаганды въ Вильнѣ, въ ущербъ интересамъ вѣры и народности прежнихъ ея хозяевъ. Мало того, что съ помощію этой иконы, въ началѣ настоящаго столѣтія (какъ видно изъ преданій и документовъ), ополячилось множество русскихъ, исповѣдывавшихъ уніатскую и даже православную вѣру, — такъ что они теперь уже считаютъ себя поляками, — р. католики обратили *острубрамскую* часовню въ тайникъ своихъ политическихъ интригъ. Все вредное, пра-

вославію, русской народности и русскому правительству имѣло главный секретный пріютъ въ этой часовнѣ и сосѣдственномъ съ нею костелѣ св. Терезіи. Расчетъ былъ вѣренъ. Святыня мѣста не допускала мысли въ православномъ человѣкѣ, чтобы тамъ совершались дѣла недостойныя христіанина кѣмъ либо изъ послѣдователей Христа, а тѣмъ болѣе служителями алтаря Его... И навѣрно никто не вздумалъ бы дѣлать, безъ особеннаго повода, обыски въ этихъ политико-религіозныхъ тайникахъ. Польское духовенство, понимая значеніе этого мѣста, старалось еще болѣе возвысить его въ понятіяхъ народа, и разными экзальтированными проповѣдями и вліяніемъ на восторженныхъ патріотовъ, особенно патріотокъ, такъ фанатизировало души своихъ адептовъ, что они не только снимали и снимаютъ шапки проходя чрезъ острыя ворота, но даже, не смотря ни накакую погоду, идутъ съ непокрытою головою по всему остро-воротному переулку до конца костела. Но пусть бы они исполняли этотъ обѣтъ сами; они, съ давнихъ поръ, съумѣли сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ, даже для евреевъ.

Но не выдержала латино-польская ревность!.. Въ 1796 году, когда русскіе войска усмиряли мятежъ въ литовскихъ губерніяхъ,— фанатикъ-ксендзъ Цѣлица изъ остробрамской часовни застрѣлилъ изъ ружья русскаго полковника Діева.

За это душегубство изъ-заугла слѣдовало бы тогда же образъ взять у кармелитовъ и отдать служителямъ православной церкви, которые умѣютъ уважать христіанскую святыню, а самыя острыя ворота разрушить; однако, по великодушію русскаго правительства, этого не было сдѣлано. Потомъ, послѣ мятежа 1830 года, зорко слѣдившій за кознями поляковъ взоръ императора Николая I-го обратился на это мѣсто и, по разслѣдованіи объ иконѣ и значеніи соединенной съ часовнею костела политической интриги, покойный государь императоръ повелѣть соизволилъ: монастырь кармелитовъ босыхъ упразднить и костелъ св. Терезіи закрыть, разумѣется и съ принадлежащей ему часовней, но тутъ, не извѣстно по чьему вліянію, приказаніе исполнено вопреки волѣ монарха. Нашли въ Вильнѣ другой костелъ, также кармелитскій, на предмѣстьи, называемомъ Рыбаки, и закрыли его, вмѣсто костела, находящагося возлѣ острыхъ воротъ, упразднивъ только монастырь, гдѣ теперь помѣщается училище для дѣвицъ духовнаго званія, настоящій же костелъ

св. Тереаіи, съ остро-воротной часовней, къ которымъ собственно относилось Высочайшее повелѣніе, остались неприкосновенными (*).

Въ послѣдній мятежъ 1863 года и въ эпоху предшествовавшихъ ему демонстрацій, остро-воротная часовня играла тоже весьма важную роль. Ежедневно, чуть не ежечасно, толпы мятежниковъ собирались въ остро-воротную улицу и, стоя на колѣнахъ предъ воротами, открыто воспѣвали польскіе революціонные гимны, а въ самой часовнѣ дѣлались сборы денегъ и драгоцѣнныхъ вещей на польскую справу. Отъ нея всегда начинались революціонныя процессіи по городу, въ томъ числѣ и извѣстныя двѣ процессіи на Лукишки и Погулянку, имѣвшія чисто-мятежническій характеръ.

Увѣряютъ также, что въ остро-воротной часовнѣ, въ 1863 году, до назначенія генералъ-губернаторомъ графа Муравьева, приводимы были къ присягѣ герои лѣсныхъ бандъ, жандармы—вѣшатели и другіе фанатическіе— убійцы.

Узнавъ о такихъ продѣлкахъ мятежниковъ и о политическомъ значеніи *„Острой брамы“*, покойный графъ Муравьевъ, вскорѣ послѣ прибытія въ Вильну, сдѣлалъ было распоряженіе о передачѣ иконы въ виленскій каѳедральный костелъ и объ уничтоженіи острыхъ воротъ, составляющихъ во всей западной Россіи какъ бы символъ польскихъ тенденцій и сборный пунктъ революціонныхъ агитаторовъ; но эта вопіющей необходимости мѣра почему то не осуществилась надѣлѣ, тогда какъ это былъ и самый лучшій моментъ для уничтоженія этого символа и самое законное возмездіе за тѣ враждебныя Россіи дѣйствія, какими ознаменовали себя въ $6^3/_4$ году Острыя ворота, или точнѣе— хозяева ихъ.

Какъ бы то нибыло, но то несомнѣнно, что *Острая брама* съ иконою есть хоругвь польскаго патріотизма въ Литвѣ.

Доказательствомъ тому служитъ недавно случившееся въ Вильнѣ происшествіе. Ксендзъ Стрѣлецкій, вмѣстѣ съ приходомъ своимъ,. принялъ православіе. Разумѣется, что такой поступокъ вызвалъ мщеніе въ душахъ фанатиковъ-папистовъ.

Въ концѣ октября, о. Стрѣлецкій пріѣхалъ въ Вильну и пробывъ нѣсколько времени у начальника уѣздной жандармской команды И...ва, возвращался на квартиру чрезъ Острыя ворота

(*) Дѣло о закрытіи этого костела по повелѣнію императора Николая находится въ канцеляріи Управленія виленскаго генералъ-губернатора.

на извощикѣ, который, какъ оказалось, былъ р. католикъ (это происходило въ 8 часовъ вечера). Вдругъ двое неизвѣстныхъ злоумышленниковъ напали на него и нанесли ему чѣмъ-то по головѣ такіе тяжкіе удары, что о. Стрѣлецкій свалился съ дрожекъ въ безпамятствѣ.

Это происшествіе надѣлало много шума какъ въ г. Вильнѣ, такъ и въ газетномъ мірѣ,— нашлись даже такія личности (разумѣется изъ поляковъ), которыя нагло утверждали, что это произшествіе съ о. Стрѣлецкимъ— сочиненіе *москалей*, что никто не билъ его, что онъ упалъ съ дрожекъ самъ, въ припадкѣ болѣзни, и по другимъ— въ нетрезвомъ видѣ... И этимъ польскимъ комментаріямъ отмежевано самое видное мѣсто въ русской газетѣ „Вѣсть“, которая приписала паденіе о. Іоанна Стрѣлецкаго „сытному обѣду и *старой вудце*“ (чей образъ выраженія?), и за которою, къ стыду нашей мѣстной прессы, осталось послѣднее—слово. Слѣдствіе объ этомъ произшествіи, кажется, еще не кончилось, но едва ли откроетъ виновниковъ нападенія.

Вообще интересы здѣшняго края требуютъ перенесенія въ болѣе приличное и безопасное мѣсто остро-воротной иконы и уничтоженія самихъ воротъ— тѣмъ болѣе, что онѣ загромождаютъ собою проѣздъ въ городъ, вслѣдствіе чего часто случается въ воротахъ стѣсненіе и ломка экипажей,— а своею неуклюжею архитектурою эти ворота обезображиваютъ главную улицу въ Вильнѣ.

Считаемъ нужнымъ замѣтить также, что ежедневное скопленіе у Острыхъ воротъ, на улицѣ, подъ открытымъ небомъ, во время утренней мессы и вечерни, совершаемыхъ ксендзами въ открытой часовнѣ, при звукахъ органа и пѣніи польскихъ *литаній* и *супликацій*, народа, благоговѣйно стоящаго на колѣнахъ,— не можетъ не служить большимъ соблазномъ для православныхъ, въ особенности изъ возсоединенныхъ уніатовъ и недавно обратившихся р. католиковъ. Мы неразъ замѣчали между молящимися р. католиками набожно стоящихъ даже коренныхъ русскихъ-православныхъ. Да и самая эта публичная обрядность въ г. Вильнѣ даетъ поводъ думать, что здѣсь господствующая вѣра р. католическая.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Число присоединившихся къ православной церкви въ 1866 году въ литовской епархіи.

Въ минувшемъ 1866 году по литовской епархіи присоединилось къ св. православной церкви нашей:

1) Изъ римско-католическаго исповѣданія— мужескаго пола 13,470 и женскаго 11,724, а всего 25,194 души.
2) Изъ лютеранскаго-мужескаго пола 4, женскаго 5, всего 9.
3) Крещено изъ іудейства-мужеск. п. 9, женск. 27, всего 36.
4) — изъ магометанъ — — 1, — 1, — 2.

Итого по епархій присоединилось: мужескаго пола 13,484, женскаго 11,757, обоего 25,241 душа.

Въ числѣ принявшихъ спасительное православіе— большинство крестьянъ; но есть довольно лицъ и дворянскаго сословія, туземныхъ помѣщиковъ, изъ коихъ нѣсколько фамилій княжескихъ и графскихъ.

Объ обращеніи въ православіе французскаго аббата Мордреля.

О жизни аббата Мордреля и его обращеніи въ православіе находимъ въ «Соврем. Листкѣ» слѣдующія подробности. Онъ родился въ департаментѣ Иллъ-и-Виленъ въ Бретани. Получивъ элементарное образованіе въ коллегіи (гимназіи) города Доля, онъ поступилъ затѣмъ въ епархіальную семинарію, гдѣ провелъ восемь лѣтъ. По окончаніи здѣсь полнаго курса наукъ, молодой Мордрель, вступилъ, въ качествѣ послушника, въ религіозную конгрегацію «Непорочнаго Зачатія,» которой семинарія находилась въ то время въ Марсели. Здѣсь онъ изучалъ въ теченіи

трехъ лѣтъ исключительно богословскія науки и былъ посвященъ, рукоположеніемъ епископа марсельскаго, въ первые четыре низшія степени клира (вратаря, свѣщеносца, чтеца и пѣвца). Въ сентябрѣ 1861 года, по распоряженію духовнаго начальства, онъ былъ командированъ на островъ Корсику, гдѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, преподавалъ воспитанникамъ коллегіи города Аяччіо предметы общеобразовательнаго курса. Въ это время онъ былъ посвященъ въ иподіакона и наконецъ во священника.

Духъ, господствовавшій въ конгрегаціи «Непорочнаго Зачатія» и общій всѣмъ р. католическимъ конгрегаціямъ, производилъ неблагопріятное впечатлѣніе на открытую и простую душу аббата Мордреля. Онъ неоднократно просилъ увольненія своего изъ конгрегаціи и въ ноябрѣ 1864 года получилъ позволеніе отправиться къ своимъ родственникамъ, у которыхъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Оттуда, въ октябрѣ 1865 года, онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ опредѣлился преподавателемъ въ коллегію отеильской Богоматери. Въ іюнѣ слѣдующаго года, онъ познакомился съ настоятелемъ русской православной церкви въ Парижѣ, протоіереемъ І. В. Васильевымъ.

Сомнѣнія, которыя давно уже возникли въ душѣ аббата Мордреля относительно истинности римско-католической церкви, заставили его серьозно заняться изслѣдованіемъ вопроса о причинахъ раздѣленія между церквами восточною и западною. Бесѣды съ протоіереемъ Васильевымъ разсѣяли въ немъ послѣднія недоумѣнія, и онъ рѣшился наконецъ принять православіе, для чего еще въ октябрѣ истекшаго года пріѣхалъ въ Россію, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ въ православіи.

Событіе присоединенія происходило, въ воскресенье 29 истекшаго января. Обрядъ совершенъ былъ протоіереемъ В. П. Полисадовымъ, передъ началомъ литургіи, большею частію на французскомъ языкѣ. Обычные вопросы ново-обращаемому и отвѣты его, касавшіеся отверженія латинскихъ заблужденій и искренняго признанія истины православія, происходили на этомъ языкѣ. Мы замѣтили, съ какимъ глубокимъ чувствомъ внутренняго убѣжденія дѣлалъ свои отвѣты и читалъ символъ православной вѣры аббатъ Мордрель. Обрядъ былъ завершенъ возложеніемъ на новообращеннаго золотаго крестика на голубой ленточкѣ, присланнаго въ даръ преосвященнымъ Нектаріемъ, епископомъ нижегородскимъ. Свидѣтельницей обряда и, такъ сказать,

воспріемницей новообращеннаго была супруга бывшаго президента едико-хирургической академіи М. А. Дубовицкая.

Когда обрядъ присоединенія былъ оконченъ, о. протоіерей Полисадовъ обратился къ новому сыну православной церкви, съ рѣчью на французскомъ языкѣ, въ которой убѣждалъ его стоять твердо на вновь избранномъ имъ пути и не страшиться опасностей, которыми могутъ окружить его враги православной вѣры. ожалѣемъ, что не можемъ сообщить читателямъ этой превосходной, глубоко прочувствованной рѣчи краснорѣчиваго нашего роповѣдника. Въ ней слышался голосъ духовнаго отца и наставника, исходившій изъ глубины любящаго сердца, и онъ, надѣемся, произвелъ сильное впечатлѣніе на новообращеннаго. Въ той рѣчи, о. протоіерей Полисадовъ привелъ, между прочимъ, ыдержку изъ прошенія, посланнаго аббатомъ Мордрелемъ къ высокопреосвященному Исидору, митрополиту с.-петербургскому, выдержку, изъ которой видно, какія причины заставили новообращеннаго оставить священный санъ, въ который онъ былъ облеченъ въ римской церкви. Вотъ что было сказано, между прочимъ, ъ этой части прошенія бывшаго аббата:

«Если я прошу ваше высокопреосвященство отверзть мнѣ враа православной церкви,— то я дѣлаю это безъ сомнѣнія не для ого, чтобы избѣгнуть какого нибудь церковнаго наказанія; никогда я не находился подъ угрозою какой либо кары: документы, аходящіеся въ моихъ рукахъ, служатъ тому доказательсвомъ. Не дѣлаю я этого также въ видахъ возможности вступить въ ракъ, или пріобрѣтенія какихъ либо мірскихъ выгодъ, какъ иные огли бы подумать. Нѣтъ, владыко, я объявляю во всеуслышаніе со всею искренностью сердца, что рѣшаюсь на этотъ шагъ, овинуясь глубокому убѣжденію. Оттого-то первымъ моимъ намѣреніемъ было принять православіе съ сохраненіемъ священнаго ана, который я почитаю и люблю. Но именно, вслѣдствіе этоо почтенія къ благодати священства, я и рѣшаюсь, послѣ долаго и зрѣлаго размышленія, сложить съ себя этотъ священный алогъ на прагѣ церкви, въ которую прошу ваше высокопреосвященство допустить меня. Въ самомъ дѣлѣ, самыя обстоятельства, меня окружающія, дѣлаютъ безплодною благодать, низведенную на меня въ день рукоположенія моего во священника. Къ тому же, не говоря о тугѣ сердца, которую обстоятельство то причинило бы мнѣ, положеніе мое, какъ священника безъ

паствы и безъ обязанностей, было бы противно канонамъ церковнымъ. Такимъ образомъ, поелику священство мое не принесло бы никакой духовной пользы ни мнѣ, ни моему ближнему, то и титло священника и внѣшнія отличія сана не представляютъ уже для меня основаній къ ихъ сохраненію. Они только служили бы для меня препятствіемъ къ успѣшному прохожденію учебнаго поприща, на которое я уже вступилъ и къ которому имѣю склонность.»

Въ заключеніе торжества, новый сынъ православной церкви былъ, въ обычное время литургіи, допущенъ къ принятію св. таинъ, причемъ молитву: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую» произнесъ внятнымъ, хотя и взволнованнымъ голосомъ, на французскомъ языкѣ. По окончаніи обѣдни, г-жа Дубовицкая благословила его образомъ.

Новообращенный сохраняетъ въ православіи имя Виктора.

Пріятно было видѣть, скажемъ мы въ изключеніе, какъ многія бывшія въ храмѣ и совершенно незнакомыя г. Мордрелю особы, привѣтствуя въ лицѣ его брата по вѣрѣ, принесли ему, по окончаніи обряда присоединенія, поздравленія со вступленіемъ его въ лоно православной церкви.

Народныя школы въ Гродненской губерніи.

Народныя училища, служатъ въ Западномъ краѣ самымъ могущественнымъ и успѣшнымъ средствомъ къ прочному его обрусѣнію. Образованіе здѣшняго народа въ духѣ православной вѣры и русской народности ведетъ къ результатамъ вѣрнымъ, прочнымъ. Русская книга, русскія понятія, почерпаемыя изъ этихъ книгъ, подъ руководствомъ русскихъ учителей, должны глубоко проникать въ сознаніе мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что сѣмена падаютъ на почву благодарную; русское образованіе потому именно легко прививается въ средѣ здѣшняго населенія, что народъ здѣшній почти ничего не утратилъ изъ русскаго склада своего ума, изъ своихъ русскихъ симпатій, не смотря на вѣковое лишеніе всякаго нравственнаго и умственнаго развитія, быть можетъ, даже— благодаря этому лишенію. Невѣжествомъ здѣшній народъ сохранилъ къ себѣ все родное, все русское; ничему его не учили— ничего въ немъ не извратили.

Въ сознаніи огромнаго значенія русскаго образованія для здѣшняго края, мѣстное учебное вѣдомство и мѣстная администрація всѣми мѣрами содѣйствуютъ возможному процвѣтанію народ-

ныхъ школъ въ краѣ, какъ относительно достаточнаго количества ихъ, такъ и относительно образовательно-нравственнаго ихъ преуспѣянія, при существенномъ условіи— православно-русскомъ направленіи. Въ этомъ отношеніи, повидимому, дѣлается все, что позволяютъ средства и простая физическая возможность. Нужно замѣтить, что всѣ трудности, сопряженныя съ такимъ сложнымъ дѣломъ, какъ открытіе и устройство сельскихъ школъ, не останавливаютъ ни ихъ увеличенія, ни развитія ихъ внутренней силы. Можно и слѣдуетъ допустить, что тѣсная связь и полнѣйшее слитіе здѣшняго народа съ народомъ великорусскимъ подготовляются у насъ главнымъ образомъ системой народнаго образованія.

Въ убѣжденіи, что польза народно-русскаго образованія въ здѣшнемъ краѣ очевидна для всякаго, мы думаемъ, что нѣкоторыя данныя относительно народныхъ училищъ въ Гродненской губерніи будутъ не безъинтересны.

Народныя школы Гродненской губерніи до послѣдняго времени состояли въ вѣдѣніи виленской дирекціи народныхъ училищъ. Съ 10 октября истекшаго года, по Высочайшему повелѣнію, учреждена отдѣльная для Гродненской губерніи дирекція народныхъ училищъ, на основаніи временныхъ правилъ 23-го марта 1863 года. По временному штату, дирекція состоитъ: изъ одного директора, трехъ инспекторовъ, одного письмоводителя и одного канцелярскаго служитетя. Въ числѣ денежныхъ статей, опредѣленныхъ на содержаніе дирекціи, по штату полагается 1,000 руб. *на разъѣзды для осмотра директоромъ и инспекторами училищъ* и 100 руб. *на разсылку учебныхъ пособій по училищамъ.* Обѣ статьи обращаютъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что доказываютъ, что сельскія школы подчинены будутъ со стороны дирекціи постоянному контролю, а также будутъ снабжаемы необходимыми учебными пособіями. Оба эти условія очень важны, въ томъ именно отношеніи, что служатъ достаточною гарантіей той пользы въ дѣлѣ народнаго образованія и того преуспѣянія, которыхъ мы вправѣ ожидать отъ нашихъ сельскихъ школъ.

Народныя школы въ губерніи подраздѣляются: 1) на школы приходскія, съ женскими при нихъ смѣнами; 2) штатныя народныя училища; 4) отдѣленія народныхъ училищъ и 5) училища вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ.

Приходскія школы, одноклассныя и двухклассныя, существуютъ по городамъ и мѣстечкамъ, числомъ до 30. Въ нихъ обучаются 2,171 мальч. и 104 дѣвоч., въ томъ числѣ правосл. 844, р. катол. 387 и евр. 44. Въ женскихъ смѣнахъ, существующихъ при 9-ти училищахъ, обучаются 82 дѣвочки, въ томъ числѣ прав. 42, кат. 28 и евр. 12. Училища эти существуютъ на средства тѣхъ городовъ, въ которыхъ открыты.

Штатными народными училищами называются такія сельскія школы, которыя существуютъ на суммы, ассигнуемыя казною.

Ихъ считается въ губерніи 151. Въ нихъ учащихся 7,282, въ томъ числѣ 6,430 мальч. 852 дѣвоч.; изъ нихъ прав. 6,646, катол. 332 и евр. 4. На содержаніе каждаго училища отпускается ежегодно по 200 руб. сер., изъ коихъ жалованья учителю 150 руб.: гдѣ имѣется отдѣльный учитель, законоучителю, обыкновенно мѣстному священнику— 25 руб. и на учебныя книги и другія пособія 25 руб. Всего же на содержаніе штатныхъ школъ въ губерніи ежегодно отпускается изъ казны 20,200 руб.

Нужно замѣтить, что въ текущемъ году ожидается значительное увеличеніе числа сельскихъ школъ въ губерніи, на счетъ подесятиннаго съ крестьянскихъ обществъ, съ этою именно цѣлью, сбора. Сколько намъ извѣстно, со стороны мѣстной администраціи обращено на этотъ предметъ самое серьезное вниманіе; съ другой стороны, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе относится къ этому же дѣлу съ просвѣщеннымъ и живымъ сочувствіемъ. Очень жаль, что въ эту минуту мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить цифру ожидаемаго на училища сбора. не имѣя для этого никакихъ данныхъ (*). Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы сборъ этотъ далъ возможность увеличить число штатныхъ въ губерніи школъ по крайней мѣрѣ вдвое противъ числа существующихъ. Можно думать, что подобное желаніе не неисполнимо. Когда въ губерніи будетъ считаться однихъ штатныхъ сельскихъ училищъ до 300, то есть, въ каждомъ уѣздѣ приблизительно по 34 школы, тогда дѣло народно-русскаго образованія пойдетъ еще успѣшнѣе и быстрѣе.

Сверхштатными училищами называются такія, которыя не получаютъ содержанія отъ казны, но существуютъ средствами самихъ сельскихъ обществъ. Такихъ училищъ въ губерніи въ настоящее время считается только 3. Въ нихъ учащихся 61, въ томъ числѣ 52 мальч. и 9 дѣвочекъ; всѣ православнаго исповѣданія.

Отдѣленія народныхъ школъ открыты въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ, по дальности разстоянія нѣкоторыхъ деревень отъ штатной школы, встрѣчаются затрудненія для крестьянъ этихъ деревень посылать дѣтей въ школу. Отдѣленіе обыкновенно состоитъ подъ ближайшимъ надзоромъ штатнаго учителя, который избираетъ изъ своихъ учениковъ болѣе способнаго крестьянскаго мальчика и возлагаетъ на него обязанность учить въ отдѣленіи дѣтей грамотѣ.

Училища вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ обезпечиваются средствами этого вѣдомства и дирекціи народныхъ училищъ подчинены только въ учебномъ отношеніи, то есть, дирекція назначаетъ въ эти школы учителей и слѣдитъ за успѣшнымъ и правильнымъ преподаваніемъ. Школъ этихъ въ губерніи

(*) Мы надѣемся вскорѣ сообщить вѣрную цифру этого сбора и число школъ, предположенныхъ къ открытію на счетъ суммъ этого сбора.

читается 39, учащихся въ нихъ всего 1786, въ томъ числѣ мальч. 1675 и дѣвоч. 111.

Такимъ образомъ народныхъ школъ въ губерніи существуетъ въ настояще время 265 (*), въ нихъ учащихся всего 11,310, въ томъ числѣ мальч. 10,040 и дѣвочекъ 1,270.

Цифры эти даютъ довольно незначительный процентъ сравнительно съ массой городскаго и сельскаго населеній въ губерніи, простирающихся, по статистическимъ даннымъ, приблизительно до 800,000 душъ обоего пола. Но если принять во вниманіе, что въ сельскихъ школахъ обучаются грамотѣ крестьянскія дѣти не моложе 7-ми и не старше 15-ти лѣтъ, то, по вѣроятному исчисленію, число таковыхъ на всю массу городскаго и сельскаго сословій никакъ не можетъ быть выше $^1/_6$ всей суммы. Въ такомъ случаѣ 11,310 учащихся обоего пола составятъ довольно крупный процентъ, именно— слишкомъ 8% всѣхъ способныхъ къ ученію крестьянскихъ дѣтей обоего пола. Цифра эта, однако, гораздо ниже дѣйствительной и представляетъ minimum учащихся въ сельскихъ школахъ. Сказавъ, что цифра городскаго и сельскаго сословій въ губерніи простирается до 800,000 душъ обоего пола, мы не отдѣлили изъ этой цифры евреевъ и лютеранъ, между тѣмъ какъ первыхъ, по послѣднимъ даннымъ, считается въ губерніи до 103,000 душъ об. п., а послѣднихъ до 16,500 душъ об. п.; тѣ и другіе имѣютъ свои отдѣльныя школы. Такимъ образомъ цифра городскихъ и сельскихъ сословій въ губерніи, вѣроисповѣданій православнаго и р. католическаго, доставляющихъ почти исключительно контингентъ учащихся въ народныя школы, о которыхъ идетъ рѣчь, должна быть ниже 700,000 душъ обоего пола. Очевидно, что процентъ учащихся въ народныхъ школахъ долженъ увеличиться, такъ что, соотвѣтственно принятому нами расчету, процентъ этотъ въ настоящее время долженъ быть уже не 8%, а почти 10%. Цифра эта вполнѣ утѣшительна.

Наставниками въ сельскихъ школахъ большею частію состоятъ мѣстные священники и только въ немногихъ мѣстахъ отдѣльные учители и сельскіе писаря.

Для снабженія школъ учебниками и другими пособіями открыты въ разныхъ пунктахъ при школахъ книжные склады, которыхъ считается 42, именно: въ гродненскомъ уѣздѣ 5, въ кобринскомъ 10, въ брестскомъ 6, въ бѣльскомъ 3, въ бѣлостокскомъ 2 и въ сокольскомъ 1. Кромѣ учебниковъ, въ этихъ складахъ продаются книги для чтенія общеполезнаго, нравоучительнаго и историческаго содержанія, иконы, крестики и т. п. Въ истекшемъ году выслано изъ учебнаго округа въ склады однихъ книгъ до 13,000 экземпляровъ на сумму около 4,000 руб.

(*) Кромѣ этихъ училищъ, существуютъ при церквахъ частныя элементарныя школы, устроенныя священниками безъ всякихъ пособій отъ казны. Число этихъ школъ намъ съ точностью неизвѣстно.

Вотъ общія данныя о внѣшней сторонѣ сельскихъ народныхъ школъ въ Гродненской губерніи.

(Грод. Губ. Вѣд.)

Письмо къ редактору „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей,“ по поводу статьи его объ исповѣди присоединившагося къ православію князя Александра Друцкаго-Любецкаго.

Съ полнымъ душевнымъ удовольствіемъ и сочувствіемъ прочитаны мною въ 37 № Губернскихъ Вѣдомостей строки, предпосланныя исповѣди князя Александра Іеронимовича. Кто бы ни былъ авторъ ихъ— русское ему спасибо, за откровенное указаніе ополяченнымъ русскимъ людямъ на ихъ старую русь, на ихъ русскія фамильныя традиціи, на ихъ старую чистую вѣру и родную національность. Пора наконецъ освѣтить темный путь исторической лжи о бѣлорусской Польшѣ, слишкомъ ужъ наглой и безцеремонной лжи, и задать ополяченнымъ русскимъ людямъ прямой вопросъ о возвращеніи къ своей кровной народности.

Автора, какъ и меня, за такія откровенныя рѣчи иные судьи могутъ произвести въ фанатики... (*). Скажите, ради Бога, какой же тутъ фанатизмъ?... Я вижу, что своекорыстный ловецъ завязалъ моему брату глаза, играетъ имъ, какъ шашкой, ведетъ его Богъ знаетъ куда, и стараюсь открыть брату глаза, чтобъ онъ посмотрѣлъ вокругъ себя съ сознаніемъ... Стараться открыть другому глаза, не значитъ быть фанатикомъ. А открывать глаза нужно потому, что ложь, конечно, не дремлетъ и пользуется каждымъ случаемъ, чтобы, если не затянуть покрѣпче, то, по крайней мѣрѣ, возможно дальше задержать на глазахъ своихъ жертвъ повязку.

Авторъ указалъ ополяченнымъ русскимъ на историческіе акты, на фамильныя воспоминанія: я кромѣ того хотѣлъ бы имъ указать на окружающій людъ, съ его говоромъ, и на мѣстности, съ ихъ названіями и преданіями, живущими въ народѣ.

Владѣльцамъ родовыхъ имѣній въ Бѣлоруссіи не худо бы прислушаться, какой рѣчью говоритъ это, съ незапамятныхъ временъ, окружающее ихъ, могучее въ своемъ терпѣніи, знаменитое би-

(*) Вы не ошиблись. Редакторъ неоффиціальнаго отдѣла нашей газеты давно уже попалъ на польскій зубокъ; онъ даже удостоенъ чести называться *Говорскимъ II-мъ*. Но это обстоятельство не остановитъ его въ святомъ дѣлѣ служенія интересамъ православія и народности, въ особености, въ настоящее время, когда труды его успѣли вызвать сочувствіе русской читающей публики и обратили вниманіе главнаго начальства. За нами правда, а за правду Богъ.

ло?... И ксендзовское и польское вліяніе, такое упорное, долгое и сильное, не передѣлало народной рѣчи: что? это обстоятельство ничего не говоритъ людямъ, называющимъ себя поляками и воображающимъ видѣть въ Бѣлоруссіи Польшу? Развѣ они объявятъ себя пришельцами въ край къ русскому народу и отрекутся отъ праха и могилъ своихъ предковъ?.,. Долго, пока не привыкъ, я дивился тому терпѣливому состоянію противорѣчія съ окружающей дѣйствительностію, въ какомъ нашелъ по пріѣздѣ на службу полякующихъ помѣщиковъ: многіе и до сихъ поръ вѣрны себѣ: вокругъ Русь, а они твердятъ, что они поляки!....

Прислушайтесь, ради Бога, къ названіямъ имѣній, селъ, рѣкъ, озеръ, и т. д. Санники, Зарѣки, Иваново, Иванскъ, Кривино, Будники, Верховье, Щипцы, Ворохопки, Ведрень, Лугъ, Дворецъ, Берестни, Свѣча, Полуозеро, Орѣховно, Вѣтрино, Мартиново, Камень, Бобрица, Дѣвичье озеро, Пышно, Губино и т. д., и т. д. Кто далъ эти названія?...

Но вы хотите, можетъ быть, исторически— русскихъ мѣстностей, съ преданіями русскими: поѣдемте со мной по знакомымъ мнѣ такимъ мѣстностямъ....

Вотъ мы съ вами пріѣхали въ такъ называемое село Верховье, отъ котораго удержалось только названіе церкви, принадлежавшее къ родовому имѣнію старой бѣлорусской дворянской фамиліи. Вы видите за рѣкой одиноко стоящую православную церковь и вдали отъ нея тамъ и сямъ разбросанныя деревни. Села Верховья нѣтъ— есть только имя; между тѣмъ, когда подъѣзжаете къ церкви, вы видите въ сторонѣ отъ нея огромное пространство, занятое старыми могильными камнями, свидѣтельствующее о прежней населенности мѣста. Спросите у крестьянъ— стариковъ: вамъ разскажутъ, какое было здѣсь огромное русское село Верховье— и не такъ-то давно были остатки его при церкви; вамъ разскажутъ, кому съ незапамятнаго времени принадлежало это село; разскажутъ и не слишкомъ давнюю исторію о старомъ упрямомъ помѣщикѣ, который почему-то вынужденъ былъ принять католицизмъ, но до конца жизни не былъ ни разу въ костелѣ, не могъ слышать о ксендзахъ, постоянно ходилъ въ верховскую церковь и подъ нею велѣлъ похоронить себя.... прямой преемникъ духа своего предка (*), одного изъ вкладчиковъ полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря, который никакъ не хотѣлъ пустить въ монастырь Іоасафата Кунцевича.... Верховье, имя слишкомъ русское: за чѣмъ оставаться мѣсту съ такимъ названіемъ?... Вотъ и нѣтъ этого мѣста и плугъ по немъ прошелъ... Осталось только верстахъ въ 4 сельцо Вержхове— резиденція старой бѣлорусской фамиліи: но Вержхове уже польское слово, въ которомъ, конечно,

(*) Корсака.

мы съ вами никакъ не отгадаемъ русскаго имени Верховья... Поѣдемъ дальше.

Съ ведренскихъ возвышенностей вы видите вдали въ южнинѣ бѣлыя башни костела, выглядывающія изъ за лѣсу,— это Чашники. Долго еще намъ ѣхать до Чашникъ; путь нашъ лежитъ по имѣнію, принадлежащему то же старой бѣлорусской дворянской фамиліи, которой корня напрасно стали бы вы искать въ какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ русскаго, которой, одни члены были въ числѣ фундаторовъ стараго минскаго православнаго собора, а другіе, къ сожалѣнію, до сихъ поръ ни какъ не могутъ выучиться говорить по русски,— ну какъ потому не признать этихъ послѣднихъ поляками? вѣдь у нихъ и органы рѣчи устроены совершенно не подходяще къ русскому *бараньему* говору... Вотъ мы минуемъ извѣстное по 1812 году село— резиденцію старой фамиліи, а вотъ и Чашники. Евреи загрязнили и задушили все въ мѣстечкѣ, у насъ съ вами духъ захватываетъ отъ жидовскаго занаху; мѣстечко превратилось въ столицу жидовы, налетѣвшей, по зову Рапопортовъ, съ разныхъ концовъ въ эту торговую мѣстность. Много разъ вы могли слышать, что Чашники съ своимъ чудотворнымъ Езусомъ служатъ однимъ изъ главныхъ центровъ бѣлорусскаго католицизма: это басни, которыя чѣмъ дальше отъ Чашникъ разсказываются, тѣмъ становятся наивнѣй и курьезнѣе. Въ Чашникахъ вы найдете только костелъ съ ксендзомъ, десятокъ старыхъ католическихъ богадѣльныхъ, да еще человѣкъ пять р. католиковъ разнаго званія. Зайдемъ-те въ костелъ: онъ построенъ въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія— года не помню, внутри красивъ; надъ престоломъ вы видите углубленіе, задергиваемое занавѣсками— тамъ Езусъ. Вы хотѣли бы видѣть это пресловутое изображеніе Бога-Спасителя ближе и входите боковыми дверями.... въ комнату, совершенно похожую на русскій алтарь. Видно у фундаторовъ костела слишкомъ свѣжи еще были православныя воспоминанія, или, можетъ быть, они дышали однимъ духомъ съ упрямымъ верховскимъ помѣщикомъ и, въ виду широкихъ размаховъ Руси прошлаго вѣка, утѣшались надеждой, что вотъ—вотъ, не сегодня-завтра, костелъ можно будетъ передѣлать въ церковь.... Впрочемъ не лишено вѣроятія и то предположеніе, что, можетъ быть, въ этомъ выразилась ксендзовская давная теорія постепенности въ дѣлѣ окатоличенія края... Поговорите съ старожилами— крестьянами, они вамъ разскажутъ про свои старыя привиллегіи и обычаи, про пергаменный свитокъ, сохранившійся въ церкви подъ престоломъ, про свои старыя права, по которымъ, напримѣръ, каждый изъ нихъ могъ свободно распорядиться своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, продать сосѣду на правахъ собственника свой домъ съ участкомъ земли и т. д..., однимъ словомъ, разскажутъ вамъ вещи, изъ которыхъ вы увидите, что Чашники были нѣчто въ родѣ стараго русскаго торговаго села... И разсказываютъ— буйный, богатый,

рѣпкій и неподатливый народъ были чашницкіе жители: чтобы ломить ихъ, напустили жидовъ... жиды одолѣли; затѣмъ постеенно русь отодвигали отъ площади и рынка и душили, перенесли церковь съ площади, а старую разрыли лѣтъ 15 назадъ, выстроивъ на мѣстѣ ея жидовскія лавки; отецъ нынѣшняго владѣльца даже проектировалъ совершенно очистить мѣстечко отъ русскихъ, но не успѣлъ... Поѣдемъ дальше: отъ Чашникъ пахнетъ жидомъ и гнилью, хоть русь и додержалась до своего праздника; олякующее усердіе старалось перековеркать русское имя Чашни и въ Чашники— но слишкомъ ужъ неудачно.

Вотъ у самыхъ Чашникъ большое красивое село Коптевичи,— имо его: загляните, пожалуй, въ волостную— тамъ увидите больную старинную московскаго письма икону Спасителя, найденную бывшимъ старшиной между разными старыми вещами, на хорахъ ъ церкви: откуда взялась она здѣсь?... Церковь, говорятъ, приадлежала прежде отцамъ іезуитамъ....

Оставимъ въ сторонѣ Иванскъ, получившій названіе отъ царя Івана, и неудачно передѣланный въ Иваньскъ.... Ѣдемъвъ Стрижево!

Вотъ село Свѣча, съ ветхой деревянной церковью; дальше изъ а рощи выглядываегъ другая, то же ветхая деревянная церовь Стрижевской слободы, а вдали у опушки лѣса бѣлѣетъ поѣщичій домъ имѣнія Стрижева; тамъ и сямъ, въ сторону отъ тихъ трехъ пунктовъ подъ Бѣшенковичи, вы видите разбросаныя деревни и застѣнки, позапрятавшіеся мѣстами въ кустахъ.... Іа этомъ мѣстѣ былъ большой, богатый русскій городъ Стрижевъ ли Стрежевъ: его нѣтъ, но онъ еще живетъ въ названіяхъ урощъ замками и городищами, въ его святомъ озерѣ съ русской егендой о провалившейся церкви, въ слишкомъ отчетливыхъ разказахъ крестьянъ о его 40 церквахъ, о его богатствахъ, часть оторыхъ зарыта въ землю, живетъ и въ остаткахъ своихъ земяныхъ укрѣпленій; по всей вѣроятности— такъ разсказываютъ крестьяне— городъ занималъ все это широкое открытое пространство, на которомъ теперь стоятъ: Свѣча, Слобода, Духовщина, Стрижево, Болтутино, Генераловка, Лукашевка и Сеньковщина; съ одной стороны онъ опоясывался рѣкой Свѣчой и Стрижевскимъ озеромъ, съ другой рядомъ земляныхъ укрѣпленій, слѣы которыхъ въ правильныхъ фигурахъ слишкомъ еще ярки, и оторые, начинаясь отъ рѣки Свѣчи, ниже застѣнка Боръ идутъ е много по лѣсу, за тѣмъ тянутся между деревнями Гончаромъ, Пятигорскомъ и Яновщиной и упираются въ непроходимый новскій мохъ; за тѣмъ по другую сторону мха видны по зарослямъ и на полѣ между Пушневщиной и Косаревщиной. гдѣ вѣроятно упирались въ рѣку Свѣчу... Теперь тутъ нѣсколько деревень, да поля, да заросли.... Недавно и имени Стрижева не было, а было Стршижево. Въ 17-мъ столѣтіи и послѣ, Стрижово принадлежало Присецкимъ,— теперь и Присецкихъ нѣтъ. а есть Пржисецкіе.... Поѣзжайте дальше....

Побывайте въ Улѣ... тамъ вамъ кое-что порасскажутъ; тамъ еще не разобранъ старый деревянный костелъ, который похожъ на отобранную у русскихъ церковь.... Можетъ быть церковь отобрана разомъ съ цѣлымъ задвинскимъ крестьянскимъ приходомъ, по какому то чуду до сихъ поръ остающимся въ р. католичествѣ между православнымъ русскимъ крестьянскимъ населеніемъ....

Поѣзжайте въ Воронечь.... Если вы любите помечтать, то пройдитесь, при свѣтѣ луны, по величественнымъ остаткамъ старыхъ земляныхъ сооруженій, стѣною поднимающимися надъ огибающимъ ихъ озеромъ и рѣкой Ушачью: вдали къ сѣверу виднѣется широкая полоса лѣсу, а за ней уже близко.... стольный городъ великаго князя полоцкаго (*)....

Побывайте въ Ушачи и въ другихъ мѣстахъ...

Но... пока довольно. Шагъ, сдѣланный княземъ Александромъ Іеронимовичемъ, и его исповѣдь—фактъ слишкомъ положительный, намъ кажется, что онъ долженъ быть богатъ послѣдствіями.... Посмотримъ, что будетъ. Будемъ смотрѣть прежде всего на извѣстныхъ намъ близкихъ родственниковъ князя....

Останутся ли глухи наши ополяченные братья?... Станутъ ли на сторонѣ своихъ кровныхъ фамильныхъ преданій съ могилами предковъ, съ старой русской вѣрой и церковью, съ русскимъ народомъ, или отмолчатся и предпочтутъ безпокойный сонъ подъ обаяніемъ польскихъ бредней и ксендзовскаго талмуда?.... Что? развѣ край не довольно еще истерзанъ внесенными изъ Рима распрями и не довольно напоенъ русскою кровью?...

Какъ бы то ни было, но мы увѣрены, что свѣтъ наконецъ возметъ свое, тьмы не будетъ, ложь вѣковѣчной никогда не была и быть не можетъ: она въ самой себѣ, въ самомъ зачатіи своемъ, носитъ задатки будущаго непремѣннаго своего разрушенія... Встрепенется рано или поздно ополяченное русское дворянство, сорветъ съ глазъ своихъ ксендзовскія путы, возвратится съ русскимъ духомъ и силой къ своей церкви и къ своему народу и.. успокоятся въ могилахъ кости старыхъ бѣлорусскихъ дворянъ, не хотѣвшихъ и слышать о ксендзахъ....

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Вашъ покорный слуга

М. К.

(Витеб. Губ. Вѣд.)

Луцкъ въ 1429 году и Витольдова корона.

Скромный въ наше время, уѣздный городъ Волынской губерніи, Луцкъ, въ XV столѣтіи, долгое время служилъ резиденціей великаго князя литовскаго Витольда. Границы тогдашняго литов-

(*) М. Воронечъ было столицею русскихъ князей Воронецкихъ—вѣтви князей полоцкихъ.

скаго княжества простирались отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ владѣнія Польши до дальняго сѣвера Россіи. Польша во времена Витольда была вдвое менѣе пространствомъ, чѣмъ Литва. Огромное пространство литовскаго княжества и особенныя самостоятельныя начала народныя давали неоспоримое право Литвѣ отдѣлиться отъ Польши и сдѣлаться самостоятельнымъ королевствомъ литовско-русскимъ. Витольдъ искалъ только случая, чтобы германсій императоръ Сигизмундъ, въ присутствіи князей и государей Европы, возложилъ на его голову королевскій вѣнецъ. Случай представился. На западѣ Европы, въ это время сильно занимала всѣхъ мысль о всеобщемъ походѣ противъ турокъ. Магометанскій міръ, по мѣрѣ того, какъ разрушалъ византійскую имперію, болѣе и болѣе дѣлался страшнымъ для запада. По военнымъ талантамъ въ борьбѣ съ турками никто въ эту пору столько не прославился, какъ Витольдъ. Онъ имѣлъ такое сильное вліяніе на южное средоточіе татарской силы въ Крыму, что даже назначалъ туда хановъ. Нѣкоторые изъ этихъ хановъ, какъ Тохтамышъ, даже жили въ Литвѣ, находя здѣсь убѣжище и помощь противъ своихъ враговъ. Благодаря такимъ удачнымъ дѣламъ Витольда, значеніе его въ Европѣ поднялось очень высоко. Германскій императоръ Сигизмундъ для похода противъ турокъ желалъ соединить силы польскія, литовскія и восточно-русскія. Витольдъ естественно долженъ былъ, при этомъ играть важнѣйшую роль. Государи рѣшили съѣхаться къ нему для совѣщанія.

Съѣздъ былъ назначенъ къ 22-му января 1426 года. Къ этому дню начали собираться въ Луцкъ: князя, подчиненные Литвѣ, вельможи польскіе и литовскіе, папскій легатъ Андрей доминиканъ, внукъ (1) Витольда — великій князь московскій Василій Васильевичъ, московскій митрополитъ Фотій, князья тверскіе и рязанскіе, великій магистръ ордена, Павелъ Русдорфъ, со многими знатными представителями ордена, послы византійскаго императора Палеолога; явились даже нѣкоторые татарскіе ханы, каковы: перекопскій изъ за Дона, изъ за Волги.

Всѣ эти гости Витольдовы были уже собраны въ Луцкѣ, когда императоръ Сигизмундъ съ своей женой Варварой, въ сопровожденіи многихъ нѣмецкихъ князей, также знаменитыхъ вельможъ чешскихъ, венгерскихъ, австрійскихъ, кроатскихъ и иныхъ странъ, подвѣдомственныхъ имперіи, пышнымъ своимъ пріѣздомъ произвелъ удивленіе въ жителяхъ великокняжескаго города Луцка. Прибывшихъ къ Витольду гостей было такъ много, что городъ Луцкъ

(1) Стрыйковскій называетъ прибывшаго въ Луцкъ великаго князя московскаго зятемъ Витольда: «былъ на тымъ съѣздѣ Василь віельки кніазь москіевскі, зіенць Вітолда.» (Кроника польска, літевска... томъ II стр. 168). Василій Іоанновичъ, зять Витольда, не могъ быть на этомъ съѣздѣ. Онъ умеръ за четыре года до этого съѣзда, въ 1425 году. Это былъ сынъ Василія Іоанновича, Василій Васильевичъ—внукъ Витольда, который прибылъ въ Луцкъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Фотіемъ. (Исторія Карамзина, томъ V, стр. 242).

не могъ дать всѣмъ имъ помѣщенія. По словамъ Стрыйковскаго (1), многочисленные гости, ненашедшіе мѣста въ Луцкѣ, были разселены въ окружности Луцка, по деревнямъ и фольваркамъ, въ разстояніи на нѣсколько миль отъ города. Многіе изъ прибывшихъ въ Луцкъ на этотъ съѣздъ, говорятъ (2), имѣли цѣлью только увидѣть славнаго, уважаемаго европейскими знаменитостями, Витольда. Императоръ Сигизмундъ, по замѣчанію польскихъ историковъ, взялъ съ собою жену свою Варвару (3) и множество мелкихъ нѣмецкихъ князей, конечно, не для совѣщанія на съѣздѣ, а для почета самаго Витольда. Луцкъ былъ свидѣтелемъ, какъ представители всей Европы воздавали почетъ заботившемуся о самостоятельности литовско-русскаго народа Витольду.

Городъ же Луцкъ былъ свидѣтелемъ и роскошнаго пира для гостей Витольда. Говорятъ, что каждый день на пиръ для прибывшихъ гостей выходило у Витольда 700 бочекъ меду, кромѣ вина, мальвазіи, пива и другихъ сортовъ напитковъ. 700 воловъ и коровъ, 1,400 барановъ, сотня зубровъ, лосей, дикихъ свиней, не говоря о другихъ принадлежностяхъ кухни, ея потребностяхъ и расходахъ (4). Пиръ этотъ продолжался семь недѣль.

Сигизмундъ хотѣлъ быть выразителемъ общаго согласія владѣтелей Европы, смотрѣвшихъ на Литву, какъ на особое сильное, самостоятельное государство. Сигизмундъ предложилъ короновать Витольда королевскимъ вѣнцемъ. Эта мысль у всѣхъ встрѣтила сочувствіе. Убійственна она была только для Ягелла и поляковъ. Ягелло, со дня полученія польской короны, всѣ заботы свои посвящалъ, вопреки стремленію Витольда, къ слитію Литвы съ Польшей. Витольдъ своей короной окончательнымъ образомъ парализировалъ стремленія Ягелла. Но когда всѣ присутствующіе изъ-

---

(1) Кроніка польска, літевска... томъ II, стр. 168.

(2) Крутки рысъ жыція Витолда пржезъ Глебовича, стр 102.

(3) Впрочемъ есть и другое мнѣніе, почему жена Сигизмунда прибыла въ Луцкъ. Станиславъ Руженьскій въ своемъ сочиненіи: «Животы прымасовъ в біскуповъ короны польскіей и В. кс. літевскіего», говоритъ, что она была привезена въ Луцкъ для того, «абы похлебнѣ старала сіенъ выеднаць у круля Владыслава короненъ для Витолда», томъ II, стр. 64). Ничего не мѣшаетъ согласиться съ тѣмъ и другимъ мнѣніемъ.

(4) Глебовичъ (Круткі рысъ жыція Вітолда, стр. 102) сомнѣвается въ достовѣрности свидѣтельства объ этомъ Стрыйковскаго (Кроніка польска, літевска... томъ II, стр. 168). Правда, Стрыйковскій не указываетъ, откуда онъ заимствовалъ это свѣдѣніе. Онъ въ этотъ разъ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, выражается неопредѣленно: «на цо сіенъ вшисткѣ лятописце згадзаіонъ». Но это свѣдѣніе въ высшей степени сообразно съ духомъ времени Витольда. Стоитъ только припомнить, что такое были рыцарскіе обѣды, такъ называемые Ehrentische (почетные столы). Не говоря о томъ, что предъ такими обѣдами задавались мыслію, чтобы на нихъ не были употребляемы никакія блюда, кромѣ золотыхъ и серебренныхъ, на самыхъ обѣдахъ за признакъ довольства и гостепріимства считалось разливать и раскидывать предлагаемое по столу. Католическій тогдашній міръ былъ проникнутъ древними римскими началами. Нося предъ собою идеалъ Юлія Цезаря, какъ завоевателя, тогдашній западъ осуществлялъ и идеалъ роскошнаго обжоры, Лукулла.

вили свое желаніе видѣть на головѣ Витольда королевскій вѣнецъ, Ягелло сознаъ, что ему не ловко отказать брату въ его праведливомъ желаніи. Онъ отвѣтилъ, что онъ соглашается принать Витольда литовскимъ королемъ и что онъ только не знаетъ, согласится ли на это польскій сенатъ.

Между поляками, главными врагами мысли Витольда, оказались представители того вѣроисповѣданія, усердіемъ къ которому Витольдъ думалъ заслужить корону. Это латино-польское духовенство. Архіепископъ гнѣзненскій, примасъ Войцѣхъ Ястржембскій и епископъ краковскій Збигневъ Олесницкій, были во главѣ тѣхъ, которые доказывали несчастіе для Польши, для Литвы и въ особенности для р.-католической вѣры, если только Литва сдѣлается самостоятельнымъ государствомъ.

Мысль о коронѣ Витольда не давала покоя Ягеллѣ. Онъ, не дождавшись разъѣзда, ночью, уѣхалъ изъ Луцка, даже не попрощавшись съ братомъ.

Витольдъ рѣшился во чтобы-то ни стало возложить на себя корону. Онъ надѣялся на свой мечъ, нѣмцевъ и папу, и послалъ виленскаго воеводу Гаштольда и маршала своего Ромбовда на корчинскій сеймъ съ тѣмъ, чтобъ они объявили полякамъ, что хотятъ ли поляки или не хотятъ, а Витольдъ, владыка независимаго литовско-русскаго народа, будетъ королемъ. Поляки, при этомъ заявленіи пословъ Витольда, пришли въ ужасъ и бросились съ подарками къ папѣ, чтобы онъ не благословилъ Витольда на принятіе короны.

Въ то время на папскомъ престолѣ сидѣлъ Мартинъ V, человѣкъ хотя умный, но страшный взяточникъ. Дать папѣ взятку—это значило въ оффиціальныхъ бумагахъ «eine Ehre anthun» (1). По замѣчанію нѣмцевъ, «нѣмецкая рѣчь при Мартинѣ V обогатилась новымъ синонимомъ: какъ слову essen есть синонимическое speisen, или слову schlafen синонимическое ruhen, такъ при Мартинѣ V слову Ehre синонимомъ сдѣлалось «Schande.» Поляки теперь спѣшили къ этому папѣ съ просьбою, чтобы онъ отъ нихъ принялъ «Ehre» и не благословилъ короны для Витольда.

И этотъ папа забылъ о человѣкѣ, который для папства жертвовалъ многимъ и даже очень многимъ, лишь бы заслужить корону! этотъ папа забылъ, что Витольдъ, чтобы снискать себѣ корону, строилъ католическія церкви и дарилъ богатыми фундушами. Ничего не помогло. Папа не уважилъ справедливаго желанія Витольда. Въ одно и то же время онъ написалъ буллы: къ епископу хелминскому, которому Сигизмундъ поручилъ было возложить корону на Витольда, чтобы онъ не дерзалъ исполнить этого,— къ императору Сигизмунду и великому магистру ордена, чтобы не помогали Витольду доступить своей цѣли. Наконецъ самъ

(1) Von Rutenberg, Geschichte der Ostseeprovinzen, T. II, S. 45.

Витольдъ получаетъ отъ папы буллу, которою папа, для блага Польши (1), требуетъ, чтобы онъ отказался отъ короны.

Витольдъ этого никогда не ожидалъ. Теперь онъ понялъ, что чрезчуръ много сдѣлалъ для Польши и папы — и все напрасно! Поляки и папа за тѣ блага, которыя Литва оказала имъ, не захотѣли считать Литву страною равною, а считали ее подчиненною Польшѣ.

Восьмидесятилѣтній старикъ, всю жизнь стремившійся къ самостоятельности любимой имъ Литвы, рѣшился, хоть на закатѣ дней своихъ, увидѣть родную страну свою ни отъ кого независимой.

Изъ Кояловича.

(До слѣд. №).

Унія послѣ паденія Польши.

(Изъ рукописи: *«Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ сѣверо-западной Россіи.»* Собралъ генералъ-маіоръ В. Ратчъ. Ч II, гл. 3).

Тма и мгла, напускаемыя поляками на польскія дѣла, особенно отражаются на непродолжительномъ существованіи и судьбахъ уніи, по возвращеніи уже западной Россіи подъ русскую власть. Во времена Ржечи-посполитой, русскіе люди въ западной Россіи смотрѣли на унію, какъ на необходимую уступку слабаго предъ сильнымъ; съ принятіемъ уніи они избавлялись отъ насилій. Латиняне окольными путями, униженіемъ уніатовъ и притупленіемъ понятій, исподволь, глухо, вели задуманное дѣло къ окончанію, а весь свой натискъ обращали противъ остающихся православныхъ. Съ паденіемъ Польши рушилась эта принятая система дѣйствій. Свѣжія преданія сливаются съ воспоминаніями въ средѣ туземнаго русскаго духовенства и даютъ обильныя свѣдѣнія о судьбахъ бывшей уніи; свѣдѣнія временами столь полны, что сохранившіеся акты — рядъ готовыхъ для нихъ ссылокъ. Офиціяльные акты вполнѣ выясняютъ всѣ фазисы, чрезъ которые прошли уніатскія дѣла, пока онѣ не обратились въ уніатскій вопросъ.

Историческіе памятники, русскіе и польскіе, одинаково свидѣтельствуютъ, что во время Ржечи-посполитой латинство, руководимое іезуитами, вторгалось насиліями въ среду русскихъ людей, со всею обстановкою инквизиціи. Въ виду упорнаго ихъ сопротивленія, іезуиты стали во множествѣ сами переходить въ унію,

(1) Скарбіецъ дипломатовъ папіежскіхъ, цесарскіхъ... Т. II, № 1486. Рокъ 1429.

вступали въ орденъ греко-униатскихъ монаховъ — базильянъ (1). Базильяне старались вкрадчиво, исподволь, мутя понятія, незамѣтно обращать греко-уніатовъ въ совершенныхъ латинянъ и постепенно сглаживали различие въ обрядахъ и догматахъ, отличавшихъ уніатскую церковь отъ костела— тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что изъ среды базиліянъ выходили уніатскіе іерархи.

Греко-уніатское духовенство представляло двѣ, рѣзко отличавшіяся между собою враждующія среды, два элемента противные своими стремленіями: элементъ *латинскій*, вліятельный, преобладающій, господствующій, и элементъ *русскій*— обижаемый, угнетаемый, беззащитный. Два наименованія одного и того же исповѣданія могутъ служить указаніемъ различія стремленій; принадлежащіе къ *латинскому* элементу, себя называли *римско-уніатами* (?), приннадлежащіе къ *русскому*—*греко-уніатами*, и свою вѣру называли русскою (2). «Монахи базильяне, пишетъ графъ Дм. Толстой, собственно не были уніаты, но въ сущности фанатики-латиняне (3); они, латиняне по рожденію, обыкновенно были возводимы въ санъ епископовъ, — а потому и вся администрація греко-уніатской церкви была въ рукахъ латинянъ. Понятна ненависть низшаго духовенства противъ базиліянъ; они были виновниками его униженія, нищенства; потому приходскіе священники уніаты смотрѣли на базильянъ, какъ па отступниковъ уніатской церкви, стремящихся ее уничтожить,—и если они молчали, то только по тому, что были безсильны противъ вліятельнаго ордена. Населеніе было на сторонѣ своего бѣлаго духовснства; но въ то время оно было также несчастно и также угнетаемо, какъ и его пастыри» (4).

---

(1) Въ церкви уніатской, общее всей восточной церкви монашество преобразовано, почти въ самомъ началѣ уніи, при митрополитѣ Іосифѣ Рутскомъ, по примѣру латинской церкви, въ одинъ монашествующій орденъ Василія Великаго, хотя, какъ извѣстно, Василій Великій не былъ основателемъ никакого ордена, остались, правда, въ его твореніяхъ правила для монаховъ, но въ нихъ читаемъ также правила и для разныхъ другихъ сословій христіанскаго общества, даже и для супружества. Отсюда у уніатовъ и произошло названіе *базиліянъ*. Отъ первоначальнаго устройства орденъ сохранилъ только названіе, а его стремленія и учрежденія обратились въ чисто латинскія. Вскорѣ по появленіи уніи, генералъ іезуитовъ *Аквавива* испросилъ у папы Павла V (1613 г.) разрѣшеніе іезуитамъ переходить въ базильяны безъ испрашиванія особеннаго дозволенія. La cath. rom. en Russie par le comte Dmitri Tolstoi. Paris. 1864. T. II. p. 70.

(2) О греко-уніатской церкви архіепископа Антонія. Вѣстникъ Западной Россіи.

(3) Le cath. rom. en Russie. T. II. p. 85.

(4) Le cath. rom. en Russie. T. II. p. 75.

Базильяне смотрѣли на бѣлое уніатское духовенство съ презрѣніемъ, какъ на нищихъ и на невѣждъ, захватывали доходныя мѣста, доходныя имущества, которыхъ назначеніе было содержаніе школъ и семинарій (1). Бѣлое же, приходское духовенство изъ среды народа, было доведено до крайняго невѣжества уніатскими іерархами; многіе русскіе священники—уніаты даже не были тверды въ грамотѣ и дошли до такой степени униженія, что даже польскіе источники свидѣтельствуютъ, что базиліяне съ ними обращались какъ съ крѣпостными, ихъ вязали и били, а по конституціи 1764 года польскимъ помѣщикамъ было предоставлено: *сыновей русскихъ греко-уніатскихъ священниковъ, которые до 15-лѣтняго возраста не избрали себѣ промысла обращать въ крѣпостныхъ* (2). При появленіи уніи въ 1596 году, отъ совращаемыхъ изъ православія требовалось только, чтобы во время богослуженія, въ русскихъ церквахъ, вмѣсто константинопольскаго патріарха, поминался папа римскій, *признаваемый самимъ польскимъ королемъ*, когда же западная Россія возвратилась подъ русскую власть, то уніатская церковь представляла самые разнообразные элементы по догматамъ, обрядамъ и церковнымъ правиламъ. Русская власть застала греко-уніатскіе приходы на пути къ полному облатиненію на различныхъ степеняхъ успѣха костела, смотря по твердости населенія, или искуству употребляемыхъ уловокъ. Въ пестрой картинѣ уставовъ греко-уніатской церкви были приходы, гдѣ въ символѣ вѣры признавали Духа Святаго—и отъ Сына, по умышленно извращенному переводу св. Аѳанасія, съ греческаго языка на латинскій (3); пріобщеніе св. Таинъ происходило то подъ однимъ, то подъ двумя видами; во многихъ вновь возводимыхъ панами греко-уніатскихъ храмахъ, уже не было иконостаса; русскіе священники начали брить бороды и мѣстами измѣняли одежду, стараясь походить на ксендзовъ; болѣе или менѣе обряды костела, особенно могущіе дѣйствовать на воображеніе простолюдина, и разныя костельныя церемоніи начали прививаться и къ русской уніатской церкви (4).

Не смотря на эти наружныя проявленія, русская народность не искуственно была привита населенію; а потому она твердо сохранялась въ его средѣ и держалась борьбою. Церковь была знаменемъ русскихъ стихій народной жизни, — и это знамя держало приходское бѣлое духовенство; оно сберегло его до возвращенія западной Россіи подъ русскую власть. Сила русскихъ началъ западной Россіи ярко выступаетъ въ мрачной картинѣ минувшаго. Съ одной стороны нападающій полонизмъ, со всѣмъ

(1) Тамъ же. р. 73, 355.

(2) Тамъ же. р. 73.

(3) О греко-уніатской церкви архіепископа Антонія. Вѣстникъ Западной Россіи.

(4) Тамъ же, и сообщенныя мѣстныя преданія.

обаяніемъ господства и могущества, со всѣмъ изувѣрствомъ фанатизма, со всею силою крѣпостнаго права, покровительствуемаго польскою легальностію, предъ которою ни для *схизматика*, ни для *хлопа* не было защиты; съ другой стороны, изнеможенные вѣковою борьбою русскіе люди, угнетаемые, доведенные до нищеты, униженные до крайняго невѣжества священники, какъ и простолюдины, отстаиваютъ остатки своихъ народныхъ началъ, съ слабою надеждою на своихъ восточныхъ братьевъ. Какъ ни скудны преданія и памятники внутренней, домашней жизни русскихъ людей въ это скорбное время, но, не менѣе того, они осязательно выражаютъ настроеніе темнаго слоя населенія западной Россіи въ составѣ Ржечи-посполитей, и озлобленіе противъ тяготѣвшаго надъ нимъ польскаго ига. Воспоминанія стариковъ священниковъ приводятъ, что въ краѣ сохранялись *образа и крестики*, нѣкогда занесенные *русскими коробочниками*, которые были потому дороги, что отъ нихъ ни ксендзомъ, ни жидомъ.... не пахло. Сохранилась бѣлорусская пѣсня, въ которой поется:

Изъ за Слуцка, изъ за Клецка
Ѣдзе дружба молодецка
Отъ княжати изъ подъ Минска,
Воевати мѣсто Пинска.
. . . .
А я пойбд въ постъ великій
До Турова, до владыки,
Чтобъ молебенъ отслужити,
Дай покаюсь за грѣхи.
День и ночь буду молити,
День и ночь буду просити,
Чтобы сгинули ляхи.

На всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго племени, отъ Днѣпра даже до Карпатъ (1) живетъ пословица:

Пока святъ стоитъ святомъ,
Русскій поляку не будетъ братомъ.

Другая пословица: *Ляхъ, жидъ да собака*—вѣра единака, еще болѣе выражаетъ всю ненависть, которую полонизмъ поселилъ въ народѣ: слово *ляхъ* обратилось въ бранное слово, а *пся-вира* въ его прилагательное (2).

Во время Ржечи-посполитой монашествующее греко-уніатское духовенство было управляемо своимъ генераломъ базильянскаго ордена, чрезъ подвѣдомственныхъ ему старшихъ въ областяхъ, называвшихся *провинціалами*. При настойчивыхъ мѣрахъ къ развитію уніи, развивалось и число базильянскихъ монастырей, вновь

(1) «Erringerungen aus Galizien.» Prag. 1863.

(2) Подобно тому слово **католикъ** составляетъ самое ругательное слово.

устраиваемыми и отнимаемыми отъ православнаго духовенства, изъ которыхъ выгоняли монаховъ, несогласныхъ на переходъ въ унію. Сосѣдство Кіева поддерживало православіе въ Малороссіи, сила малороссійскаго племени ограничивала ретивыя покушенія ревнителей на скорое облатиненіе населенія; но на бѣлорусское племя напоръ былъ поведенъ съ несравненно большею настойчивостью: въ нынѣшней Минской губерніи, духовенство для быстрѣйшаго обращенія на унію довело число монастырей до того, что оно даже превысило число приходскихъ храмовъ (1).

Съ тою же цѣлью усиленія уніи, по правиламъ латинской пропаганды, было увеличено во времена Ржечи-посполитой и число уніатскихъ епархій; бѣлымъ или приходскимъ греко-уніатскимъ духовенствомъ управляли епископы, избираемые изъ базильянскаго ордена; въ частяхъ возвращенныхъ къ Россіи въ 1794 году была греко-уніатская митрополія и три епархіи — пинская, луцкая и владимірская.

Греко-уніатскій митрополитъ и генералъ базильянскаго ордена прямо относились къ папѣ, чрезъ постоянно проживавшаго въ Варшавѣ апостолическаго посла или нунція (2), который собственно былъ независимымъ правителемъ всего римско-католическаго духовенства въ Польшѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и греко-уніатскаго, какъ признававшаго папу своимъ главою.

Этотъ порядокъ веденія греко-уніатскихъ духовныхъ дѣлъ началъ измѣняться, по мѣрѣ возвращенія областей къ Россіи.

Съ 1772 года пресѣклись прямыя сношенія латинскаго духовенства въ части Бѣлоруссіи, присоединенной къ Россіи, съ римскою куріею. Папскія буллы могли быть исполняемы только по предварительномъ ихъ одобреніи русскимъ правительствомъ: это распоряженіе было распространено и на греко-уніатовъ (3). Для управленія духовными греко-уніатскими дѣлами, была образована въ округахъ, по первому раздѣлу отошедшихъ отъ Польши, особая полоцкая греко-уніатская епархія, для управленія которой былъ оставленъ тамошній архіепископъ Іассонъ *Смогоржевскій*, и при немъ учреждена консисторія—по его выбору изъ двухъ или трехъ духовныхъ лицъ. Для апелляціи на рѣшеніе дѣлъ консисторіи, была указана, на равнѣ съ учрежденною бѣлорусскою епархіею для латинянъ, юстицъ-коллегія лифляндская, эстляндская и финляндская, откуда дѣла, для окончательнаго рѣшенія, могли быть переносимы въ сенатъ. Такими учрежденіями римская курія была устранена отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла (4).

Императрица совершенно на одинаковыхъ правахъ устроила управленіе духовными дѣлами какъ латинянъ, такъ и греко-уніа-

---

(1) Le cathol. rom. en Russie. T. II. p. 104.
(2) Тамъ же, p. 71.
(3) Le cathol. rom. en Russie. T. II. p. 4.
(4) Le cathol. rom. en Russie. T. II. p. 76 и 78.

говъ, не допуская ни какой зависимости одного исповѣданія отъ другаго. Всѣ латинскіе монашествующіе ордена были подчинены епархіальному начальству и имъ было строго запрещено имѣть какія либо сношенія съ генералами и провинціалами проживающими за границею, получать отъ нихъ повелѣнія и распоряженія, равно какъ и высылать имъ какую бы то ни было денежную дань; на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ и базильяне, съ своими монастырями и имуществами, были подчинены полоцкимъ греко-уніатскимъ архіепископамъ,— и хотя эти іерархи и вышли изъ среды базильянъ, но базильяне съ крайнимъ неудовольствіемъ приняли это распоряженіе, подчинявшее ихъ духовному начальству бѣлаго духовенства (1).

При указахъ Екатерины къ огражденію мѣстнаго духовенства отъ всякаго иноземнаго вліянія, польское духовенство однако расчитывало легально обойдти постановленія. Полоцкій греко-уніатскій архіепископъ *Смогоржевскій*, по присягѣ имъ принесенной императрицѣ послѣ перваго раздѣла, былъ русскимъ подданнымъ. Король *Станиславъ Понятовскій* обратился къ русскому двору, съ желаніемъ возвести полоцкаго архіепископа въ санъ греко-уніатскаго митрополита, на что и послѣдовало согласіе. *Смогоржевскій*, ставъ митрополитомъ (1780 г.), въ свою очередь, обратился къ бѣлорусскому генералъ-губернатору графу Захару Григорьевичу *Чернышеву*, о дозволеніи ему остаться при управленіи греко-уніатскими церквами въ Россіи, если не на всегда при коадьюторѣ, то покрайней мѣрѣ до назначенія ему преемника. Императрица, неуклонно вѣрная принятой ею системѣ, писала 2-го іюля 1780 года Чернышеву, что, *согласясь на желаніе короля польскаго, она вмѣстѣ съ тѣмъ его уволила* отъ всѣхъ обязательствъ подданства и поручила объяснить Смогоржевскому, что устроеніе греко-уніатской епархіи есть дѣло самодержавной власти, — и его заботы и попеченія, какъ духовнаго посторонней державы, о праздности греко-уніатской епархіи не умѣстны; «всего менѣе остается права митрополиту Смогоржевскому присвоять себѣ ту епархію, по примѣрамъ имъ увоминаемымъ общаго управленія оною съ митрополіею уніатскою. Такое общее управленіе могло имѣть мѣсто въ то время, когда сіи провинціи были соединены съ польскою короною, но теперь какъ можетъ онъ, учинясь гражданиномъ и прелатомъ въ другомъ государствѣ, служить вмѣстѣ двумъ разнымъ государямъ. Изъ чего слѣдуетъ, что онъ Смогоржевскій долженъ, отложа всѣ свои объясненія, отправиться къ мѣсту своему въ

---

(14) Противодѣйствіе базильянъ архіепископу Лиссовскому дошло до того, что императрича повелѣла, для прекращенія своевольствія и непокорства уніатскихъ монаховъ, двухъ первыхъ сего неустройства виновниковъ игуменовъ Киріата и Дорошевскаго, выслать за границу. Собр. Зак. 1793 года. Декабря 12. № 17, 168. Т. XXIII, стр. 476.

Польшѣ.» Такимъ образомъ попытка Смогоржевскаго втереться въ управленіе греко-уніатской церковью въ Имперіи не удалась. Императрица назначила новаго греко-уніатскаго епископа (Лисовскаго) только въ 1784 году (1). Въ этотъ промежутокъ времени греко-уніатскою епархіею управляла консисторія. Въ случаѣ вакансіи священника, государыня предписывала освѣдомляться отъ прихожанъ, желаютъ ли они имѣть священника православнаго восточнаго закона; въ таковомъ случаѣ, опредѣлять людей достойныхъ: если же прихожане пожелаютъ имѣть священника уніатскаго, то консисторія должна поручить приходъ ближайшему священнику, покуда, съ постановленіемъ архіерея, могутъ рукополагаемы быть новые священники (2).

При болѣе или менѣе упорной, но постоянной борьбѣ между русскою церковью и польскимъ костеломъ, какая же судьба должна была постигнуть унію, когда наконецъ на картѣ Европы исчезла граница между восточною Россіею и западною? Отвѣтъ, по видимому, одинъ,—на сѣверѣ, подобно какъ и на югѣ:— унія, это уродливое, незаконное дитя латинской нетерпимости, должна была изчезнуть безвозвратно.

Что говорятъ преданія? Съ уніею были связаны понятія политическаго господства Польши, понятія о необходимой уступкѣ ослабленныхъ вѣковою борьбою, изнуренныхъ русскихъ элементовъ предъ сильнымъ іезуитскимъ напоромъ. Населеніе, по семейнымъ преданіямъ бывшихъ уніатскихъ священниковъ, совершенно было убѣждено, что, съ возвращеніемъ къ Россіи, оно само собою возвращается и къ православію; проявилось даже удивленіе, что правительство медлитъ освободить русскіе храмы отъ латинскаго наноса иконъ и книгъ, и не устраняетъ священниковъ уніатовъ, не жалавшихъ снова отпустить бороду.

Русскіе люди — уніаты, во времена Ржечи-посполитой, нравственно страдали отъ униженія ихъ церкви латинянами. «Религіозное движеніе къ восточному исповѣданію высказывалось съ такою ясностью въ западномъ краѣ, пишетъ графъ Дм. Толстой, что даже въ областяхъ, еще не присоединенныхъ къ Россіи, населеніе торопилось отречься отъ уніи» (3). Въ послѣдніе года Ржечи-посполитой, чуя, что русское могущество беретъ верхъ надъ расшатывающимся польскимъ владычествомъ, польскіе подданные въ западной Россіи уже начали переходить въ православіе. «Посланіе администратора луцкой уніатской епархіи Стефана Левинскаго (26-го мая 1789 года) указываетъ, что возвращеніе къ православію проявилось уже въ опасныхъ для уніи размѣрахъ. Горячій поборникъ польскаго владычества, Левинскій, видя невозможность употребить силу, пастырскимъ словомъ убѣждалъ свою

(1) Le cath. rom. en Russie. T. II, p. 77.
(2) Собр. Зак. Т. XX. № 15, 628, стр. 954.
(3) Le cath. rom. en Russie. T. II. p. 79.

духовную паству, что унія тоже, что латинство, что *вѣра ляховъ таже что вѣра русскихъ* (1).

Были примѣры и въ сѣверо-западной Россіи, что, опережпвая ожидаемое распоряженіе правительства, само населеніе со священникомъ во главѣ, присоединялось къ православію цѣлыми приходами.

Съ возвращеніемъ западной Россіи подъ русскую власть, латинское духовенство измѣнило тактику. Страшась потерять уже завоеванное для костела, оно, въ виду перехода уніатовъ къ православію, заботилось утвердить населеніе въ уніи; тогда унія явилась на устахъ ксендзовъ *родною*, *младшею сестрою истинной латинской вѣры*.

Вліяніе помѣщиковъ, воодушевляемыхъ ксендзами, одно только удерживало греко-уніатскихъ священниковъ отъ послѣдованія общему потоку и заставило ихъ парализировать обще-радостное настроеніе русскихъ людей западной Россіи, при торжествѣ русскаго могущества надъ павшею Ржечью-посполитою: ухищреніями латинства бѣлое греко-уніатское духовенство коснѣло большею частью въ глубокомъ невѣжествѣ, его хлѣбъ насущный зависѣлъ отъ пана землевладѣльца: какуюже нравственную поддержку могло оно найти въ самомъ себѣ, чтобы твердо идти за настроеніемъ прихожанъ и не поколебаться при внезапной перемѣнѣ латинянъ? Латиняне, отъ оскорбительнаго презрѣнія, постоянно прежде оказываемаго уніатской церкви и столь раздражавшаго русскихъ людей, перешли къ ласкамъ, и отъ русской церкви только требовали, чтобы она осталась *уніатскою; латиняне твердили простолюдинамъ:* «Уніатская вѣра—вѣра вашихъ отцевъ и дѣдовъ.»

Взглядъ Импратрицы на возвращеніе жителей къ православію вполпѣ выражается ея приказаніемъ бѣлорусскому генералъ-губернатору Тутолмину, чтобы «*при обращеніи вездѣ и при каждомъ случаѣ съ обоюдныхъ сторонъ удаляемъ былъ всякій видъ принужденія и н насилія* (2).

Императрица однако, инициативою правительства къ возвращенію уніатовъ въ православіе, не хотѣла дать повода, по мановенію Рима, кричать ультрамонтанцамъ о русскомъ варварствѣ и насиліи. Она устраняла только искусственно возводимыя поляками насильственныя тому преграды, сознавая, что безъ тѣхъ преградъ, слѣдуя естественному теченію народной жизни, уніатство погибнетъ само собою.

Правительство не знало, что обезпеченіемъ матеріальнаго существованія бѣлаго уніатскаго духовенства, сдѣлавъ его независимымъ отъ ополяченныхъ помѣщиковъ, оно вполнѣ достигло бы цѣли; но въ то время польскія дѣла были еще въ зародышѣ, и только послѣдствія доказали, съ какимъ вредомъ для Россіи были

(1) Тамъ же.
(2) Пол. Соб. Зак. Т. XXIII. № 17,390.

сопряжены успѣхи поляковъ въ удержанію уніи, хотя и частию; латинство и унія снова стали дѣлать обширные захваты.

Не смотря на эту невыгодную сторону, задержавшую торжество православія, на что указываютъ собранныя свѣдѣнія, изъ которыхъ знаменательнѣйшія будутъ ниже изложены? Приходы, переходя въ прапославіе, если переходили не въ цѣломъ составѣ, то въ уніатствѣ оставалось не болѣе одной трети. Помѣщики, всею силою — нравственною и физическою — крѣпостнаго права удерживали въ уніи своихъ крестьянъ.

Часть Бѣлоруссіи, возвращенная къ Россіи по первому раздѣлу (1772), не представила особаго движенія къ возвращенію въ православіе; іезуиты, во множествѣ въ ней водворенные, не щадили никакихъ усилій, чтобы удержать населеніе въ уніи (1); противодѣйствовалъ и греко-уніатскій архіепископъ Смогоржевскій, впослѣдствіи, съ званіемъ митрополита, уѣхавшій въ Варшаву, въ 1780 г.

Но когда совершилось давно ожидаемое событіе, и послѣднимъ раздѣломъ западная Россія вошла въ составъ Имперіи; тогда отъ сосѣдей Кіева, изъ Украины пошло быстрое движеніе къ переходу въ православіе; въ одной Брацлавской губерніи болѣе милліона жителей отреклись отъ уніи (2).

«Расторгнувъ узы принужденія, угнетавшаго свободу исповѣданія прародительской вѣры, мы съ удовольствіемъ видимъ, писала Екатерина, что обитатели возвращенныхъ отъ Польши областей, исполненные усердія къ благочестію, возвращаются радостно въ объятія Православной восточной церкви» (3). Но это народное движеніе полнаго возвращенія къ русскому отечеству быстро встрѣтило на дальнѣйшемъ пути къ сѣверу, въ Изяславской губерніи (4), и свои искуственныя препоны; *польская справа* успѣла остановить броженіе и на цѣлыя 45 лѣтъ удержала унію.

Русское правительство не принимало особыхъ мѣръ, чтобы дать починъ этому переходу. Оно ограничилось пастырскимъ посланіемъ православнаго минскаго архіепископа Виктора, предупреждавшаго разные ложные толки, пущенные ловкою интригою, дабы удержать переходъ уніатовъ къ православію. Это пастырское посланіе имѣло однако благопріятный исходъ. Читаемое во всѣхъ церквахъ населенію, оно указало ему, что правительство неоставитъ своимъ покровительствомъ и защитою возвращающихся къ вѣрѣ предковъ,— къ вѣрѣ, господствующей въ государствѣ. По собственнымъ словамъ Екатерины, пастырское посланіе архіепископа оказало самое благотворное дѣйствіе на обращеніе уніатовъ, *свидѣвъ опытами, какое спасительное дѣйствіе произвели обнь оде-*

(1) Le cath. rom. en Russie. T. II, p. 80, 83.
(2) Тамъ же.
(3) Собр. Зак. Т. XXIII. № 17, 384.
(4) Изяславъ, нынѣ мѣстечко въ Минской губерніи.

ванныя по повелѣнію Нашему архіепископомъ Минскимъ грамоты» (1); онѣ ясно высказали народу сочувствіе правительства.

Съ возвращеніемъ западной Россіи подъ русскую власть, наше правительство являло ясный примѣръ своей вѣротерпимости; латинство тѣмъ воспользовалось и, не видя себя въ необходимости стать въ оборонительное положеніе, само перешло въ наступательное; началась въ исходѣ минувшаго столѣтія борьба шумная, но которая впослѣдствіи, среди многолѣтнихъ успѣховъ Чарторыйскаго, замолкла, когда преграды латинствомъ были преодолѣны, и костелъ, выйдя на новый путь, тихій и болѣе кроткій, достигъ результатовъ латинской пропаганды большихъ, нежели отъ прежнихъ насилій и неистовствъ.

Кто изъ русскихъ не считалъ тогда замыслы костела противъ русской церкви окончательно погибшими—послѣ паденія Варшавы и раздѣла Польши, при современномъ положеніи дѣла, при господствовавшемъ настроеніи умовъ, при могуществѣ Россіи рядомъ съ развалившеюся Ржечью-посполитою, при силѣ русскаго правительства и его дальнѣйшей дѣятельности? Екатерина не остановилась по пути диссидентскаго вопроса низведеніемъ съ престола Понятовскаго; религіозный вопросъ не пришелъ въ забвеніе среди ликованій побѣды; Императрица внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы унію предоставить свободному теченію дѣлъ, и чтобы не допускать искусственныхъ тому преградъ со стороны латинства. Для домогательствъ римско-католиковъ моментъ насталъ *критическій*— и латинское духовенство доказало все свое искусство въ интригахъ.

Съ паденіемъ Польши явилась *польская справа*, и она въ западной Россіи, какъ увидимъ, перешла сначала въ руки ксендзовъ; на первый случай латинскому духовенству было необходимо удержать за костеломъ уже имъ отвоеванное въ вѣковой борьбѣ противъ православія, *за собою унію;* и дабы не допустить ее до окончательнаго совершеннаго изчезновенія, то таинственныя работы были быстро перенесены въ сокровенныя урочища. Русское правительство, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы, неутомимо заботилось положить твердыя основанія къ очищенію западной Россіи отъ полонизма; но въ тоже время съ кипучею дѣятельностью латинское духовенство раскинуло пространную сѣть своихъ подземныхъ работъ; оно двинуло на дѣло *помѣщиковъ;* спутаніемъ понятій христіанскаго усердія съ вѣронетерпимостью костела, двинуло *уніатское духовенство—монашествующее* и *бѣлое*, наконецъ двинуло и *мѣстныя русскія власти*, напускомъ тьмы и мглы. Екатерина считала, что уніаты, русскіе люди, естественнымъ теченіемъ сольются съ православіемъ, если только оберегать населеніе отъ всякихъ враждебныхъ козней.

При первомъ еще раздѣлѣ, Императрица, въ указѣ отъ 14-го

---

(1) Сбор. Зак. Т. XXIII, стр. 615.

декабря 1772 года (1), предписывала губернаторамъ «крайнее наблюденіе имѣть, дабы католицкіе у уніатскіе епископы, каноники, приходскіе попы и всякаго званія ихъ духовные отнюдь не дерзали, ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ обращать православныхъ въ другой законъ.»

Русскіе люди западной Россіи, убѣжденные, что подъ русскою властью уже ничто ихъ не связываетъ съ уніею, стали массами обращаться къ православію тотчасъ по возвращеніи къ Россіи; ретивые латиняне для парализированія этого настроенія, охватившаго край, стали распускать застрашивающіе слухи о скоромъ возстановленіи Польши, о грозной карѣ, ожидающей возвратившихся къ православію и т. п. Православный минскій епископъ Викторъ, въ томъ же 1794 году, издалъ свое пастырское посланіе *на счетъ лживыхъ размашеній объ втторженіи ихъ отъ россійскаго обладанія*. Епископъ успокоивалъ русскихъ людей, что «*они могутъ пребывать въ полномъ удостовѣреніи, что власть Всевышняю не попуститъ и никакая рука человѣческая не сильна отнять ихъ отъ соединенія со прочими единовѣрцами.*»

Подъ вліяніемъ ксендзовъ, помѣщики, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, старались сохранить унію въ населеніи угрозами и наказаніями. Увѣдомленная о продѣлкахъ помѣщиковъ, ксендзовъ и уніатскаго митрополита Ростоцкаго (2), Императрица, 22-го апрѣлѣ 1794 года, писала Тимоѳею Ивановичу Тутолмину, генералъ-губернатору Минской, Изяславской и Брацлавской губерній, образованныхъ изъ возвращенныхъ частей по раздѣлу, въ 1793 году, что «жители Брацлавской губерніи, находящіеся въ уніи, изъявили, чрезъ гражданское начальство, желаніе возвратиться къ православной церкви, отъ которой они были насильственно отторгнуты,» поручила ему «*принять свои мѣры, чтобы никто изъ помѣщиковъ, чиновниковъ, духовныхъ и мірскихъ римскаго и уніатскаго закона не осмѣлились дѣлать ни малѣйшаго въ томъ препятствіе: всякое подобное порушеніе, яко противное господствующей Вѣрѣ, долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе, влекущее секвестръ имѣнія до окончанія дѣла,*» за тѣмъ Императрица поручала Тутолмину всѣ просьбы о возвращеніи въ лоно православія отсылать къ архіепископу Виктору и о таковыхъ только извѣщать уніатскаго митрополита.

Первыми противниками отреченія населенія отъ уніи оказалось высшее греко-уніатское духовенство; въ главѣ его стоялъ митрополитъ Ростоцкій и пять епископовъ.

Высшее уніатское духовенство все было предано интересамъ костела; выйдя изъ среды латинства, для дѣла римской пропаганды, во время Ржечи-посполитой *ушедшее въ унію*, оно теперь сто-

(1) Сбор. Зак. Т. XIX. № 13,922, стр. 689.

(2) Собр. Зак. № 17,199. Т. XXIII, стр. 509. Ростоцкій былъ митрополитъ въ областяхъ возвращенныхъ въ 1793 г.

яло столбомъ для защиты и укрѣпленія уніатства; тому содѣйствовалъ самъ уніатскій митрополитъ Θеодосій Ростоцкій; Императрица въ рескриптѣ отъ 6-го сентября 1795 года генералъ-губерватору Тутолмину поручала удалить Ростоцкаго изъ возвращенныхъ отъ Польши областей и предложить ему или переѣхать въ С.-Петербургъ, или, какъ *несомненному приверженцу римскаго исповѣданія*, въ Римъ. Императрица назначила ему 6,000 руб. (1) пенсіи въ годъ, а его суфрагану, епископу Вутримовичу и пинскому епископу Горбацкому, оставшимся за границею на такихъ же основаніяхъ, назначено по 3,000 руб., луцкому епископу Левинскому и владимірскому Младовскому, присягнувшихъ на вѣрноподданство, было также назначено по 3,000 руб. Но, по возвращеніи къ православію до полуторамилліона уніатовъ, ихъ епархіи были сокращены, и все греко-уніатское духовенство въ Имперіи было подчинено одному полоцкому архіепископу Ираклію Лисовскому. Лисовскій, подобно Сестренцевичу, казался усердно преданнымъ Россіи; дѣйствительно, они и дѣйствовали въ такомъ духѣ при Екатеринѣ, и измѣнились, когда обстоятельства стали болѣе подходить къ ихъ истиннымъ влеченіямъ.

Землевладѣльцы съ одной стороны стали привѣтливыми, щедрыми помѣщиками, относительно своихъ приходскихъ священниковъ, обусловливая свои милости удержаніемъ прихожанъ отъ возвращенія въ православіе; съ другой стороны, при крѣпостномъ правѣ, помѣщики безнаказанно расправлялись съ крестьянами, дабы застращать ихъ отъ желанія распроститься съ уніей, и силою противились освященію церквей изъ уніатскихъ въ православныя. Не мало способствовало къ удержанію уніи то обстоятельство, что вновь построенныя уніатскія церкви были уже безъ иконостасовъ, по образцу костеловъ. Заботы столь вліятельнаго въ западной Россіи сословія помѣщиковъ стали сильнѣйшею мѣстною поддержкою къ удержанію русскихъ людей отъ возвращенія въ православіе. Ксендзы опасались, чтобъ и простолюдины ихъ собственной духовной паствы не увлеклись общимъ настроеніемъ,— имя *ляха* было ненавистно русскому населенію,— и они распускали слухи, что русская власть въ западной Россіи только временная, а съ возстановленіемъ Ржечи-посполитой послѣдуетъ и расправа за отступничество отъ костела и отъ уніи. Ксендзы стали искать дружбы уніатскихъ священниковъ,—и когда церкви возвращались къ православію, тогда уніатскіе священники получали отъ ксендзовъ позволеніе служить въ ихъ костелахъ, и многіе изъ первыхъ стали уже противниками къ возвращенію въ православіе; одни — потому что сроднились съ обычаями латинства, проникнувшими въ унію, сроднились съ уніею, въ которой родились, а также потому, что видѣли помѣщиковъ, которые стали дорожить уніею,— а при панскихъ опасеніяхъ о переходѣ изъ хло-

(1) Собр. Зак. № 37,384.

товъ въ православіе, можно было еще болѣе извлекать выгодъ изъ ихъ усердія къ римско-католичеству,

Но всѣ затаиваемыя работы съ особою дѣятельностію были направлены къ тому, чтобы отуманять русскія власти. По мѣстнымъ преданіямъ, ревнители успѣли усиленными заискиваніями опутать изяславскаго губернатора Шереметева и добыть отъ него *билетъ*. Высшее уніатское духовенство поддерживало такія заявленія помѣщиковъ, что съ броженіемъ сельскаго населенія, касательно обращенія въ православіе, нарушилось мирное благоговѣніе къ церкви, и спокойствіе въ деревняхъ; что вмѣсто кроткаго смиренія и братской любви, являются столь несвойственныя христіанскому исповѣданію непокорныя, буйныя, враждебныя сходки, которыя, среди религіозныхъ распрей, не повинуются ни гласу пастыря, ни призывамъ къ порядку помѣщиковъ. Одни требуютъ немедленнаго присоединенія къ православію и отвергаютъ всякія требы отъ уніатской церкви, другіе твердо желаютъ сохранить вѣру отцевъ, умереть въ томъ исповѣданіи, въ которомъ родились; отъ подобныхъ раздоровъ въ уніатскихъ приходахъ — разладъ, разрывъ между прихожанами, доходящій до дракъ. Губернаторъ почелъ нужнымъ не дать разыгрываться подобному своеволію крестьянъ. онъ хотѣлъ дать единообразное, правильное направленіе обращенію и разослалъ по округамъ повелѣніе и «письма,» *чтобы удерживать жителей въ уніи, если приходскіе священники къ оному не присоединятся, или примѣчено будетъ неудовольствіе помѣщиковъ* (1). Дѣйствительно, велика была сила польской партіи, когда при направленіи, данномъ императрицею, при ея рѣшительныхъ и энергическихъ мѣрахъ и ясно ею высказываемому требованію устраненія всякихъ преградъ къ добровольному возвращенію уніатовъ къ коренной церкви, было отдано подобное приказаніе.

Во время сильнаго броженія умовъ, этимъ неуклюжимъ распоряженіемъ былъ упущенъ моментъ; ксендзы и помѣщики вполнѣ воспользовались циркуляромъ губернатора. Въ Браславской губерніи 1,293,471 возвратились изъ уніи къ православію, а въ Изяславской 97,568 (2).

«Развѣ, писала оскорбленная императрица Тутолмину 10-го января 1795 года, помѣщики имѣютъ право стѣснять отъ отправленія господствующей вѣры, по внутреннемъ убѣжденію ихъ совѣсти, когда мы, никого не стѣсняя, не токмо терпимъ, но и покровительствуемъ свободное публичное отправленіе ихъ римскаго исповѣданія. Въ Изяславской губерніи не только препятствовали жителямъ обращеніе въ православіе, но *поносили, побивали православныхъ священниковъ*»..... Слѣдуетъ вразумить помѣщиковъ и приходскихъ священниковъ, продолжала императрица, что изъявляемое при введеніи въ благочестіе сопротивленіе и разсѣеваемые

(1) Собр. Т. XXIII. № 17,289, стр. 615.
(2) Графъ Дм. Толстой, le cathol. rom. en Russie, стр. 83.

толки и выдумки ихъ самихъ довести могутъ до непріятностей». Императрица предписывала чтеніе посланія архіепископа Виктора «*производить впредь самимъ поселянамъ, безъ посредства духовныхъ и мірскихъ чиновниковъ римскаго и уніатскаго закона,*» дабы возвратившіеся къ православію «*отъ мести, притѣсненія и обидъ дѣятельно оберегаемы были*» и «*обратить вниманіе, дабы уничтожать пустые толки и вымышленія, разрушающіе спокойствіе жителей въ благоустроенномъ правленіи не терпимые*».

Въ тотъ же день, 10-го января 1795 года, указомъ св. сvноду, она поручала православнымъ епископамъ пастырскими грамотами увѣщевать жителей къ возвращенію къ православной вѣрѣ «во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она насиліями и лестью превращена была въ унію римлянами» (1).

Распоряженія императрицы явились запоздалыми; трудно было поправить дѣло, испорченное генералъ-маіоромъ Шереметевымъ. Преданія гласятъ, что польскіе ревнители по всей сѣверо-западной Россіи настойчиво повели въ темную среду простолюдиновъ вѣсть, что и со стороны русскаго правительства «*вышелъ запретъ обращаться въ греко-россійское исповѣданіе.*» Постановленія, непригодныя для польской справы, въ своемъ истинномъ смыслѣ не доходили до народа; это доказываютъ позднѣйшія событія, вспоминая роковой для польской справы указъ 19-го февраля 1861 года. При отсутствіи русскихъ вліятельныхъ классовъ, правительство не могло слѣдить за глухою подпольною интригою латинскаго духовенства, но за то императрица зорко слѣдила за обнаруживающимися проявленіями. «Поступокъ помѣщиковъ Гружицкихъ, писала императрица, заслуживаетъ все вниманіе правительства; а буде окажется справедливымъ, то поступить съ виновными по законамъ *въ страхъ другимъ для истребленія примѣровъ непослушныхъ и неистовствъ.*»

Напуганные строгими мѣрами императрицы поляки въ западной Россіи угомонились, но не на долго. Л. Е. В.

В. Ратчъ.

Латинское духовенство сѣверо-западной Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II-й.

(Изъ сочиненія: Овѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г. въ с. з. Россіи).

Послѣдовательные раздѣлы Польши умножили число подданныхъ Россіи римско-католическаго исповѣданія. Императрица

(1) Собр. № 17, 299. Т. XXIII, стр. 616.

Екатерина, устраивая, послѣ неурядицы Рѣчи-посполитой, возвращаемыя отъ нея области, обратила особенное вниманіе на мѣстное римско-католическое духовенство.

Назидательны и поучительны труды государыни. Она знала, что въ Рѣчи-посполитой политическія и общественныя дѣла до того поглощали всю дѣятельность духовенства, что оно подчинило имъ свои обязанности какъ служителей алтарей или, какъ выразился въ послѣднее время Владиславъ Мицкевичъ, *духовенство обратило религію въ прислужницу политикѣ* (1). Для будущаго спокойствія страны, Екатерина хотѣла пересоздать римско-католическое духовенство въ предѣлахъ Имперіи: она хотѣла поднять въ немъ богословское образованіе, спустившееся въ Польшѣ на низкую степень, при господствующемъ взглядѣ на религію. Развитіемъ просвѣщенія императрица надѣялась пробудить въ духовенствѣ сознаніе его пастырскихъ обязанностей. Императрица разсчитывала, путемъ воспитанія, развить нравственную сторону русскаго римско-католическао духовенства; а для того, чтобы оно разсталось со всякою политическою дѣятельностью, несоотвѣтствующею его назначенію, для того, чтобы оно вполнѣ стало русскимъ, т. е. въ Россіи видѣло бы свое отечество и въ русскомъ правительствѣ источникъ власти, императрица неуклонно заботилась устранить духовенство отъ всякаго иноземнаго вліянія. Рядъ указовъ, рескриптовъ и наставленій официіальныхъ, частныхъ и секретныхъ (2), ярко выясняетъ основанія, принятыя Екатериною и которыхъ она твердо держалась. Екатерина внушала мѣстнымъ властямъ, что христіанское ученіе православія, начала Русской имперіи и политики, *при сознаніи, что православная греко россійская вѣра есть господствующая въ государствѣ*, одинаково указываютъ на требованія *полной вѣротерпимости относительно русскихъ подданныхъ другихъ исповѣданій*. Для устраненія иноземнаго вліянія, Екатерина, признавая папу духовнымъ главою римско-католическихъ ея подданныхъ, стремилась, однако, устранить всякое его вліяніе на теченіе общественныхъ дѣлъ, не касавшихся совѣсти римской духовной паствы. Папская булла въ Россіи становилась обязательною только послѣ ея одобренія правительствомъ. Каждый монашествующій латинскій орденъ имѣлъ своего генерала и своихъ подчиненныхъ ему провинціаловъ, въ рукахъ которыхъ было высшее управленіе и вся администрація ордена. Генералы и провинціалы проживали за границею. Провинціалы жили въ Польшѣ; они давали направленіе дѣятельности настоятелямъ монастырей и получали отъ нихъ постоянныя денежныя приношенія. Императрица подчинила монашествующее духовенство, наравнѣ съ приходскимъ, его устано-

(1) «Czartoryski» Paris 1863 г.

(1) Собр. законовъ: 1772 г. мая 24 № 1779 г. іюля 8. № 14891 1782 г. янв. 17. № 15,328. 1772 г. декаб. 14. № 13922. 1780 г. янв. 9. № 14966

вленному мѣстному римско-католическому духовному начальству и строго запретила всякія сношенія съ заграницею. «Всѣ монашествующіе ордена имѣютъ единственно зависѣть отъ епархіальныхъ своихъ епископовъ,» говорится въ одномъ указѣ (1). «Предписать, чтобы всѣ монашествующіе ордена, единственно завися отъ епархіальныхъ епископовъ и консисторій, не дерзали навлекать на себя зависимость отъ какой либо духовной власти, внѣ Имперіи пребывающей, или высылать имъ доходы« (2). Самыя строгія мѣры наблюденія были предписаны мѣстнымъ властямъ (3). Мѣстное римско-католическое духовенство должно было пополняться только туземцами, присягнувшими на вѣрноподданство Россіи. Строгія мѣры были предписаны, чтобы духовныя лица, тайно пробравшіяся изъ за границы, не могли ни укрываться въ стѣнахъ монастырскихъ, ни занимать мѣста приходскаго духовенства. Граница Имперіи была заперта для всякаго духовнаго римско-католика, неимѣющаго свидѣтельства на дозволеніе или призывъ отъ служащаго въ Россіи епископа (4).

Духовенству были неоднократно сдѣланы внушенія и предостереженія »подъ страхомъ взысканія, по всей строгости, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ склонять, привлекать и обращать въ исповѣданіе римской вѣры не только православныхъ восточныя церкви, но и другихъ христіанскихъ законовъ исповѣдниковъ« (5).

Послѣдовательный рядъ указовъ, начиная съ 1772 года, выясняетъ всю силу враждебной дѣятельности латинскаго духовенства по отношенію къ русскому правительству, принявшую новое направленіе. Мѣры для полнаго умиротворенія страны, принимаемыя императрицею, были извращаемы замысловатыми уловками или тайными сношеніями и интригами. Человѣкъ, избранный довѣренностью Екатерины въ главные дѣятели по вопросу о римско-католическомъ духовенствѣ, епископъ *Сестренцевичъ*, не устоялъ противъ нравственнаго напора и искушеній римской куріи; сама императрица, опутанная сѣтью находчивыхъ и изобрѣтательныхъ интригъ латинскаго духовенства, теряла нить истиннаго пути. Нельзя однако не отдать справедливости великой государынѣ:

(1) Собр. закон. 6 сентября 1795 г. № 17,379.

(2) Собр. закон. 6 сентября 1795 г. № 17,380.

(3) Такъ, въ указѣ 3 іюля 1779 г. № 14,891 находимъ: ,,Всякіе самовольно прибывающіе изъ за границы провинціалы, визитаторы и т. п., покушающіеся мѣшаться въ правленіе церковное законовъ ихъ, въ земляхъ русскаго подданства отнюдь не должны быть терпимы; ѣдущихъ для посѣщенія и осмотра монастырей, независимо отъ епархіальнаго начальства, отнюдь не пропускать; кои предъявятъ собственныя свои нужды, тѣхъ препровождать, католиковъ къ бѣлорусскому епископу, а уніатовъ къ полоцкому архіепископу. которые о ихъ пріѣздѣ, принятіи, употребленіи или отсылкѣ по надобности извѣщали генералъ-губернатора и за поведеніемъ надзора ихъ отвѣтствовали. (Изъ указа іюля 3-го 1779 г. собр. закон. № 14,891; 6 сентября 1795 г. № 17,379).

(4) Собр. зак. 1780 г. 9 января № 14,966.

(5) Собр. зак. 1795 г. сентября 6 № 17,379.

латинское духовенство торжествовало свои успѣхи; но императрица съ такою зоркостью видѣла тайныя козни, что самомалѣйшія ихъ проявленія немедленно встрѣчали отпоръ, и русская власть уничтожала дальнѣйшее развитіе таинственныхъ замысловъ. При первомъ раздѣлѣ Польши, императрица Екатерина, въ секретномъ наказѣ назначеннымъ губернаторамъ во вновь учрежденныя губерніи, указывала, что полная вѣротерпимость есть коренной законъ Имперіи: «Мы уже однажды навсегда во всей Россійской Имперіи области за правило постановили, что въ столь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности своихъ граждань былъ порокъ, запрещеніе или не дозволеніе ихъ различныхъ вѣръ. (Смотри 494, 495 и и 496 ст. наказа коммиссіи уложенія 1767 года). Вы во всей точности имѣете во ввѣренной нынѣ вамъ губерніи сохранить сіи статьи какъ *коренныя*, основанныя на правилѣ православія, политики и здраваго разсудка.» При такомъ широкомъ взглядѣ на вѣротерпимость, императрица ясно давала разумѣть всѣмъ и каждому, что, признавая папу духовнымъ главою русскихъ подданныхъ р. католиковъ, она не допускаетъ, чтобы римское духовенство, въ предѣлахъ Имперіи, было изъято изъ вѣрноподданническихъ отношеній къ правительству и чтобы, подъ предлогомъ религіи, римскій дворъ могъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла. Мнѣніе государыни ясно выражено въ ея письмѣ къ папѣ Пію VI. «Слѣдуя примѣру моихъ предковъ, если я готова допустить въ предѣлахъ обширныхъ моихъ владѣній отправленіе богослуженія всѣхъ вѣроисповѣданій безразлично, въ томъ числѣ и римско-католическаго, то я не соглашусь ни подъ какимъ видомъ, чтобы мои подданные римско-католики зависѣли, въ какомъ бы то ни было отношеніи, отъ власти чужеземнаго государя: по этой причинѣ всѣ буллы и бреве папскаго правительства могутъ быть обнародуемы въ Россіи не иначе, какъ съ нашего разрѣшенія.»

При учрежденіи въ Россіи принятыхъ началъ полной вѣротерпимости, императрица желала, однако, при послѣдовательномъ поступленіи, вслѣдствіе раздѣловъ, значительнаго числа р. католиковъ въ число ея подданныхъ, совершенно пресѣчь возможность посягательствамъ римскаго двора, пресѣчь прямыя сношенія русскихъ р. католиковъ съ Ватиканомъ. Эта мѣра русскаго правительства измѣнила весь ходъ сношеній высшаго латинскаго духовенства съ папою. Римъ совершенно неограниченно управлялъ въ Польшѣ дѣлами церкви и, для этой цѣли, имѣлъ въ Варшавѣ постоянно своего нунція (1). Съ возвращеніемъ части Бѣлоруссіи, Екатерина хотѣла дать правильное устройство латинскому духовенству въ Россіи. Высочайшимъ указомъ, отъ 14 декабря 1772 г. (2), въ возвращенныхъ отъ Польши областяхъ были учрежде-

(1) Собр. зак. глав. XIX № 13.922.
(2) Le cath. rom. en Russie T. II. pg. 4.

ны епархіи православная, греко-уніатская и римско-католическая. «*Католическому епископу, который вскоръ быть имъетъ*», поручались въ духовное правленіе всѣ римско-католическіе монастыри и церкви, которые для экономическихъ дѣлъ должны были руководствоваться регламентомъ, изданнымъ для с. петербургской католицкой кирхи 1769 г. 12 февраля. Епископу, для управленія духовныхъ дѣлъ, придавалась консисторія изъ 2 или 3 лицъ по его усмотрѣнію. Губернаторамъ было предписано: «за духовными лицами *имъть крайнее наблюденіе, чтобы они отнюдъ не дерзали, ни подъ какимъ видомъ, ни тайно, ни явно преклонять и обращать православныхъ греческаго исповъданія въ другой законъ, о чемъ публиковать, съ угроженіемъ за такое преступленіе взысканія по законамъ.* Недовольнымъ рѣшеніемъ латинскаго епископа было предоставлено право *обращаться въ юстицъ-коллегію лифляндскую, а на оную, по порядку, въ сенатъ, какъ предписано въ регламентъ с. петербургской католицкой кирхи*». Указъ оканчивался запрещеніемъ всякихъ непосредственныхъ сношеній съ Римомъ. »Какъ въ сихъ провинціяхъ католицкая и уніятская церкви, въ разсужденіи ихъ вѣры, остаются при своихъ догматахъ и правилахъ, о чемъ ужъ и публиковано; то ежели отъ папы прямо, или посредствомъ конгрегаціи, или иного католицкаго духовнаго начальства, прислана будетъ къ какой ни есть духовной власти булла, или иное какое повелѣніе, для обнародованія находящимся въ сихъ новопріобрѣтенныхъ отъ Польши провинціяхъ католикамъ и уніатамъ, таковыя папскія буллы и повелѣнія помянутыя власти духовныя отсылать прямо должны къ генералъ-губернатору бѣлорусскому, для представленія намъ самимъ, и ожидать объ объявленіи того въ народѣ нашего соизволенія.«

Было необходимо найдти въ средѣ латинскаго духовенства человѣка, способнаго и готоваго содѣйствовать ея видамъ. Преданный русскому правительству виленскій епископъ Масальскій указалъ Екатеринѣ на своего викарнаго Станислава *Сестренцевича*, который и былъ посвященъ епископомъ въ 1773 году. Станиславъ Сестренцевичъ де Богушъ былъ бѣлоруссъ и реформаторъ по родителямъ, и готовился въ пасторы. Онъ три года слушалъ курсы франкфуртскаго университета и много путешествовалъ по Европѣ. Честолюбивый отъ природы, онъ предпочелъ гусарскій мундиръ рясѣ и десять лѣтъ прослужилъ въ прусской и литовской кавалеріи. Успѣхи на военномъ поприщѣ не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. Принявъ р. католичество, онъ сначала былъ домашнимъ учителемъ у князей Радзивилловъ, а потомъ вступилъ въ духовное званіе и дослужился до викарія при виленскомъ епископѣ. По рекомендаціи епископа Масальскаго, какъ выше сказано, императрица ввѣрила ему высшую власть надъ всѣмъ римско-католическимъ духовенствомъ въ Россіи, съ саномъ могилевскаго епископа (1773) (1), и съ огромнымъ содержаніемъ—60,000

(1) Le cath. rom. en Russiae T. II. pg. 21.

руб. Болѣе полустолѣтія *Сестренцевичъ* былъ значительнѣйшимъ лицомъ среди римско-католическаго духовенства въ Россіи; его имя будетъ часто встрѣчаться на страницахъ собранныхъ нами свѣдѣній, потому заимствуемъ изъ сочиненія графа Дм. Толстого изображеніе этого р. католическаго іерарха, котораго русское правительство призвало для административной дѣятельности въ Россію.

Сестренцевичъ не удержалъ и не сохранилъ отъ своего воспитанія въ реформатскихъ школахъ ни богословскихъ мелочей, ни духа полемики противъ латинства, но истинное развитіе ума, которое іезуиты своими правилами и принципами преднамѣренно искореняли въ своихъ воспитанникахъ, а эти почти безъ исключенія были духовныя лица, современники Сестренцевича. Это обстоятельство возвышало Сестренцевича, а потому онъ и возбуждалъ зависть и негодованіе. Ревностный въ дѣлѣ религіи, онъ до конца дней сохранилъ любовь къ наукѣ и, къ удивленію латинскихъ фанатиковъ, онъ не скрывалъ своихъ влеченій къ разумному образованію: онъ занимался литературой, исторіей, агрономіей, даже медициной. Все это было такъ ново въ его средѣ, что въ ней объясняли его наклонности тайнымъ отступничествомъ отъ католицизма; по понятіямъ латинскаго духовенства, умъ и наука не могли идти рука объ руку съ вѣрою (1). Мысль сдѣлаться со временемъ независимымъ владыкою католицизма въ Россіи имѣла слѣдствіемъ то, что Сестренцевичъ вполнѣ содѣйствовалъ русскому правительству въ идеѣ: сдѣлать латинскую церковь въ Россіи независимою отъ Рима. Онъ ревностно помогалъ правительству до тѣхъ поръ, пока видѣлъ, что ему не предстояло другаго пути дѣятельности. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, измѣнился и образъ дѣйствія Сестренцевича. Сближеніе дѣятельности латинскаго духовенства въ Россіи съ современными событіями выясняетъ, что оно неизмѣнно служило папѣ, и латинскіе іерархи, которыхъ въ Россіи почитали преданными правительству, даже и тѣ не колебались въ выборѣ и содѣйствовали постоянно Риму во всѣхъ случаяхъ, когда требованія русскаго правительства противорѣчили интересамъ римской куріи. Въ могуществѣ костела латинское духовенство видѣло собственное свое могущество, признавало папу истиннымъ своимъ духовнымъ государемъ и только по необходимости подчинялось власти русскихъ монарховъ.

Сестренцевичъ былъ поставленъ главою латинскаго духовенства въ Россіи высочайшимъ указомъ отъ 22 ноября 1773 г., которымъ онъ былъ назначенъ епископомъ бѣлорусскимъ. Имя Екатерины пользовалось громаднымъ значеніемъ въ тогдашней Европѣ; государыня, съ полнымъ сознаніемъ своего могущества и си-

(1) Le cath. romaine en Russie T. II. p. 7.

лы своей имперіи, высказала, что она не признаетъ за римскою куріей ни какого права вмѣшательства въ государственныя учрежденія. По религіознымъ вопросамъ римскіе католики могли восходить до юстицъ-коллегіи, но отнюдь не обращаться къ Риму для ихъ разрѣшенія (1), на основаніи этого высочайшаго указа и регламента 1769 г. римско-католической въ С. Петербургѣ церкви. Сестренцевичъ, по видимому, увлекся своимъ новымъ положеніемъ и надѣялся въ государствѣ православнаго исповѣданія, при направленіи, принятомъ Екатериною, исподоволь стать едва ли не совершенно независимымъ отъ Рима главою латинскаго исповѣданія въ Россіи. Принявъ за основаніе пополнять мѣстное духовенство туземцами издревле коренныхъ русскихъ земель, Екатерина разсчитывала, что оно скоро избавится отъ полонизма, какъ искуственно привитаго элемента, и надѣялась, что латинское духовенство, воспитанное въ предѣлахъ Имперіи, на принципахъ истиннаго христіанскаго ученія, устраненное, при содѣйствіи русской власти, отъ всякой политической дѣятельности, содѣлается достойнымъ своего пастырскаго предназначенія. Въ этихъ видахъ, она озаботилась учрежденіемъ учебныхъ заведеній для латинскаго духовенства. Сестренцевичъ вполнѣ былъ готовъ содѣйствовать императрицѣ: «онъ глубоко скорбѣлъ, пишетъ графъ Дм. Толстой, о распущенности монашеской жизни, о невѣжествѣ и дурномъ поведеніи своихъ монаховъ.» Латинское духовенство западной Россіи во время Рѣчи-посполитой не отличалось богословскимъ образованіемъ; Сестренцевичъ принялъ мѣры къ устраненію этого недостатка, такъ-что даже въ монастырахъ монахи были поставлены въ необходимость учиться (2). «Да не смотрятъ наши братья на просвѣщеніе, какъ на бѣдствіе, говорилъ Сестренцевичъ, обращаясь къ духовенству, но да потщатся они образовать честныхъ гражданъ и разовьютъ въ нихъ любовь ко всему человѣчеству, не разбирая религіи и общественныхъ условій; да научатъ они ихъ не предпочитать почести истинѣ; да пріучатъ они свою паству къ труду и къ вѣрной службѣ императрицѣ и отечеству.« Кромѣ этого, для образованія будущихъ ксендзовъ, онъ основалъ въ 1778 г. въ Могилевѣ семинарію на 20 клириковъ.— Такъ были установлены Сестренцевичемъ положительныя основанія къ образованію латинскаго духовенства въ западной Россіи. Дальнѣйшее развитіе этой мѣры, во время попечительства виленскимъ учебнымъ округомъ кн. *Чартóрыйскаго*, привело къ учрежденію гимназіи при университетѣ, въ которую попали и юноши греко-уніаты, предназначенные къ духовному званію.

Нельзя при этомъ не остановиться надъ знаменательнымъ и назидательнымъ: одни и тѣже сѣмена, посѣянныя на двухъ различныхъ почвахъ, къ какимъ привели діаметрально противу-

(1) Собр зак. Т. XVIII. № 13251 и 13252, 1769 г. Le cath. en Russie T. II. pg. 8.

(2) Le cath. rom. en Russie T. II. pg. 11.

положнымъ послѣдствіямъ! (1). Съ развитіемъ университетскаго образованія, ополяченные поставили себѣ цѣлью-отторженіе отъ Россіи и пріобрѣли то вліяніе на дворянское сословіе, которымъ они и путемъ религіи неподатливыхъ обращали въ ревнителей польской справы; русскіе же, просвѣщенные наукой, увидѣли все безобразіе уніи и постоянными стремленіями къ возвращенію въ лоно православія достигли наконецъ своей цѣли, когда дослужились до званій, при которыхъ ихъ вліяніе не могло быть парализировано ни какими затаенными козними и происками. Императрица подчинила Сестренцевичу не только учреждаемыя латинскія епархіи, но и всѣ р. католическіе храмы въ Имперіи, а въ епархіяхъ не только приходское духовенство, но и монашествующее (2). Императрица ясно отдѣляла догматы религіи отъ административныхъ учрежденій римской куріи. Латинскимъ монастырямъ разныхъ орденовъ были строго запрещены всякія сношенія съ ихъ бывшими заграничными начальствами; монастыри были обязаны признать надъ собою одну распорядительную и духовную власть бѣлорусскаго епископа Сестренцевича.

По первому раздѣлу Польши, къ Россіи отходило до 200 латинскихъ приходовъ, и такъ какъ большинство населенія было уже обращено въ *уніатовъ*, признаваемыхъ папою за его духовныхъ чадъ,— потому римская курія выказывала себя весьма предупредительною къ требованіямъ императрицы. Конечно, ее устрашала мысль, что русское правительство въ возвращенныхъ областяхъ вспомнитъ столь многократныя свои заявленія объ уничиженіяхъ русской церкви въ Рѣчи-посполитой и станетъ сводить старые счеты; римскій дворъ понималъ, что по папскимъ булламъ и посланіямъ, и съ папскаго благословенія и согласія, русскіе люди выдержали столько неправды и притѣсненій, что страшился возмездія и потери своихъ вѣковыхъ трудовъ, отнятія своей уніатской паствы. Римъ съ готовностью исполнялъ требованія императрицы и безпрекословно утвердилъ *Сестренцевича* епископомъ; не прекословилъ освобожденію монастырей изъ-подъ власти ихъ патроновъ и провинціаловъ и спокойно смотрѣлъ, какъ Сестренцевичъ ломалъ древніе монастырскіе статуты и перестроивалъ бытъ духовенства. Римская курія скоро однако же успокоилась: она увидѣла, что русское правительство было далеко отъ всякихъ крутыхъ мѣръ къ возвращенію въ православіе потомковъ тѣхъ, предки которыхъ насильно были увлечены въ латинство. Почв-

---

(1) Вѣдь это логическій выводъ, если почвы различны. Ред.

(2) „Для спокойствія и добраго порядка между духовенствомъ римско-католическимъ, за благо мы разсудили не только всѣ иныя части епископствъ бывшихъ католическихъ совокупить въ одну епархію католическую же, но къ ней причислить всѣ какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ имперіи нашей, находящіеся кирхи и по разнымъ мѣстамъ въ дальнемъ разстояніи живущее ихъ римско-католическое духовенство.“ Жалованная грамота февраля 6 дня 1784 г.

ствовавъ это, римская курія снова начала тайными путями искать возвращенія бывшаго своего значенія; всѣ монашествующіе ордена ревностно ей содѣйствовали въ этомъ случаѣ. Прекращеніе высылки монастырской дани еще болѣе озлобляло противъ Россіи и генераловъ и провинціаловъ. Сношенія того времени римскаго двора съ туземнымъ латинскимъ духовенствомъ, конечно, на долго еще останутся покрытыми непроницаемою тайною; но послѣдствія выясняютъ, что на *Сестренцевича* изъ Рима была наброшена узда и что онъ увидѣлъ себя въ необходимости отказаться отъ смѣлыхъ проэктовъ.

Орденъ іезуитовъ, основанный для поддержанія папской власти, увлекаясь духомъ преобладанія, искалъ униженія другихъ латинскихъ орденовъ и тѣмъ возбудилъ въ нихъ завистъ и вражду. При глухой борьбѣ римско-католическаго духовенства съ свѣтскою властью, латинскіе ордена, начиная постигать цѣли іезуитовъ, выводили на свѣтъ ихъ интриги. Папа Климентъ XIV увидѣлъ, что іезуиты нажили себѣ столько враговъ, что они болѣе вредятъ, чѣмъ помогаютъ интересамъ римской куріи. Буллою 1773 г. онъ уничтожилъ орденъ іезуитовъ: «объявилъ его лишеннымъ всѣхъ принадлежащихъ ему должностей, званій и отличій, всѣхъ имуществъ, домовъ, училищъ, коллегій и другихъ заведеній; отмѣнилъ всѣ статуты и постановленія для онаго изданныя и совершенно подчинилъ членовъ его, на равнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ, епархіальнымъ епископамъ» (1). Іезуиты, пребывавшіе въ Бѣлоруссіи искали защиты у императрицы, императрица писала еще 28 ная 1772 г. губернаторамъ новыхъ русскихъ губерній: «Вы за сими (іезуитами) наипаче недремленно смотрѣть имѣете, яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ, ибо у нихъ безъ согласія начальства, подчиненные ничего предпріять не мотутъ» (2). Однако, по совершеніи перваго раздѣла, Екатерина оставила іезуитовъ; она ясно этимъ доказывала Риму, что въ Россіи никакія папскія буллы, безъ согласія русскаго правительства, не будутъ исполняемы. Этотъ случай на первый разъ былъ весьма пригоденъ; ибо со стороны іезуитовъ нельзя было ожидать ни какого противодѣйствія,— напротивъ: съ полнымъ сочувствіемъ они должны были встрѣтить оставленіе безъ вниманія буллы папы 1773 г. Императрица рядомъ указовъ устраняла въ возвращенныхъ къ Россіи областяхъ вліяніе польскаго духовенства; но іезуитская конгрегація, переполненная иноземцами: итальянцами, французами, испанцами, нѣмцами и другими тайными ревнителями латинской пропаганды, не много заботилась о полонизмѣ и шляхетствѣ. Іезуиты думали не о Польшѣ, но питали затаенныя надежды внести латинство въ Россію. Если поляки на политическомъ поприщѣ были бойцами за вѣковую враж-

(1) Изъ указа 13 марта 1820. Сбор- Заъ. №

(2) Графъ Д. Толстой. Le catholicism romaine en Russie, T, II. pg.

ду Польши въ Россіи, то іезуиты были мирными воинами вражды латинства къ православію и замышляли исподоволь вести пропаганду католицизма во внутрь Имперіи, преимущественно путемъ воспитанія юношества.

Преемники Климента XIV, подчиняясь современному положенію дѣлъ, хотя и не рѣшались возстановить уничтоженный орденъ, столь полезный для интересовъ Ватикана, но, тѣмъ не менѣе, не оставляли его своимъ незримымъ покровительствомъ на перекоръ папской буллѣ. Пребываніе ордена въ Россіи не вызывало однако ни какихъ дальнѣйшихъ мѣръ папъ противъ ослушниковъ, и іезуиты, согласно указовъ императрицы, черезъ русскіе власти, въ 1777 г. обратились къ папѣ о распространеніи ихъ ордена въ Россіи новиціатомъ (1). Римская курія, конечно, была весьма довольна русскимъ правительствомъ, которое пріютило іезуитовъ, въ то время, какъ въ угоду западной Европѣ, Климентъ XIV долженъ былъ выступить грознымъ карателемъ общества Лойолы и принести въ жертву орденъ, наиболѣе преданный интересамъ Ватикана, ретивѣйшій защитникъ его правъ, усерднѣйшій помощникъ въ его домогателствахъ. Іезуиты, не переставая заявлять римскому двору о своей преданности, вопреки роковой для нихъ буллѣ 1773 г., въ тоже время, дабы избавиться отъ подчиненія Сестренцевичу, старались расположить къ себѣ русское правительство тайными ему услугами. Іезуитское братство въ Полоцкѣ, наполненное членами со всѣхъ странъ Европы, не находилось подъ вліяніемъ польско-патріотическаго настроенія. И, когда русское правительство тщательно старалось очистить вновь возвращенныя области отъ ретивыхъ польскихъ патріотовъ и слѣдило за ихъ интригами, іезуиты явились самыми усердными соглядатаями, невѣдомыми помощниками полицейскихъ наблюденій (2). Они повели противъ *Сестренцевича*, пишетъ гр. Д. Толстой (3), всякія интриги и козни, заискивая милости у государственныхъ сановниковъ; своими услугами по части тайной полиціи іезуиты снискивали ихъ довѣренность.

(*Вил. Вѣст.*)

В. Ратчъ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

(1) Приложеніе,— указъ собр. зак. Т. XX 16 февраля 1777 года № 14[illegible] стр. 500.
(2) Le cath. rom. en Russie T. II. pg. 19.
(3) Le cath. rom. en Russie T. II. pg, 19.

Что такое Москва?

(Слово къ галицко-русскому народу).

Въ прибавленіи къ *Львовскому Слову* (Додатокъ Слова для громады, напечатана нижепомѣщаемая статья, которую мы считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ.

Въ настоящее время поляки только и толкуютъ о »Москвѣ.« *Москва* у нихъ все на умѣ, на языкѣ, и вѣрно имъ и во снѣ грезится. Какую вы не возьмете въ руки польскую газету, тамъ болѣе ни о чемъ не пишутъ, какъ только о *Москвѣ* и о *Москвѣ*, а если начнешь съ полякомъ разговаривать, то онъ все будетъ толковать, что *Москва* сдѣлалась черезчуръ страшна, опасна, и что здѣшніе священники хотятъ привести къ намъ (въ Галицію) *москалей*. По этому, добрые люди, если вы хотите знать, что такое *Москва*, то послушайте, я вамъ о ней разскажу.

На свѣтѣ живутъ разные народы, которые Богъ сотворилъ. Одни лучше, многочисленнѣе другихъ, одни болѣе образованы, другіе менѣе; одни богаче, другіе бѣднѣе. Въ части свѣта, гдѣ и мы живемъ, то есть въ Европѣ, много народовъ. Самый великій и многочисленный народъ русскій; потомъ живутъ чехи, сербы, хорваты, булгары, волохи, поляки, венгерцы, нѣмцы, турки, итальянцы, французы, испанцы, англичане, шведы и пр.

Москва же не названіе народа, какъ ложно толкуютъ вамъ *ляхи*, но названіе огромнаго города въ глубинѣ Россіи; величина ея въ длину и ширину болѣе 28 верстъ, окружность составляетъ 40 верстъ, а въ самомъ городѣ сорокъ-сороковъ церквей. Русскіе называютъ этотъ городъ: «Бѣлокаменной матушкой Москвой».

Такъ какъ въ Европѣ много народовъ, то и составилось много государствъ или державъ; каждое государство имѣетъ своего императора или короля, а также свои законы и языкъ. Россія самое великое государство въ свѣтѣ. За ней идутъ наша Австрія, Франція, Англія, Пруссія и т. д. Государства эти составлены или изъ одного народа, или изъ нѣсколькихъ; такъ у насъ есть деревни, гдѣ живутъ одни только русскіе, а есть и такія, гдѣ живутъ разные народы, какъ то: русскіе, поляки, нѣмцы, евреи, армяне. Такъ составлены и другія государства. Рѣдко, какое-нибудь государство населено однимъ народомъ. У насъ, напримѣръ, въ Австріи, живутъ нѣмцы, русскіе, поляки, чехи, мадьяры, кроаты, сербы, румыны, словаки и словенцы. Они всѣ говорятъ каждый своимъ языкомъ, но всѣ подданные одного австрійскаго императора, нашего монарха. Въ Россіи болѣе всего русскихъ, (изъ 70 милліоннаго населенія коренныхъ русскихъ до 55 милліоновъ), но живутъ и поляки и финны, и литовцы, и нѣмцы и черкесы, и другія племена, подвластныя россійскому императору.

Между этими обоими государствами (Австріей и Россіей), и между ихъ императорами, существуютъ такія же отношенія, какъ

между двумя общинами: случается иногда, что одна изъ нихъ проситъ помощи у другой, или споритъ съ нею.

Взглянемъ теперь на наше австрійское государство и на сосѣднюю Россійскую Имперію.

Надо благодарить Бога, что между нашими императорами и русскими государями никогда не было ни спора, ни войны, и наши монархи были всегда дружны съ русскими (не послѣдній ли?). Они всегда жили въ мирѣ между собою, (а 1853 и 63 годы?). Когда Польша, по гордости своей шляхты, вслѣдствіе безпорядковъ и несправедливостей въ отношеніи къ народу ослабѣла и распалась, тогда наша императрица Марія-Терезія, россійская императрица Екатерина, и прусскій король Фридрихъ, раздѣлили Польшу по братски между собою, устроили въ ней порядокъ и учредили законы. Когда шелъ французъ Наполеонъ на нашего императора, тогда стояли въ нашемъ государствѣ русскія войска, а когда французы вступили въ Россію, тогда нашъ императоръ держалъ сторону Россіи. (Ну, это не совсѣмъ такъ). Когда въ 1848 году, возстали и мадьяры, и съ обѣихъ сторонъ прижали наши войска, тогда россійскій императоръ, покойный Николай Павловичъ, дай ему Господи царство небесное! прислалъ нашему императору свое войско на помощь, для усмиренія Венгріи. Когда же, въ 1863 году, возстали поляки, то у насъ ихъ ловили и арестовали для того, чтобы они не переходили въ русскую Польшу, во время мятежа. (И это также не совсѣмъ такъ).

Слѣдовательно, между нашимъ цесаремъ и россійскимъ императоромъ всегда было согласіе и дружба; они взаимно другъ къ другу расположены, и одинъ другому всегда готовы помогать.

Поляки же вамъ говорятъ и пишутъ въ своихъ газетахъ: »Не слушайте священниковъ, потому что они къ вамъ приведутъ москалей.«

Съ нами Богъ! наше мѣсто свято! Когда же священники, или русскіе приводили къ намъ москалей? Кто же ихъ привелъ 18 лѣтъ тому назадъ, въ 1848 году? неужели священники, или польскіе, или мадьярскіе бунтовщики? скажите, добрые люди, кто ихъ тогда привелъ. Не тѣ ли самые, которые теперь кричатъ на священниковъ? Не они ли шли въ Венгрію, присоединились къ венгерцамъ, а въ Турціи принимали и мусулманскую вѣру? И вотъ тогда москали приходили помогать нашему императору, то о насъ не говорили, а о полякахъ, что они помогали венгерцамъ отдѣлиться отъ нашего императора, для того чтобы потомъ вмѣстѣ съ венграми возстановить Польшу. А теперь они говорятъ, что священники хотятъ привести москалей. Чуръ меня чуръ! *(нехта цуръ)!*

Вы тоже знаете, добрые люди, что священники держатъ сторону народа, а народъ стоитъ за своего австрійскаго императора, и вся наша галицейская Русь предана Австріи. И къ чему же наши священники станутъ привлекать москалей, если у насъ, сла-

ва Богу, есть свой императоръ, за которого мы всегда были и теперь готовы посвятить свою жизнь и имущество? И отчего же москали наводятъ такой страхъ? И почему же для насъ должна быть страшна Москва? Москали, правда, навели на Польшу страхъ, потому что тамъ русскій императоръ, какъ и у насъ цесарь, уничтожилъ барщину и всѣ подати, которыя тяготѣли на народѣ, отдавъ громадамъ (общинамъ) все что имъ слѣдовало, а у помѣщиковъ отнялъ все, чѣмъ они неправильно владѣли; вотъ за то поляки такъ и ненавидятъ его, что ихъ сильно подтянулъ, и велѣлъ бунтовщикамъ отправляться изъ своего государства куда имъ угодно.

Напрасно поляки пугаютъ насъ москалями; мы ихъ уже видѣли, когда они приходили помогать нашему императору. Русскіе такіе же люди какъ и мы; у нихъ, такіе же два глаза, носъ, лобъ, борода, руки и ноги, говорятъ-то они почти по нашему, ѣдятъ борщъ, капусту, сало, пироги тоже по нашему. Чего же намъ ихъ бояться? Правда, полякамъ есть чего бояться, но не намъ, потому что нашъ императоръ ихъ не затрогиваетъ, и они нашего не трогаютъ. А поляки вамъ все говорятъ неправду, и чему удивляться, что они бранятъ русскихъ. Русскій царь, который живетъ въ Петербургѣ,— хотя мы отъ него и не зависимъ, потому что мы всегда были вѣрноподданные нашего австрійскаго монарха, не забываетъ и насъ бѣдныхъ ему единоплеменныхъ и, какъ добрый сосѣдъ, наблюдаетъ за дѣтьми сосѣда.

Мы народъ бѣдный; у насъ нѣтъ ни шляхты— она ополячилась, нѣтъ у насъ своихъ господъ, потому что всѣ помѣщики поляки, нѣтъ и денегъ для нашего народнаго дѣла, такъ чтобы мы, подобно другимъ народамъ, могли имѣть своихъ ученыхъ людей. Нашъ арстрійскій государь давно насъ узналь и помогалъ намъ,— дай ему Господи много лѣтъ царствовать, а также и его дѣтямъ! Намъ подарили во Львовѣ академію для народнаго дома, и императоръ назначилъ стипендіи для 20 русскихъ учениковъ, т. е. вспомоществованія по 105 рейнскихъ золотыхъ въ годъ, для того чтобы дѣти наши учились, и чтобы изъ нихъ образовались рускіе професоры, чиновники, адвокаты и проч. Намъ позволили устроитъ во Львовѣ русскій театръ,— а на это надо деньги.

Мы надѣялись, что поляки на сеймѣ, требуя для себя нѣсколько тысячъ, тоже выдадутъ и намъ 3000 золотыхъ для нашего театра, а наши депутаты крестьянинъ Демковъ и священнакъ Наумовичъ говорили имъ, чтобъ они поступали съ нами по братски; но поляки взяли наши деньги на свои школы и на польскій театръ, а на русскій не дали ни гроша; узналъ русскій императоръ въ Петербургѣ, изъ газетъ, что поляки притѣсняютъ насъ, и зная, что австрійскій императоръ нашъ назначилъ 20 стипендій для рускихъ студентовъ-юристовъ, назначилъ и отъ себя 20 стипендій по 450 рублей серебромъ, и 4 стипендіи по 600 рублей для галицейскихъ русиновъ, а нашъ императоръ нисколько

не противился тому, чтобы наши молодые люди, сыновья священниковъ и руских крестьянъ, шли обучаться въ Холмъ, Кіевъ, Москву, или Петербургъ, коль скоро русскій царь даетъ имъ тамъ содержаніе, для того, чтобы они научылись въ школахъ всему хорошему. И вотъ, движимые завистью поляки злятся на русскаго царя, и васъ пугаютъ. Что же мы отвѣтимъ на всю ихъ ложь? А вотъ что: мы имъ скажемъ по нашему: страхи на ляхи, а русина не испугаешь москалями, потому что они вѣрны своему государю, какъ и мы нашему, хвалятъ также Бога, какъ и мы, и ихъ языкъ, церковь, святыя книги и обряды совершенно сходны съ нашими.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ 3, 4, 5 и 6 №№ „СТРАХОПУДА."

1.

Что общаго между австрійскими славянами, нѣмцами и мадярами.

Говорятъ, что нѣтъ ничего общаго между австрійскими славянами, нѣмцами и мадярами; Страхопудъ находитъ, что, хотя между этими тремя народностями господствуетъ вѣчный антагонизмъ и вражда, все таки у них есть что-то общее: И такъ напр. нѣмцы и мадяры боятся панславизма, славяне тоже боятся панславизма; нѣмцы и мадяры, опасаясь народнаго объединенія славянскихъ племенъ, желаютъ, чтобъ славяне придерживались принципа федераціи,— славяне тоже стремятся къ федераціи; нѣмцы и мадяры желаютъ вѣчно господствовать надъ славянами,— славяне помогаютъ *на дѣлѣ* порабощать себя самихъ нѣмцамъ и мадярамъ.

2.

TESTIMONIUM MORALITATIS— Свидѣтельство нравственности.

(Необходимо нужное приложеніе къ новѣйшей польской просьбѣ, адресованной на имя „всѣхъ народовъ и правительствъ Европы" (*).

Со стороны страхопудскаго надзирательства за нравственностью— заявляется по совѣсти всѣмъ и каждому, кому о семъ знать

(*) Какъ извѣстно, составили поляки (т. е. шляхта и ошляхтившаяся „интеллигенція") просьбу de dtto 26 Дек. п. г. „ко всѣмъ народамъ и правительствамъ Европы. Въ этой просьбѣ исчисляютъ они всѣ свои страданія, прося сочувствія и помощи. Такъ какъ просители забыли приложить необходимый для такой просьбы аттестатъ нравственности, то и поспѣшаетъ Страхопудъ выдать полякамъ такое свидѣтельство.

подобаетъ, что такъ называемая «Польша», дочь Феодализма и Деморализаціи, вѣроисповѣданія римско-аристократическаго, воспитывалась езуитами. Преисполнена езуитизма и аристократизма, она истребляла повсюду демокрацію въ какой бы формѣ она ни являлась: и она преслѣдовала славянскія демократическія начала не только въ жизни социяльной и политической, но даже въ религіозной, истребляя народное демократическое славянское православіе и вводя на его мѣсто аристократическій централизующій, чужій— римскій религіозный деспотизмъ. Служа такимъ образомъ чужимъ богамъ, она дѣйствовала безсознательно лишь въ пользу чужихъ, а во вредъ интерессовъ своего собственнаго народа. Потому то народъ никогда ей не сочувствовалъ и теперь еще не сочувствуетъ, такъ якъ госпожа Польша еще и теперь не перестала служить чужимъ неславянскимъ и ненароднымъ богамъ. Потерявъ власть и господство, она старатется всѣми силами продолжать «свою миссію», несмотря на то, что исторія и народъ ужъ давно осудили ту »миссію«. Имѣя горячій темпераментъ и встрѣчая въ стремленіи своемъ естественныя препятствія, она еще болѣе горячится и, въ экстазиеѣ, теряетъ присутствіе ума, ослѣпляется совершенно. Чувствуя немощь свою, она, въ воспаленномъ состояніи ума, нерѣдко впадаетъ въ бѣшенство, и, мстясь на своемъ притивникѣ, никакъ не разбираетъ средствъ, но часто впадаетъ въ самыя простыя преступленія. До какой степени подъупала нравственность Польши въ настоящую пору, и какимъ образомъ ея натура умѣетъ пользоваться властью и свободою, доказываетъ ея нынѣшнее поведеніе въ Галиціи. Вотъ какихъ злыхъ, безстыдныхъ, безчестныхъ, античеловѣческихъ, варварскихъ и подлыхъ средствъ хватается та «благородная польская нація», чтобъ истребить русскую народность на русской же земли,— въ Галиціи:

Русь имѣетъ свой словяно-русскій обрядъ. Чтобъ русскій народъ раздѣлить и ослабить, поляки, зная, что самымъ сильнѣйшимъ оплотомъ русской народности есть русская народная церковь, вознамѣрились прежде всего раздѣлить эту церковь. Это имъ и удалось посредствомъ такъ называемой уніи, которую приняла часть духовной, отъ Польши зависимой іерархіи. Чтобъ еще больше отдѣлить церковь русско-уніятскую отъ церкви русско-православной, стали поляки всѣми возможными средствами латинизовать обрядъ уніятовъ, хотя это противно условіямъ уніи, и запрещалось даже римскими папами. Поляки успѣли. Теперь, когда благороднѣйшая часть русскаго духовенства, ссылаясь на буллы папъ римскихъ и на букву церковнаго закона, начала въ томъ отношеніи противодѣйствовать латинизаціи и русскій обрядъ отъ латинизмовъ очищать,— что же, думаете вы, «народы и правительства Европы«, какими средствами противодѣйствуютъ съ своей стороны поляки сему справедливому, благородному и вполнѣ чистому начинанію духовенства?? Вотъ узнайте:

не только что преслѣдують до крайности тѣхъ благородныхъ священниковъ всѣми возможными способами, но стали издавать въ Львовѣ газетку для народа п. з. „Tygodnik Niedzielny". въ которомъ пишутъ темнымъ мужикамъ разныя басьни и нелѣпости...

3.

MODLITWA NOWA

na starą nótę.

Boże, coś Polskę przez tak liczne wieki
Trzymał na hańbę całego Słowianstwa,
Gdzie szlachcic broi, a lud, bez opieki,
Jęczał, brzemienny okową poddaństwa;
    Przed Twe Ołtarze zanosim błaganie,
    Byś dawnéj Polski nie wskrzeszał nam, Panie.

Ty, któryś potém łzami ludu tknięty,
Rozproszył w nicość nieświętą jéj sprawę,
By świat Twój uznał, żeś Ty niepojęty,
Wszechsprawiedliwy, Wielki i Łaskawy;
    Przed Twe Ołtarze i t. d.

Niedawnoś zabrał w zakordońskiéj Rusi
Przywiléj szlachcic— dzięki Ci, o Boże!
Jakżeż to błogo w tèj ziemi być musi,
Gdzie szlachcic chłopa przygnębiać nie może!
    Przed Twe Ołtarze i t. d.

Wróć naszéj ziemi, co Polska zabrała:
Biédnym wieśniakóm ich lasy i łany,
Niechaj ożyje Ruś cała,
Otrząsłszy z siebie niewoli kajdany.
    Przed Twe Ołtarze i t. d.

O! weź Polaków, weź z kraju naszego,
A jeźli nie wiesz, gdzie dać im osadę,
Zabierz ich sobie do królestwa Twego,
Ty prędzéj z nimi dasz tam sobie radę.
    Przed Twe Ołtarze i t. d.

Boże, którego ramie sprawiedliwe
Niesłuszne rządy kruszy,
Zniwecz Polaków zamiary szkodliwe,
Dzikie nadzieje, które karmią w duszy.
Przed Twe Ołtarze i t. d.

Boże Najświętszy! my nie prosim cudu:
«Sto słońc ze szczytu», «aniołów do boju«, (*).
Złącz tylko resztę słowiańskiego ludu
W jedyny akord anioła pokoju!
Przed Twe Ołtarze i t. d.

Boże Najświętszy, od którego woli
Istnienie świata całego zależy,
Wybaw ród ruski z «rodaków» niewoli
Od gwałtów sejmu i szlachty grabieży.
Przed Twe Ołtarze i t. d.

Jedno Twe słowo, wielki gromów Panie,
«Upiorów ruskich« zamienisz w kozaków....
A gdy zasłużym na Twe ukaranie,
W co chcesz nas obróć— tylko nie w Polaków!
Przed Twe Ołtarze i t. d.

Boże Najświętszy! na krew Nalewajki,
Gonty, Pawluka— świętych męczenników,
Wybaw Ruś naszą od szlacheckiéj szajki,
Od rządów Polski i jéj popleczników!
Przed Twe Ołtarze i t. d.

Gdy Polska we krwi tonie z własnéj złości,
My dla poległych modlitwy nie mamy,
Tak jak i szlachta nie miała litości,
Gdy lud nasz z głodu marł przed dworów bramy!

(*) W chorale: „Z dymem pożarów", zachciéwa się autorowi doko-nieczne cudu:
I patrzym w niebo, czy téż ze szczytu
Sto słońc nie spadnie wrogóm na znak....
Przy końcu zaś powiada już autor apodyktycznie (na pewniaka):
I z Archaniołem Twoim na czele
Pójdziemy potém na krwawy bój. przyp. „Strachopęda."

Przed Twe Ołtarze zanosim błaganie,
Byś dawnéj Polski nie wskrzeszał nam, Panie!

(I niechaj Polska dalej we krwi tonie,
Pamięć poległych nie będzie nam droga,
Bo Ruś szaleńcom nie uwieńcza skronie:
Kto sam żyć nie chce— szczęśliwa mu droga!...
Przed Twe Ołtarze zanosim błaganie,
Byś dawnéj Polski nie wskrzeszał nam, Panie!)

(Переводъ).

НОВАЯ МОЛИТВА

по старому напѣву.

Боже, который такъ много вѣковъ сохранялъ Польшу на посрамленіе всего словянства, Польшу, гдѣ шляхтичъ дурилъ, а народъ, безъ покровительства, стоналъ обремененный цѣпями рабства;

Къ Твоему Престолу возносимъ мольбы, дабы давней Польши не воскрешалъ, Господи!

Ты, который, тронувшись въ послѣдствіи слезами народа, въ ничто обратилъ несвятую ея *справу*, да узнаетъ міръ, что Ты Непостиженъ, Справедливъ, Великъ и Милосердъ;

Къ Твоему Престолу и проч...

Недавно, Господи, Ты отнялъ въ заграничной Россіи у шляхты привиллегіи — благодареніе Тебѣ, Боже! Какъ же хорошо должно быть въ этой странѣ, гдѣ шляхтичъ *хлопа* (мужика) уже не можетъ угнетать!)

Къ Твоему Престолу и проч.

Возврати нашей землѣ то, что отняла Польша: бѣднымъ земледѣльцамъ ихъ лѣса и поля, да воскреснетъ вся Русь, стряхнувъ съ себя узы неволи.

Къ Твоему Престолу и проч...

Боже, котораго правосудная десница сокрушаетъ неправедную власть уничтожь зловредныя затѣи поляковъ и дикія надежды, которыми пропитаны ихъ души.

Къ Твоему Престолу и проч...

Пресвятый Боже! мы не просимъ чуда: «Ста солнцъ и

тверди,» «ангеловъ въ битвѣ» (1), — соедини только остатки славянскаго племени въ одинъ акордъ ангела мира!

Къ Твоему Престолу и проч...

Пресвятый Боже! отъ воли котораго зависитъ существованіе всей вселенной, освободи русскій народъ изъ неволи «земляковъ,» отъ насилій сейма и грабительства шляхты.

Къ Твоему Престолу и проч...

Пресвятый Боже! — ради крови святыхъ мучениковъ: Наливайки, Гонты, Павлюка, избавь нашу Русь отъ шляхетской шайки, отъ польскаго управленія и его сторонниковъ!

Къ Твоему Престолу и проч...

Когда Польша тонетъ въ крови по собственной своей злобѣ; мы для падшихъ не имѣемъ молитвы, такъ какъ и шляхта не имѣла жалости, когда нашъ народъ умиралъ отъ голода у воротъ (панскихъ) дворовъ!

Къ Твоему Престолу и проч...

(Пусть себѣ Польша и дальше тонетъ въ крови, память падшихъ для насъ не будетъ дорога, ибо Русь чела безумцевъ не украшаетъ вѣнцами: Кто самъ не хочетъ жить — счастливая ему дорога!...

Къ Твоему Престолу возносимъ мольбы, дабы давней
Польши не воскрешалъ, Господи!)

4.

Разговоръ чертей въ аду (*).

Русскій чортъ (къ нѣмецкому и польскому): Знаете вы, братцы, що! — мнѣ дѣется великая кривда! Вы получаете каждый день о много больше душъ, чѣмъ я. Мнѣ кривда. Если вы мнѣ непоможете, то я буду жаловатися предъ люциферомъ, который намъ всѣмъ далъ равныя права.

Польскій чортъ: Що ты, що ты — развѣ мы тобѣ непомагаемъ? Вѣдь мы притѣсняемъ, на сколько можемъ, твоихъ русскихъ галичанъ, щобъ принудити ихъ измѣнити своей вѣрѣ и своему народу, и щобъ такимъ образомъ попали души ихъ въ твои руки.

---

(1) Въ гимнѣ «Z dymem pożarów» (Съ дымомъ пожаровъ) автору хочется непремѣнно чуда:

«И смотримъ на небо, не упадетъ ли изъ тверди сто солнцъ въ знаменіе врагамъ...»

Подъ конецъ же этого гимна, авторъ уже положительно говоритъ:

«И съ Твоимъ Архангеломъ во главѣ, пойдемъ потомъ въ кровавый бой.»

(2) Удерживаемъ языкъ подлинника. Ред.

Русскій чортъ: Ну да — но результаты то якіи? Нѣсколько «porządnych» и «prawdziwych» — попадаетъ, правда, въ мои руки, но зато большая часть погибающихъ отъ нужды и голода—попадаютъ просто въ небо.

Польскій чортъ: Ну— развѣ мы виноваты, що русскіи люди такіи твердыи въ своей вѣрѣ, що, несмотря на всѣ притѣсненія и гоненія со стороны нашихъ, все таки немного отпадаютъ отъ своей вѣры и народности? Развѣ мы тому виноваты, що такій Наумовичъ, которого наши до такой степени притиснули, що даже не въ состояніи послати дѣтей въ школу, що мимо крайной нужды— все таки неотступаетъ отъ русского народа и нехочетъ сдатися Полякамъ, хотя ему и толстую парафію обѣщаютъ? Развѣ я виноватъ, що русское духовенство, несмотря на зависимость свою отъ польскихъ патроновъ, мимо бѣдности, мимо деморялизующихъ примѣровъ,— все таки въ большой части остается вѣрнымъ и преданнымъ своей вѣрѣ и своему народу. Ты знаешъ, що за моимъ побужденіемъ издается во Львовѣ и «Tygodnik niedzielny«— единственно въ сей цѣли, чтобы пріобрѣсти собѣ и тобѣ побольше душъ. Пожди, братъ! Вѣдь результаты будутъ непремѣнно.

Русскій чортъ (обращаясь къ нѣмецкому): Ну, а ты-то що хорошого для мене сдѣлалъ?

Нѣмецкій чортъ: Wer — ich? якой ты дурна ruthenischer чортъ? Ты такой dumm, якъ и твои Ruthenen: Wie so я для тебе ничего несдѣлалъ? Развѣ ты того такъ неможешь поняти, якъ и твои Рутены, що и старшій чортъ, и що все, що дѣлаетъ дла тебе polnischer чортъ, то дѣлаетъ для того, ибо я ему позволилъ?!.... Uebrigens — знаешъ Ты що — weisst du was, Bruder — я тебѣ посовѣтую — якимъ образомъ могъ бы ты всѣхъ Рутеновъ безъ малѣйшого труда получити. Напиши имъ, что тутъ въ пеклѣ будетъ *рейхсратъ* — то они сейчасъ всѣ сюда пріѣдутъ — ха, ха, ха, ха, ха! (всѣ черты въ пеклѣ смѣются съ русского armer Teufel).

Русскій чортъ: Неужели пріѣдутъ?

Нѣмецкій чортъ: Ну да — ich sag' dir— что пріѣдутъ— kommen alle herunter! ха, ха, ха, ха!...

Польскій чортъ: I ja ci poradzę: отправися Ты во Львовъ и ступай до св. Юра, щобъ тебе тамъ «pobłogosławili» на доброе дѣло и «wypili» за твое здоровье— а все пойдетъ хорошо. Ха, ха, ха, ха, ха?

Русскій чортъ: Що Ты — съ ума сшелъ? Якъ же то возможно, щобъ тамъ благословили чорта?

Польскій чортъ: Ну-дурный, разумѣется — неблагословятъ тебе въ видѣ чорта; но ты перемѣнися въ человѣка и явись въ видѣ якого нибудь польского графа— а увидишь, що — — ха, ха, ха, ха, ха! — (смѣются всѣ черты въ пеклѣ).

5.

Матеріялы, приготовленные „Страхопудомъ“ для польской эдукаційной комиссіи, занимающейся исправленіемъ учебниковъ для галицкихъ школъ.

Знаючи, якимъ принципомъ намѣряетъ руководитися эдукаційная комиссія, предпринявшая исправленіе учебниковъ для Галицкой молодежи, считаетъ Страхопудъ своею должностью, въ цѣли пособленія важному дѣлу, обратити вниманіе комиссіи особенно на слѣдующіи, *dla naszéj młodzieży* совсѣмъ несоотвѣтныи и деструктивиыи положенія въ разныхъ, въ школѣ преподаваемыхъ наукахъ. И такъ:

1) *Въ библейной исторіи*, гдѣ говорится о «трехъ волхвахъ, пришедшихъ отъ *востока*» (trzech mędrcach od wschodu); Страхопудъ совѣтовалъ бы то преданіе исправити и вмѣсто «*od wschodu*» написати «*od zachodu*», чтобы случайно *młodzież nasza* не соблазнилася и не думала, что *mądrość wyszła ze wschodu.* Желательно было бы также, чтобъ вмѣсто «*Юда продалъ Спасителя за 30 серебренниковъ*» написати: *Judasz sprzedał Zbawiciela za 30 rubli moskiewskich* (*).

2) W katechizmie dla dzieci, гдѣ говорится, что «*люди сотворены по подобію и образу Божому*»; тутъ нужно еще прибавить: *wyjąwszy Moskali*, gdyż oni, jak to «Gazeta Narodowä» słusznie zauważała, mają w sobie więcéj coś «zwierzęcego». Дальше, наука о св. Тройци есть изложена, якъ извѣстно, особенно для малыхъ дѣтей, въ дуже абстрактной и трудной для понятія формѣ; не хорошо ли было бы указати на Польшу, которая, хотя была составлена изъ трехъ народностей (Польши, Литвы и Руси), тѣмъ не менше представляетъ *jeden narod polski!*

3) *Въ исторіи церковной.* Якъ извѣстно стоитъ въ учебникахъ, что и *Moskwa jest chrzescianską*, а даже твердятъ, что «szyzma moskiewska» самая ближшая «katolickiemu kościołowi», ближшая даже якъ вѣроисповѣданіе *лютеранское*, *кальвинское*, *англиканское* и пр.; такое ученіе самое пагубное для «naszéj młodzieży.» Желательно, чтобъ въ новыхъ учебникахъ было сказано, что szyzma хуже *лютеранизма*, *кальвинизма* и даже— «*od mojżeszowego wyznania*» *и магомеднизма*— jedném słowem: *najgorsza na całym swiecie.*

(Продолженіе впредь).

(*) Якъ то уже дѣйствительно одинъ bardzo czcigodny i świątobliwy ks. katecheta w K...oй школѣ bardzo trafnie wyraził się.

6.

Докторъ Страхопудъ на визитѣ у больной Полоніи.

Докторъ Страхопудъ: Знаючи о твоей долголѣтной болѣзни и узнавши якъ безсовѣстно твои польскія лѣкари-шарлятаны съ тобою поступаютъ, счелъ я, наконецъ, своею докторскою должностью посѣтили тебе, Полонія, чтобъ сообщити тебѣ свой совѣтъ.

Полонія: (кричитъ) Aj! moskal! moskal! chce mnie otruć! Niechcę! niechcę!

Докторъ Страхопудъ: No, no, no — niech się Wielmożna Pani Dobrodziejka uspokoi! Я тебѣ ничого злого несдѣлаю и отъ твоей воли зависѣти будетъ моему совѣту послѣдовати — или нѣтъ; я же хочу лишь свою должность выполнити, чтобъ послѣ судъ исторіи неупрекнулъ Доктора Страхопуда, что онъ, будучи такъ славнымъ медикомъ, непробовалъ тебе, вылѣчити!.... Позволь же несчастная, увѣрити тебѣ, что всѣ твои муки и страданія, который терпишъ *теперь*, суть лишь результатомъ шарлатанизма, которымъ тебе хочетъ усчастливити шайка твоихъ польскихъ лѣкарей-литераторовъ. Сіи безсовѣстныи шарлятаны, вмѣсто того, чтобъ прежде всего пріостановити ненормольное волненіе твоей крови, и дати твоему розстроенному организму не много необходимаго покоя — то они, эти глупыи шарлятаны, безпрестанно записуютъ тебѣ самыи лишь сильно-возбуждающіи средства, которыи возбуждаютъ твои нервы, волнуютъ твою кровь и раздражняютъ умыслъ. Въ слѣдствіе того ты попадаешъ непрестанно къ делиріумъ, шалѣешъ, дѣлаешъ комедіи, надѣваешъ на себе żałobę, навѣшиваешъ на себе крестовъ, łańcuchów, szkaplérzy, кричишъ, лаешъ, ругаешъ, проклинаешъ, плачешъ, а послѣ вновь иллюминуешъ, танцуешъ, свою невинную сестру Русь преслѣдуешъ, бьешъ и опять сама плачешъ,— а твои лѣкари-шарлятаны принимаютъ то все твое шаленство за признаки здоровой возбужденной жизни, кричатъ на весь свѣтъ: Jeszcze Polska niezginęła, и такимъ способомъ обманиваютъ тебе напрасно!.... Если не хочешъ, любезная, преждевременно, попрощатись съ симъ свѣтомъ, то я совѣтую тобѣ: прогони прежде всего своихъ глупыхъ шарлятановъ отъ себе вонъ, и неслушайся ихъ! Они тебе ніякъ недопровадятъ до счастья, а скорше прекратятъ твою жизнь, наготовивши тебѣ еще больше неслыханныхъ мукъ и страданій! Вотъ посмотри хотя бы лишь на того директора безсовѣстныхъ шарлятановъ — «króla Jana IV», который тебе теперь такъ страшно въ свои сѣти зануталъ и столько бѣдствій приготовилъ. Онъ тобѣ льститъ, удовлетворяетъ лишь твоимъ страстямъ, ослѣпляетъ тебе всегда больше и больше, и ты думаешъ, несчастная, что онъ твой самъ лучшій пріятель,— а между тѣмъ онъ de facto вредитъ тебѣ боль-

ше всѣхъ. Подумай, кто собственно якъ не онъ съ другими шарлятанами наточилъ «potoki krwi i rzéki łez,» о которыхъ тобѣ говорить, что будто «barbarzyńska moskwa niewinną polską krew przelewa.» Кто якъ не они принудили Доктора Муравьева оперовати твое тѣло? Кто якъ не они уговорили тебе упорствовати противъ острея муравьевскаго ножа? Кто, если не они острятъ опять ножи для новой операціи? Кто если не они, заставляя тебе мучити несчастную Русь галицкую, уничтожаютъ къ тебѣ всю симпатію во всей Славянщинѣ? Кто если не они, вмѣсто ослабити или уничтожити, противодѣйствующу тебѣ силу, ее своими поступками постоянно лишь скрѣпляютъ? Кто, наконецъ, если не тѣ шарлятаны довели тебе до того, что ты, на все глухая, слушаешся лишь тѣхъ, которыи тебѣ льстятъ и твоимъ страстямъ удовлетворяютъ?.... Полонія! Полонія! помни, что сладкость лѣкарства не есть еще вѣрнымъ признакомъ его доброты, а что, напротивъ, всѣ лѣкарства (якъ для тѣла, такъ и духа) обыкновенно бываютъ горькими и непріятными для вкуса, но за то благотворными для организма. Опомнись, наконецъ, и познай сама себе!

Полонія: Gwałtu! agent moskiewski chce mnie obałamucić, i na złą drogę naprowadzić!!....

Докторъ Страхопудъ: Прощай неизлѣчимая!

7.

Покорнѣйшая просьба къ монархамъ, которымъ ввѣрена судьба польскаго народа.

Ваши Величества!

Страданія и муки, которыя претерпѣла и терпитъ несчастная нація польская, суть такъ велики и ужасны, что побудили меня, ниже подписанную, вникнуть глубже въ причины этого жалкаго явленія и просить для несчастныхъ возможнаго прекращенія ихъ безконечныхъ страданій.

Никто не сомнѣвается, что правительства, управляющіе частями бывшой «рѣчи посполитой,» отъ души желали бы примирить поляковъ и сдѣлать ихъ участниками всѣхъ благъ, какими пользуются народы, вѣрные государству. Къ сожалѣнію польская шляхта и такъ называемая «интеллигенція,» несоглашаясь съ условіями политической зависимости, дѣлаетъ невозможными всѣ, хотя бы и найлучшія намѣренія владѣющихъ правительствъ. Всякій человѣкъ имѣетъ право требовать независимости для себя— но только для себя, если онъ несвязанъ съ обществомъ въ какомъ

нибудь отношенія: въ этомъ человѣческомъ правѣ не стѣсненъ ни одинъ полякъ. Но шляхтичи требуютъ возвращенія своей прежней власти и господства— и то отъ имени народа, который ихъ и знать нехочетъ, и ихъ господства вовсе не желаетъ. Тутъ шляхта и «интеллигенція,» непользующаяся довѣріемъ народа— неправы, и потому справедливо преслѣдуются всѣ революціонныя ихъ дѣйствія въ этомъ направленіи. «Поляки» бунтуются— ихъ наказываютъ сурово, поляки опять бунтуются, ихъ наказуютъ еще строже, они еще бунтуются, ихъ наказываютъ еще суровѣе, они еще бунтуются— и такъ безъ конца!.....

Извѣстное дѣло, что между бунтовщиками польскими, большинство— люди необразованные, неумѣющіе дать себѣ отчета изъ своихъ политическихъ дѣйствій и стремленій. Эти люди погибаютъ напрасно и невинно, такъ какъ ихъ только обманули безсовѣстные агитаторы и фанатики ксендзы. Тысяча молодыхъ людей падаютъ жертвою бѣшеной польской пропаганды, которая до такой степени овладѣла польскимъ обществомъ, что самостоятельное развитіе одинокихъ индивидуальностей— это первое и единственное условіе всесторонняго и объективнаго развитія каждого общества— сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ. Очевидное дѣло, что при такихъ условіяхъ нормальное развитіе польскаго общества— немыслимо, немыслимо потому, что польская пропаганда, овладѣвшая литературою, уничтожила свободу и всю независимость лица. Изъ этого и выходитъ, что польская пропаганда проскрибуетъ уже дѣтей въ утробахъ матерей. Спрашивается теперь— чѣмъ виновато дитя въ утробѣ матери, что оно родится на свѣтъ при такихъ варварскихъ условіяхъ, что оно воспитывается именно въ извѣстномъ направленіи, что ему отнята возможность развиться самостоятельно?? Виновато-ли то польское дитя, что логика фактовъ доведетъ его подъ висѣльницу? Нѣтъ, а виноваты условія и обстоятельстка, т. е. виноваты виновники (Urheber) тѣхъ условій и обстоятельствъ!... А между тѣмъ ни какъ невозможно и непозволительно не наказавать тѣхъ «невиноватыхъ» преступниковъ!!... Извѣстно, что всѣ мѣры, принятыя противъ упомянутой душегубной польской пропаганды, оказались недостаточными. Опытъ показываетъ, что эту польскую заразу неискоренишъ никакими средствами духа, ибо духъ и сердце польскіе, зараженныя духовною шляхетско-польскою чумою, находятся, такъ сказать, уже въ закоснѣломъ состояніи. Нынѣшнюю генерацію, ужъ спасти нельзя. Возможно же спасти еще только незараженную массу народа. Единственный же способъ спасти незараженныхъ— есть: отрѣзать совершенно зараженную часть отъ незараженной.

Слѣдуетъ для того основать гдѣ нибудь за Ураломъ для польской шляхты и ошляхтившей ея «интеллигенціи» и ксендзовъ новую «ойчизну,» а чтобъ нескучно было имъ въ этой новой ойчизнѣ, то переселить туда также и всѣхъ «braci mojżeszowego wyznania» — и оставить имъ полную свободу со всѣми шляхетскими правами и

привиллегіями. Мѣра такого рода, хотя сама по себѣ и строга, но такъ какъ принята для блага огромнаго большинства славянскаго народа и для спасенія отъ навѣрной погибили всѣхъ будущихъ генерацій польскихъ, вполнѣ оправдана и, ей Богу, гуманна.

О томъ проситъ:

Гуманность с. р.

vidi: *Докторъ Ст ахопудъ*,

Защитникъ правъ человѣчества.

8.

Строгая консеквенція гр. Борковскаго.

Графъ Борковскій непризнавалъ въ Галиціи русской народности, и на томъ основаніи не признавалъ никакихъ правъ непризнанной народности. Якъ скоро лишь партія польская признала какъ на сеймѣ русскую народность, такъ сейчасъ и поднесъ гр. Борковскій свой голосъ и требовалъ для консеквенціи признанія народныхъ правъ для признанной народности. За то обругали поляки почтенного графа и назвали его измѣнникомъ. На ругательства отвѣтилъ графъ публично, что онъ, несмотря на всякія противности, останется всегда консеквентнымъ и вѣрнымъ своему убѣжденію.— Несмотря на такое противное польскому направленію заявленіе графа, выбрали поляки его теперь опять своимъ депутатомъ на сеймъ; «консеквентный» графъ Борковскій требуетъ теперь, чтобъ въ львовскомъ университетѣ преподавательнымъ языкомъ былъ исключительно языкъ польскій.....

Общественное мнѣніе хочетъ видѣть теперь крайную неконсеквенцію въ поступкахъ гр. Борковского, но Страхопудъ, который смотритъ на все съ „высшей точки зрѣнія,“ не видитъ тутъ никакой неконсеквенціи: вѣдь Графъ Борковскій прежде всего— *полякъ* и представляетъ собою въ нѣкоторой степени фактора въ польской исторіи; а такъ какъ въ исторіи неконсеквенція— немыслима, то, стало быть, графъ Борковскій поступаетъ все таки консеквентно.

9.

Какъ высоко цѣнитъ австрійское правительство пріязнь Россіи.

Извѣстно, что австр. правительство не хочетъ отпустить нѣсколькихъ гимназіяльныхъ учителей, которыхъ русское мини-

стерство пригласило изъ Галиціи на службу въ Россію, пока не будутъ уплачены стипендіи получаемыя когда-то тѣми учителями. Такъ какъ эта мѣра австр. правительства не опирается ни на какомъ положительномъ законѣ, и такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ она никогда не принималась въ отношеніи ко всѣмъ другимъ правительствамъ, то и ясно, что русское правительство можетъ видѣть въ упомянутой австр. мѣрѣ все другое, только не актъ сосѣдской пріязни. Вся же корысть, которую можетъ принести Австріи принятая мѣра, состоитъ въ нѣсколькихъ тысячахъ гульденовъ, которые въ финансахъ государства значатъ столько что =0. Изъ этого и слѣдуетъ, что пріязнь Россіи значитъ для Австріи =0; изъ чего опять слѣдуетъ, что Австрія сильна и могущественна— какъ ни одно государство въ Европѣ.

10.

ЗАПРОСЪ.

Я, ниже подписавшійся, полагаю, что моя уніятская вѣра самая лучшая. Какъ честный и праведный человѣкъ, желающій всѣмъ своимъ ближнимъ царствія небеснаго, желалъ бы я обратить всѣхъ иновѣрцовъ въ уніятство; но такъ какъ всѣ иновѣрцы, къ сожалѣнію, считаютъ каждый свою вѣру самою лучшою, то и не возможно мнѣ обратить ихъ добровольнымъ способомъ въ мою уніятсую вѣру. Мнѣ представляется случай, однакожъ, обратити въ уніятство нѣсколькихъ лицъ, именно дѣтей, неимѣющихъ еще религіознаго сознанія, но для этого обращенія необходимо нужно убить ихъ родителей, которые, считая свою вѣру святою, всѣми средствами опираются обращенію ихъ въ уніятство. Дѣло опасное, ибо я самъ могъ бы поплатиться жизнію,—но еслибъ я зналъ, что церковь признаетъ меня, въ случаѣ моей мученнической смерти, *святымъ*, т. е, еслибъ я зналъ, что церковь считаетъ такого рода поступокъ— дѣломъ святымъ и богоугоднымъ, то я спокойно рѣшился бы убить всѣхъ хранителей упомянутыхъ схизматическихъ дѣтей!...

Извольте, Ваше Высокострахопудіе, поучить мепя на счетъ этого вопроса! *Саласфатъ Дуракѣвичъ.*

ОТВѢТЪ: Что касается духовный уніятской юрисдикціи, то я не могу рѣшить вамъ вопроса;— но что касается мірскаго правосудія, то могу васъ увѣрить, что, еслибъ только доказано было, что вы не сумасшедшій, васъ непремѣнно повѣсилибы за убійство.

Докторъ Страхопудъ.

11.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Поляки распускають слухи, что будто бы нашъ галицкій митрополитъ намѣренъ отправиться съ депутаціею духовенства въ Римъ, чтобъ присутствовать торжеству канонизаціи гонителя русскаго народа, Іосафата Кунцевича, и что будто митрополитъ нанялъ въ Римѣ для себя и для своей свиты уже 40. комнатъ. Распространяя такіе неимовѣрные слухи, поляки, повидимому, желаютъ совершенно подкопать довѣріе русскаго народа къ его митрополиту и духовной іерархіи, такъ какъ они — поляки — хорошо знають, что нашъ русскій народъ никогда не дойдетъ до такой степени невѣжества и безнравственности, чтобъ почиталъ проливпіихъ его предковъ кровь за *вѣру*—своими святыми. Да, религіозное сознаніе и простый здравый смыслъ нашего народа никогда не могутъ отупѣть до такой степени, чтобъ вину кровопролитія за вѣру, за вѣру, за вѣру, за вѣру, за вѣру, признали дѣломъ святымъ, дѣломъ богоугоднымъ; иначе не узнавалъ бы нашъ народъ сущности вѣры—былъ бы самъ безъ вѣры.

Обращая вниманіе впр. митрополита и всч. духовенства нашего на упомянутые, поляками распускаемые, зловредные слухи, надѣемся, что распостраненію ихъ будетъ какъ нибудь положенъ конецъ.— *Отъ страхопудскаго полицейскаго надзирательства за общественною нравственностью и спокойствіемъ.*

Страхопудъ.

12.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И МЕЖДУДЕРЖАВНЫЕ РАСЧЕТЫ.

Послѣ венгерской кампаніи 1848 и 1849 г., представило русское правительство австрійскому издержки на вспомогательную армію русскую въ суммѣ 2,500,000 р. Австрійское правительство жаловалось, что Австрія не въ состояніи уплатить такой суммы. Императоръ Николай Павловичъ подарилъ два милліона, а требовалъ только 500,000; но когда Австрія и этой суммы уплатить не могла, то русское правительство приняло всего на все 7000 р. величскою солью. —

Теперь требуетъ австрійское правительство отъ учителей, переходящихъ въ русскую службу, возвращенія стипендіи: (отъ Л.) 1347 + (отъ К.) 1213 + (отъ П.) 860 + (отъ С.) 1580 р. = 5000 р. И русское правительство согласилось, съ тѣмъ, чтобы эта сумма 5000 р. вычитана была отъ 2.500,000 — 7,000 — 2,493,000, а излишокъ въ суммѣ 2,488,000 немедленно уплаченъ былъ Австріей.—

13.

ВОЗМОЖНО ЛИ РАВНОВѢСІЕ (Gleichgewicht) ВЪ ЕВРОПѢ?

Первый витія французовъ—господинъ Тьеръ, старался объяснить въ парламентѣ, что первымъ принципомъ политики должно быть сохраненіе «равновѣсія» въ Европѣ, чтобъ сдѣлать невозможнымъ всемірное владычество, какъ самую опасную форму абсолютизма и деспсотизма.

Всѣ здравомыслящіе люди, зная изъ статистики Европы, что въ Европѣ нѣтъ націи, которая обладала бы большимъ числомъ душъ, равнымъ суммѣ всѣхъ остальныхъ народовъ, нераздѣляютъ опасенія г. Тьера, и просто не вѣрятъ въ возможность «всемірнаго владычества» (Weltherrfchaft.)

Несмотря на этотъ здоровый аргументъ мыслящихъ людей, неможетъ, однако, Страхопудъ не согласиться съ г. Тьеромъ и не раздѣлять его опасеній (обавъ): безъ всякого сомнѣнія знаетъ и. г. Тьеръ, что въ Европѣ противу стоятъ нынѣ 70-милліонному русскому народу какихъ нибудь 250 милліоновъ другихъ народовъ, но Г. Тьеръ, видя ихъ дряхлость и гнилость, справедливо опасается паденія ихъ самостоятельности; ибо не можетъ порохнавое и гнилое дерево стоять прямо, просто и высоко — на равнѣ съ деревомъ молодымъ, здоровымъ и ростущимъ.

И такъ г .Тьеръ говорилъ правду; напрасны были только его совѣты, чтобъ правительство старалось возстановить равновѣсіе въ Европѣ. Между гнилымъ и здоровымъ организмомъ не возстановитъ равновѣсія и самъ Наполеонъ!—

ПРІЕМЪ ВЪ Г. ВИЛЬНѢ СЛАВЯНСКИХЪ ГОСТЕЙ, ПРОѢЗЖАВШИХЪ ВЪ МОСКВУ НА ЭТНОГРАФИЧЕСКУЮ ВЫСТАВКУ.

Вѣсть о принятіи всѣми передовыми заграничными славянами приглашенія отъ учредителей московской этнографической выставки не только доставить разные предметы для этой выставки, но и участвовать въ ней лично, давно пронеслась въ газетахъ и возбудила по всѣмъ концамъ Россіи въ русскомъ народѣ живѣйшую радость, при мысли, что, наконецъ, настало время, что находя-

щіеся, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, подъ иноплеменнымъ владычествомъ единокровные наши братья западные славяне, въ лицѣ своихъ представителей, стекутся въ сердце Россіи, — можно сказать, въ сердце всей славянщины,— въ нашу первопрестольную Москву, дабы лично познакомиться, сблизиться и возобновить давній родственный союзъ съ великимъ русско-славянскимъ народомъ, отъ котораго они такъ долго были отчуждены и политикою, и дальностью розстоянія, и незнаніемъ, или лучше сказать, искаженнымъ врагами славянства, среди которыхъ они жывутъ, понятіемъ о Россіи, и, наконецъ, разными другими преградами, постоянно поставляемыми ихъ сближенію и знакомству съ нами западными правительствами,—усерднѣйшими агентами которыхъ, въ этомъ отношеніи, постоянно были, злѣйшіе враги наши, поляки.

Одушевилось этою радостью и наше виленское русское общество, но оно еще больше возрадовалось, когда узнало, что путь большинства славянъ, ѣдущихъ въ Москву, избранъ ими чрезъ Варшаву и Вильну. Телеграммы извѣстили насъ о времени проѣзда славянъ чрезъ эти города, о числѣ лицъ вмѣстѣ путешествующихъ и о званіи и фамиліи ихъ. Наше общество единодушно согласилось сдѣлать дружескій, братскій и, сколько возможно, почетный пріемъ во время проѣзда этихъ дорогихъ гостей чрезъ Вильну. Немедленно составился комитетъ для ихъ пріема и ко дню пріѣзда славянъ въ Варшаву отправлена была туда депутація отъ общества съ приглашеніемъ ихъ провести къ Вильнѣ хоть однѣ сутки. Предложеніе было принято и славянскіе гости, вступивъ въ Сѣверозападный край, были пріятно поражены первою встрѣчею русскими въ Гроднѣ, на станціи желѣзной дороги, гдѣ русское общество криками «ура» и другими знаками восторга привѣтствовало ихъ выходъ изъ вагоновъ. Кромѣ того, гремѣла музыка, пѣли пѣсенники, дамы встрѣтили съ цвѣтами,—первый букетъ которыхъ достался знаменитому ученому галицкой Руси, уніятскому священнику, профессору Головацкому; затѣмъ угощали ихъ чаемъ, послѣ котораго провожали ихъ въ вагоны, для дальнѣйшаго шествованія, съ теплыми и задушевными пожеланіями счастливаго пути и всякаго благополучія. Эта семейная, можно сказать, встрѣча со стороны русскаго общества древняго русскаго города Гродны, глубоко тронула нашихъ гостей и, такъ сказать, сразу сорвала съ глазъ нѣкоторыхъ сомнѣвающихся изъ нихъ ту повязку, которую навязали имъ враги и клеветники Россіи.

По пріѣздѣ въ Вильну, 6-го числа въ 11-мъ часу вечера, гости наши были встрѣчены собравшимся на платформу станціи здѣшнимъ русскимъ обществомъ, съ задушевнымъ восторгомъ и радушіемъ, криками «ура!» Фронтонъ станціи, отъ платформы, былъ иллюминованъ обильнымъ газовымъ освѣщеніемъ. Многіе изъ встрѣчавшихъ нашли между гостями давнихъ, личныхъ, или по перепискѣ, своихъ знакомыхъ, которыхъ привѣтствовали братскими объятіями и цѣлованьемъ, а всѣмъ прочимъ

выражали свою радость дружескимъ пожатіемъ рукъ, за тѣмъ, наши путешественники, размѣщены были въ экипажи по три человѣка, и съ четвертымъ, назначеннымъ обществомъ, изъ среди его, лицемъ, для досмотра за полнымъ довольствомъ гостей, отправились въ приготовленныя для нихъ помѣщенія въ зданіи виленской гимназіи, въ конвиктѣ, а отъ части, въ Европейской гостинницѣ, — гдѣ ихъ ожидалъ чай и ужинъ. На другой день, напившись чаю, славяне, въ заготовленныхъ обществомъ экипажахъ, въ сопровожденіи сказаныхъ лицъ — отъ общества, отправились осматривать городъ, занявшій ихъ своею древностію, разноплеменнымъ населеніемъ и разсказами о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ этого города и края; по осмотрѣ города большинство ихъ отправилось (въ томъ числѣ много р. католиковъ и между ними три ксендза), въ православный св. Троицкій монастырь, гдѣ присутствовало у литургіи, совершенной преосвященнымъ Игнатіемъ, епископомъ гродненскимъ. Величіе богослуженія и обрядовъ восточной церкви, стройное пѣніе пѣвчихъ на родномъ для нашихъ гостей славянскомъ языкѣ, строгій порядокъ и благочиніе въ храмѣ, самое, наконецъ, великолѣпіе облаченій служащаго духовенства, его численность и благолѣпная, наружность маститаго архіерея — произвели видимое, благотворно-пріятное впечатлѣніе на славянъ (даже р. католиковъ, даже ксендзовъ), изъ которыхъ большая часть никогда не видала ничего подобнаго у себя дома. Въ особенности трогало ихъ души славянское пѣніе: мы слышали восторженные отзывы о немъ нѣкоторыхъ, а одинъ ксендзъ, почти въ слухъ, воскликнулъ, обращаясь къ своему сосѣду, «тутъ Богъ живетъ!» Разсказываютъ, что нѣкоторые, находясь подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, на обратномъ пути изъ церкви, съ ропотомъ изъявляли сопровождавшимъ ихъ въ экипажахъ русскимъ вильнянамъ, свое сожалѣніе, что навязанное славянамъ Римомъ латинство, лишило ихъ сладости молиться и славить Бога пѣснопѣніями на родномъ языкѣ. А сопутствовавшій со мною ксендзъ говорилъ мнѣ, что славяне р. католики въ Славоніи давно уже поняли несообразность употребленія латинскаго языка въ славянскомъ народѣ для богослуженія, потому и уполномочили своего епископа просить папу о разрѣшеніи перевести богослужебныя книги и литургію на славянскій языкъ, на возраженіе же мое: зачѣмъ понапрасну трудиться надъ новымъ переводомъ, который, быть можетъ, выйдетъ и неудачнымъ, когда есть готовый кругъ богослужебныхъ книгъ, переведенныхъ на славянскій языкъ равно-апостольными св. Кириломъ и Меѳодіемъ и другими славянскими вѣроучителями, — онъ отвѣчалъ: «да, я только теперь вижу, что это правда.»

По окончаніи обѣдни, принявъ, при выходѣ изъ церкви, архіерейское благословеніе отъ преосв. Игнатія, наши гости посѣтили православную литовскую семинарію, гдѣ, въ столовой залѣ, въ которой находились уже за столами воспитанники, встрѣчены были

ректоромъ ея, архимандритомъ Іосифомъ, послѣ пѣнія »достойно« и пасхальнаго канона, краткою, но въ высшей степени воодушевленною рѣчью, въ которой, между прочимъ, о. ректоръ уяснилъ воспитанникамъ многознаменательное значеніе перваго съѣзда славянъ въ Россію вообще и посѣщенія ими г. Вильны и семинаріи въ особенности, и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствовалъ это ихъ посѣщеніе, какъ радостное для русскихъ вильнянъ событіе. На эту, умилившую какъ гостей, такъ и насъ присутствующихъ тутъ русскихъ, рѣчь, отвѣчалъ протоіерей о. Даніилъ изъ Далмаціи, благодарственнымъ словомъ за вниманіе и любовь къ гостямъ „старшихъ ихъ братій", здѣшнихъ русскихъ, и выражалъ надежду прежде на Бога, потомъ на великаго славянскаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА всероссійскаго и на русскій народъ, что недалеко то время, когда, подъ водительствомъ этого народа и его повелителя, всѣ славяне сольются въ одну семью,—если не въ политическомъ, то въ духовномъ и даже религіозномъ отношеніяхъ,—и что этого вожделѣннаго событія дождутся, »если не мы старики,» то предстоящіе юные воспитанники. Всѣ гости и всѣ предстоящіе въ залѣ воскликнули: «да будетъ тако! да будетъ тако! да здравствуетъ великій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II, да здравствуетъ Россія, да здравствуютъ всѣ славяне и ихъ братнее единеніе! ура! ура! Вслѣдъ за тѣмъ пропѣто было многолѣтіе и гимнъ Боже Царя храни. Наконецъ, клики общаго одушевленія прервалъ профессоръ Головацкій. Онъ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ семинаристамъ о значеніи воспитанія въ православномъ и національномъ духѣ, о племенномъ родствѣ ихъ съ заграничными славянами, въ особенности галицко-русскими, и о той благодарности, какую они должны всегда питать къ своему МОНАРХУ, Освободившему 20 милліоновъ народа изъ рабства и облагодѣтельствовавшему Россію многими полезными для нее реформами, и заключилъ рѣчь повтореніемъ тѣхъ же надеждъ, какія высказалъ о. Даніилъ. Оглушительное ура! было отвѣтомъ всего собранія на эту рѣчь, и вслѣдъ за тѣмъ воспитанники пропѣли «Славься,» пѣніе котораго привело славянъ въ такой восторгъ и умиленіе, что многіе изъ нихъ пролили обильныя ручьи слезъ.

По осмотрѣ семинаріи, которой чистота и опрятность вызвала громкій отзывъ одного изъ гостей, что подобнаго заведенія, для духовныхъ воспитанниковъ, ему не случалось видѣть за границею, наши гости сдѣлали визитъ г. главному начальнику края, а затѣмъ, нѣкоторые изъ нихъ посѣтили и г. попечителя виленскаго учебнаго округа. (*).

(*) Къ величайшему сожалѣнію нашему и нашихъ гостей, высокопреосвященный нашъ митрополитъ Іосифъ, по болѣзни, не могъ принять ихъ—жаждущихъ, по словамъ большинства изъ нихъ, получить архипастырское благословеніе отъ сего знаменитаго поборника русской народности и православія,—значитъ и интерессовъ всего славянства,— въ западной Россіи іерарха; но многіе изъ нихъ, въ знакъ уваженія и преданности своей этойисторической личности, явились въ пріемную его дома записать въ визитной книгѣ свои фамиліи.

Остающееся, послѣ этихъ визитовъ, время до обѣда, часть славянъ посвятила на осматриваніе города, а большинство посѣтило музей. Здѣсь особенное вниманіе ихъ привлекло собраніе древнихъ славяно-русскихъ рукописей, на пергаминѣ, и старопечатныхъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Присутствовавшій же при семъ осмотрѣ редакторъ Вѣстника западной Россіи раздалъ, на память, каждому изъ гостей по нѣсколько изданныхъ имъ брошюръ, а нѣкоторымъ и по экземпляру издаваемаго имъ журнала за всѣ годы изданія.

Между тѣмъ прибыла въ Вильну другая часть, отставшихъ по разнымъ причинамъ, путешественниковъ: нѣсколько человѣкъ изъ Далмаціи и знаменитые чешскіе ученые Палацкій и Ригеръ: вмѣстѣ съ прибывшими число нашихъ гостей возросло до 70 человѣкъ.

Обѣдъ происходилъ въ залахъ виленскаго дворянскаго клуба въ пятомъ часу по полудни. Ему предшествовала весьма обильная закуска. Всего, вмѣстѣ съ гостями, собралось болѣе 200 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было все виленское почетное православное духовенство, гражданскій губернаторъ, попечитель виленскаго учебнаго округа, помощникъ командующаго войсками виленскаго военнаго округа, почти всѣ находящіеся въ Вильнѣ генералы и штабъ-офицеры, представители всѣхъ вѣдомствъ, начальники и наставники почти всѣхъ учебныхъ заведеній, гражданскіе чиновники разныхъ вѣдомствъ и разныхъ званій здѣшніе, болѣе почетные, русскіе люди, не только православнаго, но и лютеранскаго вѣроисповѣданій. Изъ р. католиковъ находились только три человѣка— испытанной впрочемъ преданности къ Россіи. Во время обѣда, на хорахъ, оркестръ театральной музыки, подъ дирижерствомъ балетнаго дирижера с.-петербургскихъ театровъ г. Зеленова, исполнялъ однѣ только русскія и славянскія національныя пьесы. Мотивы изъ «Жизни за царя», весьма искусно разыгранные, производили на всѣхъ пріятное впечатлѣніе.

Во время обѣда первый тостъ поднятъ былъ за здоровье Государя ИМПЕРАТОРА и встрѣченъ былъ съ всеобщимъ восторгомъ, и народный гимнъ былъ повторенъ два раза. За тѣмъ, подъ конецъ обѣда и послѣ обѣда, было сказано нѣсколько привѣтственныхъ, со стороны русскихъ хозяевъ, рѣчей, на которыя гости отвѣчали задушевнѣйшими словами. Говорили рѣчи: сербскій ученый г. Политъ, отецъ Даніилъ изъ Далмаціи, Ригеръ, Милошъ-Миличевичъ, Головацкій и Ливчакъ, издатель «Страхопуда». Всѣ эти рѣчи были проникнуты глубокимъ къ намъ сочувствіемъ, сознаніемъ великихъ заслугъ Россіи для славянства, радостью при мысли, что настала пора, когда свободно, при свѣтѣ дня, западный славянинъ можетъ высказать горячее сочувствіе своему старшему брату русскому, когда онъ, не боясь преслѣдованій, какъ то бывало прежде, можетъ смѣло отправиться въ путь по Россіи. Нѣкото-

рые въ рѣчахъ своихъ выражали также надежду, что это первое пришествіе всѣхъ передовыхъ людей— представителей западныхъ славянъ— въ Россію, послужитъ началомъ полнаго ихъ сближенія съ старшими ихъ братьями русскими и духовно-религіознаго слитія въ одну славянскую семью, члены которой разрознены политическими событіями и разностью вѣроисповѣданій. Были и такіе, которые громко жаловались на поляковъ,— единственныхъ теперь выродковъ славянства,— своими кознями, лжею и клеветами, постоянно мѣшавшихъ этому вожделѣнному сближенію. При чемъ, по временамъ; раздавались крики «враги поляки! они одни враги наши! враги всего славянства!» и эти и симъ подобныя восклицанія происходили преимущественно изъ кружка славянскихъ гостей. Послѣ каждой рѣчи всѣ толпою двигались къ говорившему съ радостными кликами, чокались съ нимъ и между собою и цѣловались по братски. Тостъ слѣдовалъ за тостомъ; оркестръ игралъ каждый разъ тушъ, въ промежуткахъ же между тостами онъ исполнялъ и народные русскіе мотивы.

Во время обѣда была получена привѣтственная телеграмма отъ чеховъ изъ Праги, на которую тутъ же отправили благодарственный отвѣтъ: это вниманіе чеховъ тоже привело всѣхъ въ неописанное умиленіе и провозглашенъ былъ тостъ за здравіе чешскаго народа, за здравіе всѣхъ славянъ. При оставленіи обѣденнаго зала, прощанье русскихъ хозяевъ съ дорогими гостями сопровождалось изліяніемъ чувствъ братской дружбы не только на словахъ, но и объятіями, цѣлованіемъ и взаимнымъ пожатіемъ рукъ. Обѣдъ состоялъ изъ 8 прекрасныхъ блюдъ, столы были отлично сервированы и украшены вазонами съ букетами живыхъ цвѣтовъ, вкусныхъ и дорогихъ винъ было въ большомъ обиліи, прислуга клубская многочисленная, одѣтая въ парадной формѣ. Порядокъ во всемъ былъ безукоризненный, за что большее спасибо гг. распорядателямъ угощенія гостей.

Послѣ обѣда наши гости снова разсѣялись по городу: одни отправились въ театръ, гдѣ въ то время давали балетъ пріѣзжіе изъ с.-Петербурга артисты, другіе— въ музей, гдѣ ожидали ихъ съ цвѣтами нѣсколько русскихъ дамъ, иные осматривать виленскія достопримѣчательности, которыхъ не успѣли осмотрѣть до обѣда, нѣкоторые же ксендзы заключили свое путешествіе по городу посѣщеніемъ св. Духовскаго монастыря, гдѣ осмотрѣли и церковь и въ ней пещеру, въ которой приложились къ мощамъ трехъ виленскихъ св. мучениковъ, при чемъ, показывавшій пещеру іеромонахъ поднесъ имъ по экземпляру жизнеописанія сихъ мучениковъ.

Ко времени отхода вечерняго поѣзда наши гости, вмѣстѣ съ распорядателями ихъ пріема и множествомъ другихъ лицъ, въ томъ числѣ и дамъ, собрались въ вокзалъ станціи желѣзной дороги. Здѣсь на прощанее, сказано было нѣсколько теплыхъ и задушевныхъ словъ какъ провожавшими славянъ русскими, такъ

и ими самими. Говорили Палацкій, Ригеръ, Ливчакъ, Головацкій и проч. и провозглашено нѣсколько тостовъ за благополучное путешествіе, за здравіе всѣхъ гостей, за здравіе Палацкаго, Ригера, Головацкаго и пр., наконецъ, за здравіе русскихъ и славянскихъ дамъ. При ударѣ звонка всѣ гости, сопровождаемые со стороны русскихъ пожеланіями счастливаго пути и криками ура, бросились въ вагоны.

Такъ провели мы однѣ сутки съ посѣтившими насъ братьями славянами. И этотъ день останется незабвеннымъ для русскихъ вильнянъ. Мы его провели въ самыхъ изліяніяхъ чувствъ братской дружбы и въ оживленныхъ бесѣдахъ; здѣсь не было чеховъ, сербовъ, хорватовъ, словаковъ, русскихъ; здѣсь былъ только одинъ народъ, одни братья— славяне.

Въ заключеніе нашей статьи считаемъ нужнымъ представить вниманію читателей списокъ проѣхавшихъ чрезъ Вильну славянъ и краткую характеристику нѣкоторыхъ изъ нихъ.

(Чехи).

Палацкій, Ригеръ, Д-ръ Браунеръ, Гаммерникъ (знаменитѣйшій врачъ по болѣзни печени), Вавра, литераторъ, Черни, адвокатъ, Скрейшовскій, извѣстный редакторъ газеты Poletik въ Прагѣ. Вертятко, Коляржъ, литераторы, Патера, Макесъ художникъ, Кубшита (купецъ), Ербенъ, ученый и поэтъ чешскій, Гоура, литераторъ, д-ръ Грегръ, редакт. Народн. листовъ, изъ Праги, д-ръ Миллеръ, Фекшеръ, Каванъ, Звѣрина, баронъ Виляни. Манкенеръ, художникъ.

(Хорваты, моравцы, далматы, сербы, русины, словенцы и др.)

Флай хорватъ, Суботинъ, септемвиръ, сербъ, Свящ. Данило, хорватъ, далматанецъ, Вукашиновичъ, сербъ, д-ръ Политъ, сербъ, хорватскій депутатъ сейма, р.-кат. священникъ Маяръ, словенецъ, Гудецъ, словенецъ, Вильгоръ, словенецъ. Вукатиновичъ, великій жупанъ хорватскій, д-ръ, каноникъ Рачки, Мирко, хорватъ, депутатъ, Осенскій, адвокатъ, Мудронь, (профессоръ, словакъ). свящ. Молчанъ, русакъ изъ Венгріи, проф. Шаффарикъ. д-ръ Миличевичъ, проф. Теодоровичъ, изъ Бѣлграда, отъ ученаго общества дружества, протопресвит. Милютиновичъ, сербъ, Мразовичъ, депутатъ хорватскій, графъ Пучичъ, далматъ, д-ръ Джоржевичъ, отъ литератур. общества «Зоря», р.-кат. свящ. Радлинскій, литераторъ и редакторъ, словакъ, Добрянскій, адвокатъ изъ Львова, проф. Я. Ѳ. Головацкій, Ливчакъ, редакторъ «Страхопуда», д-ръ Ичинскій, сотрудникъ Страхопуда, чехъ, Карлъ Матушъ адвокатъ, Игнацъ Фуксъ, почтовый чиновникъ, Милонъ-Миличевичъ, Карлъ

Ротичекъ, адвокатъ, Антонъ Каутека, Тонинка, купецъ, Александръ Сусулинъ, Василій Котура, Живло Вхивевичъ, Драгужинъ Петровичъ, адвокатъ изъ Бѣлграда, Николай Ковачевичъ, правосл. купецъ изъ Бѣлграда, Георгій Миленковичъ, адвокатъ изъ Бѣлграда, Антонъ Немѣцъ, чешскій землевладѣлецъ, Антонъ Сенецкій, инженеръ изъ Бѣлграда, Крето Теодоровичъ, кадетъ изъ Бѣлграда, Ѳома Павловичъ, простой прислужникъ изъ Бѣлграда, Протопресвит. Бѣговичъ, съ Военной границы, Баракъ, купецъ, Павловичъ (изъ Галиціи), Вильгоръ (словенецъ).

(Нѣкоторыхъ фамиліи *намъ неизвѣстны*).

Франць Палацкій, посѣдѣлый въ бояхъ за жизнь и честь своего отечества, старый, но бодрый еще исторіографъ чешскаго народа. Сорокъ уже лѣтъ несетъ онъ на своихъ плечахъ возрожденіе Чехіи. Твердый и неизмѣнный, удивителный самообладаніемъ и железной энергіей воли, онъ одинъ уцѣлѣлъ отъ эпохи великихъ чеховъ, уже вымирающаго поколѣнія, того поколѣнія, которое произвело Юнгмана, Шаффарика, Коллара, Челяковскаго, Ганку,—уцѣлѣлъ патріархомъ новаго поколѣнія, для того, чтобъ давать ему уроки народной мудрости, поддерживать уваженіе къ труду отцовъ и самотверженіе въ стремленіи къ цѣли, хотя дальней и трудной, часто безнадежной, но все еще возможной для воли неутомимой и несокрушимой неудачами и разочарованіями... (*).

Dr. *Франць Владиславъ Ригеръ,* сь 1848 г., первый, въ собственномъ смыслѣ, общественный дѣятель Чехіи, одинъ изъ найболѣе значительныхъ ораторовъ нашего времени. Очарованіемъ слова и беззавѣтной любовью къ родному дѣлу, онъ приковаль къ себѣ народное довѣріе и сочувствіе до самозабвенія. Опытный знатокъ человѣческаго сердца, онъ умѣетъ играть на его струнахъ и вырывать изъ нихъ желанные звуки. Массы послушны его повелительному голосу, потому что онъ говоритъ «какъ власть имущій». Рѣдкій даръ слова, развитый наукою и упражненіемъ, рѣчь смѣлая и одушевленая, потому что она выходитъ изъ полноты убѣжденія и патріотическаго энтузіазма къ цѣлямъ совершенно безкорыстнымъ,—даютъ ему преимущество перваго оратора «констутиціонной» (!) Австріи. Много завоеваній дѣлаетъ онъ силою логики, побѣждая холодный умъ нѣмца; но гораздо болѣе говоритъ народному чувству его патріотическое чувство, часто поднимающееся до глубокаго паѳоса, сопровождаемое жолчной, злой ироніей—оно дѣйствуетъ сокрушительно на мнѣнія его политическихъ противниковъ. Въ этой области онъ вотъ уже 20 лѣтъ не имѣлъ себѣ соперника ни въ вѣнской имперской думѣ, ни на пражскомъ земскомъ сеймѣ. И много воспоминаній, еще болѣе надеждъ связано теперь для чеха съ именемъ Ригера... Если возможно еще кому твердою рукой провести, порядочно-таки поврежденный уже, государствен,

(*) Краткая біографія Палацкаго помѣщена въ „Голосѣ" 9 мая.

ний корабль Чехіи между этихъ опасныхъ шхеръ въ туманную погоду, когда небо заволоклось тучами, и только вдали виднѣется еще на небосклонѣ послѣдній лучъ догорающей вечерней зари, или сомнительный свѣтъ занимающейся утренней, а то, можетъ быть, и просто послѣднія волны сѣвернаго сіянія, величественнаго, но безплоднаго,— то, конечно, этимъ шкиперомъ въ настоящее время можетъ быть только Ригеръ.

Францъ Ав. Браунеръ—третій политическій дѣятель современной Чехіи, членъ того чешскаго тріумвирата (Палацкій, Ригеръ и Браунеръ), который заправлялъ выборами на чесскомъ сеймѣ. Браунеръ тяжолый, но неутомимый, простой, но твердый, какъ кремень, умѣетъ спускаться въ низшія сферы и говорить тамъ съ мѣщаниномъ, ремесленникомъ, хлѣбопашцомъ. Между которыми онъ давно уже извѣстенъ за свою филантропическую дѣятельность при освобожденіи крестьянъ 1848 г., и своими сочиненіями по сельскому хозяйству. Но и на трибунѣ онъ грозенъ и неумолимъ; особенно если нужно поселить страхъ въ сердца нѣмцовъ, тамъ является Браунеръ. Въ 1848 г. онъ былъ вторымъ, послѣ Ригера, ораторомъ чешской депутаціи въ вѣнской имперской думѣ (Reichsrath). Онъ необходимое лице тріумвирата: Палацкій составляетъ проекты и планы; Ригеръ развиваетъ ихъ на сеймѣ и въ высшихъ кругахъ; Браунеръ вербуетъ для нихъ голоса внизу, въ массѣ.

Карлъ Яромиръ Ербенъ, «витечны списователь», замѣчательный чешскій писатель, очень разносторонній, необыкновенно дѣятельный и неутомимый, историкъ, археологъ, палеографъ, юристъ, архиваріусъ, библіотекарь и ко всему этому еще одинъ изъ наиболѣе крупныхъ поэтическихъ талантовъ.

Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій, русскій изъ Галиціи, уніатскій священникъ, докторъ Богословія, профессоръ львовскаго университета. Онъ одинъ изъ первыхъ русскихъ дѣятелей въ Галиціи, которые съ 1848 года трудятся надъ возстановленіемъ угнетенной и почти совершенно убитой поляками русской народности, При главномъ содѣйствіи его, возникла галицко-русская литература и введенъ, вмѣсто латинскаго, русскій гражданскій шрифтъ въ печати и письмѣ, такъ что въ весьма короткій періодъ времени галицко-русская литература обогатилась множествомъ сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ и нѣсколькими періодическими изданіями, въ которыхъ главное участіе принималъ о. Головацкій и напечаталъ отдѣльно множество брошюръ и книгъ, по части исторіи галицкой Руси, археографіи, археологіи, церковной исторіи и проч. Принималъ также участіе и въ изданіи Вѣстника западной Россіи, доставляя въ редакцію его много древнихъ историческихъ документовъ, интересныхъ статей собственнаго сочиненія, касающихся исторіи Галиціи и современнаго движенія русскаго народа къ возстановленію своей народности. Много также обязаны ему русскіе въ Галиціи за сильное содѣйствіе его къ очищенію греко-уніятскаго богослуженія и обрядовъ отъ обезобразившаго прежнее его величіе латинства. При

главномъ его содѣйствіи и трудахъ, созданы въ Львовѣ русскій народный домъ, русская публичная библіотека, русскій театръ, русская гимназія и разныя другія народно-русскія учрежденія. Но его сильно огорчаетъ неудавшаяся, по милости происковъ поляковъ, попытка вмѣсто того чтобъ создавать русскую литтературу на простолюдномъ жаргонѣ, воспользоваться готовою литтературой велико-русской, или, лучше сказать, обще русской, и такимъ образомъ писать сочиненія и издавать газеты и журналы на языкѣ русскомъ; австрійское правительство изъ опасенія сближенія чрезъ это съ Россіею уничтожило эту попытку въ самомъ началѣ. Но не смотря на это запрещеніе русскій языкъ, въ сочиненіяхъ Головацкаго и большей части другихъ галицко и венгро-русскихъ литтераторовъ становится со дня на день чище и ближе къ обще-русскому, такъ что въ издаваемой въ Львовѣ газетѣ «Слово» меньше уже чѣмъ прежде встрѣчаемъ разностей и полонизмовъ, что даетъ надежду на скорое слитіе галицко-русскаго литературнаго языка съ языкомъ обще-рускимъ, а сама современная, недавно созданная литература этой древне-русской страны перейдетъ въ область исторіи, чтобы служить памятникомъ козней поляковъ и притѣсненія русиновъ австрійскимъ правительствомъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что профессоръ Головацкій за свою патріотически ученую дѣятельность на пользу русской народности и вѣры пользуется во всей Галиціи и Угорщинѣ между русскими населеніями величайшимъ почетомъ и любовью, а мы должны питать къ нему и благодарность за возбужденіе своими сочиненіями въ галицкомъ народѣ сознанія единоплеменности его съ нами и любви къ Россіи и православію (*).

Размышленіе о съѣздѣ западныхъ славянъ въ Россію.

Главный источникъ несчастій западныхъ славянъ — это ихъ разъединеніе. Отсюда неурядица, безплодное раздраженіе и, разумѣется, общее безсиліе. На Россію смотрятъ славяне, какъ на сильный народъ, воспитанный въ политической самобытности; отъ насъ они ожидаютъ указаній опыта и примѣра. Ни наше равнодушіе, ни наши прошедшія ошибки, ничто не могло изгладить въ западныхъ славянахъ древнихъ къ намъ привязанностей.

(*) Характеристику прочихъ славянскихъ нашихъ гостей мы отлагаемъ до слѣдующей книжки, по причинѣ невозможности помѣстить ее теперь въ настоящей и по неимѣнію подъ рукою достовѣрныхъ свѣдѣній объ ихъ дѣятельности на поприщѣ литературы и политики.

Въ настоящую минуту мы выносимъ общее изъ міра славянскаго: прибытіе сюда гостей, изъ разныхъ частей западнаго славянскаго міра, свидѣтельствуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ о возстановленіи славянскаго союза на почвѣ взаимной поддержки, умственной и нравственной. Въ добрый часъ!

Мы убѣждены, что почтенные гости примутъ нашу братскую руку съ такимъ же сочувствіемъ, съ какимъ мы протягиваемъ ее имъ.

Западные славяне намѣрены на дняхъ соединиться, черезъ посредство своихъ представителей, въ древней столицѣ Русскаго царства. Во имя славянской науки, соберутся въ Москвѣ эти представители, цвѣтъ всѣхъ славянскихъ народностей, люди, которые уже отличились въ качествѣ передовыхъ бойцовъ своей національности, и которые, своею богатою политическимъ опытомъ жизнію, доказали, что идея, представителями которой они являются къ намъ, перешла уже у нихъ въ плоть и кровь.

Мы далеки отъ мысли заниматься національною пропагандою: но позволимъ себѣ спросить: почему бы въ настоющее время, когда сліяніе родственныхъ націй сдѣлалось цѣлью политическихъ стремленій, почему бы и славянамъ не соединиться вокругъ одного центра, который вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить имъ въ будущемъ опорной точкой? Мы встрѣчаемся теперь съ западными славянами на почвѣ науки, и нельзя не порадоваться, что именно наука выбрана исходной точкой нашихъ національныхъ стремленій, потому что сознаніе національнаго родства можетъ быть пробуждено у европейскихъ славянъ скорѣе и вѣрнѣе всего посредствомъ науки, которая выставляетъ въ полномъ свѣтѣ эту родственную связь всѣхъ славянскихъ племенъ.

Хотя Россія составляетъ самое большое, по пространству и народонаселенію, славянское государство, но, тѣмъ не менѣе, внѣ Россіи есть еще около 20 милліоновъ славянъ, которые до сихъ поръ, въ слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, были повидимому, чужды намъ, и которые по необходимости были ослаблены, благодаря разъединенію, въ которомъ они принуждены были жить. Родина этихъ разъединенныхъ славянскихъ племенъ находится главнымъ образомъ на юго-востокѣ Европы, т. е. въ той ея части, гдѣ Россіи предназначена великая историческая задача. Здѣсь же заключается и центръ политическаго значенія, которое имѣетъ сближеніе всѣхъ славянъ. До послѣднихъ лѣтъ наши славянскіе братья, живущіе за предѣлами Россіи, были намъ дороги, хотя отчасти и чужды; мы знали между ними отдѣльныя личности, выдающіяся своей дѣятельностью и своими стремленіями; но сознаніе національной связи не могло развиться подъ гнетомъ политическихъ учрежденій. Теперь мы взяли на себя иниціативу въ этомъ отношеніи, которая, по всей вѣроятности поведетъ къ пробужденію новой жизни и національнаго сознанія между славянскими племенами и тѣснѣйшему сближенію ихъ между собою. Эта иниціатива не имѣетъ въ виду какихъ либо политическихъ переворо-

товъ; мы не стремимся къ политическому соединенію съ Россіею славянскихъ народовъ, непринадлежащихъ къ ней. Мы стремимся только ближе узнать другъ друга, ознакомиться съ нашими взаимными стремленіями, и оказать нашимъ братьямъ ту нравственную поддержку, какой можно по праву требовать отъ соплеменнаго народа. Чѣмъ далѣе будемъ мы держаться отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла иностранныхъ государствъ, тѣмъ могущественнѣе будетъ нравственное вліяніе, которое мы въ состояніи оказать на судьбу одноплеменныхъ намъ народовъ.

Еще недавно бывшая могущественною, чешская партія въ Австріи, въ настоящее время, въ слѣдствіе перевѣса въ австрійской имперіи такъ называемаго принципа дуализма, почти совершенно утратила свое политическое значеніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи вліянія на правительство. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ голосъ представителей чешской партіи имѣлъ большой вѣсъ въ совѣтахъ австрійскихъ министровъ; между тѣмъ какъ теперь въ одной части австрійской имперіи господствуютъ неограниченно мадьяры, а въ другой—нѣмцы. Какъ бы ни было велико разногласіе между нѣмцами и мадьярами по политическимъ вопросамъ, въ *одномъ* пунктѣ эти двѣ партіи сходятся совершенно,— въ стремленіи уничтожить могущество чеховъ и поставить ихъ наравнѣ съ другими славянскими народами австрійской имперіи, подъ главенство другихъ національностей. При такихъ обстоятельствахъ и при различіи политическаго развитія и политическихъ взглядовъ у самихъ славянскихъ племенъ Австріи, славянскій элементъ въ австрійской имперіи долженъ былъ бы утратить политическое значеніе, если бы не находилъ нравственной опоры въ единоплеменныхъ южныхъ и сѣверныхъ народахъ, при помощи которыхъ онъ можетъ завоевать себѣ положеніе, достойное самобытной націи. Уже въ этомъ отношеніи сближеніе всѣхъ славянскихъ племенъ, начало которому будетъ положено теперь въ Россіи, должно имѣть важное политическое значеніе. Мы всегда будемъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за борьбою, которую ведутъ западные славяне за свое независимое существованіе; мы всегда будемъ выказывать имъ наше полнѣйшее сочувствіе и, безъ сомнѣнія, употребимъ въ ихъ пользу наше нравственное вліяніе, что подкрѣпитъ въ нихъ увѣренность въ свои силы. Но, въ замѣнъ того, мы въ правѣ ожидать, что и западные славяне будутъ проникнуты къ намъ такими же чувствами и выкажутъ эти чувства въ отношеніи нашихъ стремленій такимъ же образомъ, какъ и мы выказываемъ въ отношеніи ихъ стремленій.

Хотя мы давно уже сокрушили господство татаръ, такъ что опасность съ этой стороны никогда не можетъ вернуться; но тѣмъ не менѣе мы все еще стоимъ лицемъ къ лицу съ могущественными врагами, которые затрудняютъ намъ рѣшеніе нашей политической и ис-

торической задачи, и которые въ особенности раздѣляютъ насъ съ остальными славянскими народами Европы. На югѣ такимъ врагомъ является Турція, всегда враждебно относившаяся къ нашимъ стремленіямъ; на юго-западѣ — Австрія, которая всегда дѣйствовала враждебно намъ въ важныхъ политическихъ вопросахъ, и, вѣроятно такъ же будетъ дѣйствовать и на будущее время.

Но такое неблагопріятное для насъ положеніе дѣлъ приметъ, конечно, иной оборотъ, если между всѣми славянскими племенами проснется сознаніе національной связи, если всѣ они будутъ выказывать взаимное сочувствіе и поддерживать другъ друга въ своихъ стремленіяхъ. Тогда мы будемъ встрѣчать въ Турціи и въ Австріи не одну только вражду; тогда мы будемъ имѣть въ этихъ государствахъ, покрайней мѣрѣ въ значительной части ихъ народонаселенія, друзей и союзниковъ, которые поймутъ наши намѣренія и отнесутся къ намъ съ сочувствіемъ. Когда положеніе дѣлъ измѣнится въ этомъ смыслѣ, намъ гораздо легче будетъ исполнить также и нашу историческую задачу на юго-востокѣ Европы, ибо тогда исполненіе этой задачи возможно будетъ безъ кровавой борьбы и продолжительныхъ войнъ. Россія имѣетъ право стремиться къ тому же, къ чему стремилась съ такимъ успѣхомъ Германія,—къ національному единству. Признавая стремленія Германіи законными, мы не противодѣйствовали имъ ни въ какомъ отношеніи, а потому имѣемъ полное право требовать, чтобъ и намъ не противодѣйствовали въ осуществленіи подобныхъ стремленій.

Имѣя въ виду этотъ возможный, благопріятный для насъ поворотъ дѣлъ, мы вдвойнѣ рады нашимъ славянскимъ гостямъ. Мы надѣемся, что они возвратятся въ свое отечество съ убѣжденіемъ, что великое Славянское Царство простираетъ свои крылья надъ всѣми славянскими племенами; что оно сочувствуетъ ихъ стремленіямъ, и всегда готово помочь имъ, въ чемъ можетъ. Мы желаемъ, чтобы гостящіе теперь у насъ славянскіе депутаты представили собою звено, связующее всѣ славянскія племена, и потому охотно вторимъ прекраснымъ словамъ одного изъ этихъ депутатовъ — Ригера: «Солнце славянскаго единенія уже взошло, и мы убѣждены, что, при взаимной поддержкѣ, мы сдѣлаемся великимъ народомъ не только по числу душъ, но и по славнымъ дѣламъ!»

ДЕРЖАНІЕ 3-ей кн. „Вѣстника Западной Россіи.“ за 1867 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Настоящая (3) книжка Вѣстника запоздала выходомъ въ свѣтъ болѣе нежели мѣсяцомъ. Чтобы читатели Вѣстника не отнесли причины такой запоздалости къ матеріальной или нравственной несостоятельности редакціи, сія послѣдняя считаетъ себя обязанною заявить читателямъ Вѣстника, что единственною причиной этого явленія было то обстоятельство, что бумажная фабрика, поставлявшая бумагу для Вѣстника, по случаю поврежденія ея наводненіемъ, остановила на два мѣсяца свои операціи, а изъ Риги бумага запоздала высылкой по причинамъ, нисколько независѣвшимъ отъ редакціи. За то 4-я книжка Вѣстника выйдетъ чрезъ двѣ недѣли послѣ 3, такъ — что на 6 книжкѣ Вѣстникъ вступитъ въ нормальные сроки своего выхода.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцовъ, весьма многіе подписчики разныхъ присутственныхъ мѣстъ сѣверо-западнаго края выслали на Вѣстникъ по 4, или по 5 руб. за экземпляръ. Это произошло отъ недоразумѣнія. Но такъ какъ это недоразумѣніе теперь уже устранено и такъ какъ уступка по вышеозначенной цѣнѣ Вѣстника вовлекла бы его редакцію въ большіе убытки; то сія послѣдняя проситъ покорнѣйше подписчиковъ Вѣстника, выславшихъ по 4 и по 5 руб., дослать, по крайней мѣрѣ, по 1 рублю на пересылку и укупорку журнала, безъ чего редакція не можетъ исполнить ихъ требованія. И эта огромная уступка дѣлается только тѣмъ, относительно— не состоятельнымъ мѣстамъ и лицамъ, которыя подписались по 1-е мая, и которыя были поставлены въ недоразумѣніе на счетъ цѣны Вѣстника. Изъ этого правила исключаются только волостныя правленія, которымъ, для большей популяризаціи изданія, оно уступается по 6 рублей. Что касается духовенства, редакція проситъ его покорнѣйше высылать деньги на экземпляры Вѣстника по указанной ему епархіальнымъ начальствомъ цѣнѣ, а тѣхъ, которые, по недоразумѣнію, выслали по 5 рублей,— въ возможной скорости, дослать недостающія до такой цѣны деньги, иначе редакція будетъ поставлена мъ неодолимое затрудненіе исполнить заказы духовенства.

Содержаніе 3-ей кн. „Вѣстника западной Росс... за 1867 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.